

ИНСТИТУТ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ КАВКАЗА

СЕРИЯ «ИСТОРИЯ КАВКАЗА»

РАУФ А. ГУСЕЙН-ЗАДЕ

КАВКАЗ И СЕЛЬДЖУКИ

**Баку
«Кавказ»
2010**

Научный редактор
Эльдар М.ИСМАИЛОВ

Рецензенты
**доктор исторических наук,
профессор Нодар Н.ШЕНГЕЛИЯ**
(Грузия)
**кандидат исторических наук,
доцент Юнис М.НАСИБЛИ**
(Азербайджан)

**Рауф А. Гусейн-заде. Кавказ и сельджуки.
Баку, «Кавказ», 2010. – 272 с.**

ISBN 9952-432-37-2

Предлагаемое вниманию исследование является первой попыткой научной интерпретации истории взаимоотношений сельджуков и народов Кавказа в XI–XII веках. В эти столетия произошли важные перемены в политической и хозяйственной, этнической и конфессиональной жизни региона, связанные с установлением многосторонних отношений между кавказскими государствами в рамках Сельджукской державы. Поэтому знаковые события истории исследуемого периода оказали заметное влияние на последующее социально-экономическое развитие многих стран и народов Кавказа.

Издание рассчитано на историков и массового читателя.

© **Институт Стратегических
Исследований Кавказа**
© **«Кавказ»**

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	5
ОТ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА	7
ВВЕДЕНИЕ	11
ГЛАВА I. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ КАВКАЗА СЕЛЬДЖУКСКОГО ПЕРИОДА	
1.1. Источники	18
1.2. Сельджукская тематика в историографии	36
ГЛАВА II. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КАВКАЗА В XI ВЕКЕ	
2.1. Кавказ накануне сельджукского завоевания: первая половина XI века	57
2.2. Сельджукское завоевательное движение и Кавказ: вторая половина XI века	62
2.3. Дробление Сельджукской державы. Укрепление местных государств.....	83
ГЛАВА III. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КАВКАЗА В XII ВЕКЕ	
3.1. Иракский султанат Сельджукидов и Кавказ: первая половина XII века	87
3.2. Азербайджанский султанат Ильденизидов и Кавказ: вторая половина XII века	95
3.3. Характер взаимоотношений Азербайджана и Грузии в XII веке	108
ГЛАВА IV. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА КАВКАЗЕ В XI–XII ВЕКАХ	
4.1. Вводные замечания	124
4.2. Характер экономической жизни Кавказа в XI–XII веках.....	127
4.3. Поземельные отношения	130
4.3.1. Йайлаги и кишлагы	133
4.3.2. Земли уджей.....	134

4.4.	Институт икта	136
4.4.1.	Военный икта.....	137
4.4.2.	Личный икта	138
4.4.3.	Административный икта	141
ГЛАВА V.	ГОРОД. ТОРГОВЛЯ. СИСТЕМА ФИСКА. ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ КАВКАЗА В XI–XII ВЕКАХ	
5.1.	Расцвет города	144
5.2.	Городское управление	145
5.3.	Торговля. Торговые связи и пути	147
5.4.	Система обложения	154
5.5.	Денежное обращение	157
ГЛАВА VI.	ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА КАВКАЗЕ В XI–XII ВЕКАХ	
6.1.	Принцип федерализма	162
6.2.	Управление на местах	166
6.3.	Сюзеренитет и вассалитет	167
6.4.	Институт атабеков	169
6.5.	Военно-феодальный институт уджей	174
6.6.	Сельджукская военная организация	177
ГЛАВА VII.	ТРАДИЦИИ И ОБРЯДЫ ОГУЗСКОГО ЦИКЛА	
7.1.	Сирийские источники о верованиях и обычаях огузов VII–XII веков	204
7.2.	Свадебные обряды	210
7.3.	Тюркское “Гош!”	232
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	236
	SUMMARY	245
ПРИЛОЖЕНИЯ		
	Из “Хроники” Михаила Сирийца	251
	Из “Всеобщей истории” Бар Эбрея	256
	Научные публикации Рауфа А.Гусейн-заде	258

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АГУ	Азербайджанский Государственный университет
БЧ	Бартольдские чтения
ВВ	Византийский временник
ВИ	Вопросы истории
ГИМ	Государственный исторический музей
ДАН	Доклады Академии наук
ЗВОРАО	Записки Восточного отдела имп. Русского археологического общества
ИАН	Известия Академии наук
ИВ	Институт востоковедения
ИКИАИ	Известия Кавказского историко-археологического института
КСИНА	Краткие сообщения Института народов Азии
НЭ	Нумизматика и эпиграфика
НЭС	Новый энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона
ООН	Отделение общественных наук
ППВ	Письменные памятники Востока
ПС	Палестинский сборник
СИФП	Серия истории, философии и права
СМОМПК	Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СОН	Серия общественных наук
СТ	Советская тюркология
ТИИ	Труды Института истории
ТС	Тюркологический сборник
УЗИВАН	Ученые записки Института востоковедения

BSOAS Bulletin of the School of
Oriental and African Studies
RET Rēvue d'Etudes turque
RK Rēvue de Kartvélologie
TTK Türk Tarih Kongresi
JA Journal Asiatique

ОТ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

Известно, что сельджуки и созданная ими империя оказали сильное влияние на ход мировой истории в XI–XII веках. В сфере их прямого влияния находился почти весь средневековый Кавказ, выполнявший важную геополитическую и геоэкономическую функцию на пространстве Центральной Евразии. Взаимоотношения стран и народов Кавказа в рамках Сельджукской империи характеризовались крайней сложностью, многоаспектностью и многовекторностью.

Этот широкий комплекс вопросов и является предметом представленной вниманию читателей книги профессора Рауфа Гусейн-заде.

Монографией “Кавказ и сельджуки” Институт стратегических исследований Кавказа начинает издание серии книг, посвящённой истории народов и стран региона в составе различных империй. В рамках этой серии будут опубликованы следующие работы: “Кавказ и Иран”, “Кавказ и Византия”, “Кавказ и Арабский халифат”, “Кавказ и Монгольская империя”, “Кавказ и Османская империя”, “Кавказ и Россия”. В целом предлагаемая тематика позволит раскрыть историю взаимоотношений народов Кавказа в составе великих держав, сыгравших существенную роль в формировании региона как единого социально-экономического пространства планеты.

Планируемая серия книг представляет собой системные исследования, направленные на выявление особенностей контактов и синтетного развития народов и государств Кавказа в условиях различных цивилизаций, а также закономерностей и механизмов их интеграции. При этом мы исходим из того, что эволюция стран и социумов региона шла параллельно как в процессе обретения национальной самобытности в общих рамках мирового социокультурного пространства, так и в направлении формирования общекавказской системы ценностей.

Заметим, что обособленной страны или народа, как и их истории, не существует, ибо нереально “отгородиться” от широкой исторической среды, в которую органично включён тот или иной этнос и ареал его обитания. Вместе с тем всё это необходимо проанализировать и во временном аспекте всемирной истории, включающей в себя как периоды противостояния на Кавказе великих держав, так и нахождения региона в составе некоторых из них. Причём одни из них стали создателями таких уникальных социокультурных и конфессиональных “полей”, которые оказали существенное влияние на ход мировой истории и культуры, в том числе и на эволюцию Кавказского региона. Таковыми были: Ахеменидская, Парфянская и Сасанидская империи с их синкретической культурой и зороастризмом; Византийская империя с эллинистической культурой и христианством; Арабский халифат, способствовавший распространению мировой религии – ислама и заложивший фундамент мусульманской цивилизации; Сельджукская держава с её тюркско-мусульманской культурой; Монгольская империя, охватившая огромные пространства Евразии; Османская держава, включавшая в свои границы Переднюю Азию, Северную Африку, Южную Европу; Российская империя – самое обширное государство Евразии, объединившее славяно-тюркские и христианско-мусульманские ценности. Именно в таком контексте формировалась и эволюционировала политическая, социально-экономическая, культурно-конфессиональная жизнь Кавказа.

Необходимо также отметить, что в составе различных империй каждый этнос Кавказа эволюционировал “своим” путём. Так было в периоды персидского, византийского, арабского, сельджукского, монгольского, сефевидского, османского, российского “присутствия”, то есть в социокультурных системах, отличавшихся друг от друга по многим параметрам (политические, экономические, социальные, идеологические, религиозные, этнические и т.д.). В частности, в составе христианских империй более “комфортно” чувствовали себя Картлия, Кахетия, Имеретия, Абхазия, Осетия; а в мусульманских импе-

риях – Азербайджан и почти весь Северный Кавказ. Вместе с тем на фоне ислама более чётко проступала роль арабского и персидского, а ещё шире – тюркского начал. Причём такая картина была характерна не только для зон доминирования ислама, но также и для других субрегионов Кавказа, в которых эта религия в силу своей толерантности получила широкое распространение. Отметим также, что при доминировании общемусульманского ареала исследуемый Р.А.Гусейн-заде сельджукский период ознаменовался тюркско-мусульманской доминантой.

В связи со сказанным следует особо подчеркнуть, что XI–XII века стали одним из этапных периодов в истории Кавказа. Этот регион, являвшийся своеобразным мостом между Востоком и Западом, Севером и Югом, всё отчётливее выступал в качестве зоны столь характерного для той эпохи континуитета и синтезного развития – как составная часть Великого шёлкового пути и Дороги благовоний и пряностей, как регион, активно привлекавший к себе завоевателей, различные племена, миссионеров и культуртрегеров, путешественников и купцов, географов и мыслителей.

Важную роль в военно-политической, социально-экономической, культурно-конфессиональной эволюции Кавказского региона играли его города, в первую очередь Табриз и Нахчыван, Тифлис и Баку, Дербенд и Шамахи, Марага и Кутаниси, Гянджа и Дманиси, Ардабиль и Мухета, Хамадан и Цхум, Урмия и Рустави, Салмас и Гори.

Вот почему специальная литература, освещающая историю Кавказа сельджукского периода, весьма обширна и многогранна. Однако при всём её разнообразии в ней попрежнему остаются “белые пятна”. В частности, отсутствуют обобщающие исследования по Кавказскому региону как отдельного субъекта-объекта всемирной истории.

Монография Р.А.Гусейн-заде в определённой мере восполняет эти пробелы и даёт возможность получить общее представление об источниках и историографии, военной, политической и экономической истории, о религии и традициях, верованиях и

обычаях народов Кавказа сельджукского периода в их взаимосвязи и взаимодействии. Среди главных выводов работы особое внимание заслуживает заключительный тезис, согласно которому страны Кавказа в XI–XII веках были достаточно сильно интегрированы и являлись активными участниками мировой феодальной системы.

Эльдар М.ИСМАИЛОВ

**СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
МОИХ РОДИТЕЛЕЙ –
МАРИИ И АЛИШИРА И
СЫНА МОЕГО АЛИШИРА**

ВВЕДЕНИЕ

В истории Кавказа одним из этапных был период XI–XII веков. Тогда в жизни региона, как и вообще Центральной и Передней Азии, произошли перемены, вызванные, в первую очередь, эволюцией местных государств и в определённой степени совпавшие с военно-политической активностью сельджуков.

Сельджуками именовали возникшее в X веке в Туркестане (Южный Казахстан)¹ военно-политическое объединение огузских и ряда других тюркских племен. В XI–XII веках они под руководством великих султанов из рода Сельджука, происходивших из огузского племени кынык, участвовали в завоевательном движении на запад.

По этому эпониму завоеватели стали известны как *сельджуки*, само движение и период – *как сельджукские*. При сельджуках на обширной территории от Туркестана до Средиземного моря и от Кавказа до Персидского залива сформировались различные интегрированные политические структуры. Они оказали влияние на мировую историю, в том числе на политическую, военную, экономическую, социальную, этническую, конфессиональную и культурную жизнь многих стран и народов Центральной и Передней Азии, а также Европы. В частности, продвижение сельджуков в западном направлении привело к

¹ Дефиниция “Туркестан” (“Страна тюрков”) как географическое название фиксирована в сочинении “Кудатгу Билик” (“Наука о том, как становятся счастливым”) тюркского автора XI века Юсуфа Баласагунского. См.: Древнетюркский словарь. Ленинград, 1969, с.599.

началу крестовых походов западноевропейского рыцарства на Восток (XI–XIV века). Тогда же усилились связи между Востоком и Западом, появились новые зоны контактов и синтезного развития, что обеспечивало столь характерный для эволюции средневекового социума континуитет. В результате, оказались взаимосвязаны многие страны и народы Востока и Запада.

В.В.Бартольд у принадлежит мысль, что благодаря образованию Сельджукской державы (1038–1157) огузы приобрели для мусульманского (можно добавить – и восточнохристианского) мира такое значение, какого не имел в средние века ни один другой тюркский народ.¹

В связи со сказанным отметим, что тюрки стали известны за пределами своей исторической родины задолго до сельджуков. В частности, они были знакомы уже домусульманской Передней Азии. Так, в VI веке, во время войн между Сасанидской и Византийской империями, тюрки принимали активное участие попеременно то на одной стороне, то на другой.

Для Кавказа сельджукское движение не стало фактором, оказавшим определяющее влияние на его внутреннее развитие. Оно осталось преимущественно явлением, воздействовавшим на общие процессы эволюции местных государств и обществ. В свою очередь, освоение Кавказа было сложной проблемой в истории сельджуков, да и сами они испытали гораздо более сильное влияние, чем это представляется.

Находясь на сравнительно ранней ступени социально-экономического развития, нежели население завоёванных территорий, сельджуки немало восприняли у других народов. Одновременно шёл обратный процесс: они сумели оказать определённое влияние на жизнь этих народов. Такое явление взаимообогащения не случайно: оно служит подтверждением существования зон контакта и синтезного развития там, где сельджуки соприкоснулись с мусульманским и христианским миром, и где этот мир контактировал с ними. Вот почему судьбы стран и народов переплелись с сельджуками, деятельность которых

¹ Бартольд В.В. Очерк истории туркменского народа. // Сочинения, том II, часть 1. Москва, 1963, с.574.

стала частью местной и мировой истории. Поэтому к истории сельджуков и Кавказа можно отнести вывод Н.В.Пигулевской о том, что “общественное развитие происходило в постоянной зависимости от связей и взаимных столкновений между оседлым населением давно сложившихся государств и кочевыми племенами пустыни, спорадически наступавшими на них”.¹

Каждая страна и каждый народ Кавказа имели свои особенности исторического и политического, социального и экономического, культурного и конфессионального, государственного и общественного развития. В известном смысле они были разнохарактерными по некоторым, порою второстепенным, признакам. Но эти различия лишь подчеркивали то общее, что являлось для всех них свойственным: эволюция в одном и том же регионе, в одних и тех же временных рамках, в контактах с одними и теми же внешними силами, в нашем случае – с сельджуками. Общими были одни и те же закономерности, что присущи в целом эпохе. Ибо законы общественно-экономического развития в вышеназванных объективных условиях имеют универсальное значение. Все народы мира проходят через одни и те же фазы исторической эволюции, хотя и со своими особенностями и в разное время. Поэтому специфика носит вторичный характер, нередко являясь различной формой проявления общих закономерностей.

Исторический процесс един. Общее объясняется не столько взаимовлиянием или однотипным внешним воздействием даже в течение многих столетий, сколько сходными условиями хозяйственно-производительной деятельности, сложившейся в рамках одной социальной системы, имеющей общие закономерности развития; определённую роль играло также относительное единство географических условий.

¹ Пигулевская Н.В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI веках. Москва-Ленинград, 1964; Ахундова Н.Ч. Тюрки в системе государственного управления Арабского халифата. VIII – сер. X веков. Баку, 2004, с.40; Шукюрова Р.М. Первое вторжение огузов в Азербайджан. // ДАН Азербайджана, 1981, том XXXVII, № 11; она же. Сведения *Огуз-намэ* о завоевании тюрками Азербайджана и сопредельных стран. // Известия АН Азербайджана, СИФП, 1982, № 3.

В работах по истории Кавказа XI–XII веков взаимоотношения стран и народов региона с сельджуками, да и между собой, рассмотрены с позиций изучения их каждой в отдельности. В предлагаемой вниманию работе освещён комплекс вопросов, характерных и общих для Кавказского региона в связи с сельджуками, что позволяет взглянуть на его историю в XI–XII веках с двух совмещённых – внутренних и внешних – позиций.

Такой взгляд даёт возможность, не противопоставляя их друг другу, а взаимно дополняя, более наглядно и объективно показать происходившие процессы по линии “Сельджуки–Кавказ”. Исходя из этого, внимание акцентировано на геополитике региона, напрямую связанной с деятельностью столь важной и могучей составляющей, как сельджуки. Они сумели оказать влияние на судьбы народов Центральной Азии, Кавказа, Малой Азии и Европы, то есть обширного региона Центральной Евразии. Созданная ими империя стоит в одном ряду с такими её предшественниками, как держава Александра Македонского и Арабский халифат, с современными ей Византийской империей и Священной Римской империей германской нации, с наследниками сельджуков – Монгольской и Османской империями.

Понять судьбу кавказских стран и народов тех столетий, а также представить их как часть всемирной истории можно лишь при изучении закономерностей взаимодействия объективного процесса (общее, то есть типовое) и субъективных факторов (особенное, то есть конкретное, проявление типологического).

Конкретные условия накладывают специфический налёт на ход исторического процесса, что позволяет индивидуализировать историю каждой страны и народа. Действительно, они имеют свою собственную судьбу. История человечества проявляется в истории отдельных народов и через неё. В то же время нередко смысл исторических событий, касающихся, казалось бы, одного народа, в полной мере открывается через общую историю человечества. Но общее и особенное (типология и её проявления) тесно связаны и взаимозависимы. Вот почему хотя и трудно, но важно найти истинное соотношение между ними, так как только на этом пути возможно установить место каждой страны

и народа в процессе их исторического развития; выяснить то, что отличает их друг от друга; а также то, что сближает их судьбы, роднит их историю. Поэтому применительно к Кавказу можно говорить о многообразии в единстве и о единстве в многообразии.

Иными словами, следует выяснить общее и особенное в развитии Кавказского региона в XI–XII веках, показать, что способствовало трансформации его положения в геополитической системе периода.

Настоящее исследование является первым опытом системного изучения темы “Кавказ и сельджуки”. В немалой мере оно стало возможным благодаря дружескому участию моих товарищей и коллег, перечислить которых, к сожалению, нет возможности. *Но нельзя не назвать имени моего дорогого и незабвенного Учителя – Нины Викторовны ПИГУЛЕВСКОЙ, которой я обязан в своей научной жизни больше, чем кому бы то ни было.* Вместе с тем наш труд смог увидеть свет благодаря тем условиям для плодотворных занятий научными исследованиями, что созданы в Институте стратегических исследований Кавказа его руководителем Эльдаром М.ИСМАИЛОВЫМ, который также любезно согласился стать научным редактором настоящего исследования.

* * *

Приступая к решению темы “Кавказ и сельджуки”, следует отметить, во-первых, что она ставится и решается впервые. Во-вторых, обратить внимание на то, что Сельджукская империя, существовавшая в 1038–1157 годы, включала, наряду со многими территориями Центральной и Передней Азии, значительную часть Кавказского региона.

Первым в её составе оказался Юго-Восточный Кавказ, то есть нынешние азербайджанские останы Ирана (Западный Азербайджан, Восточный Азербайджан и др.). Затем – Центральный Кавказ, то есть нынешние Азербайджанская Республика и Грузия. Следующим стал Северный Кавказ, однако здесь сельджуки

ограничились лишь завоеванием Южного Дагестана: дальше города Дербенда на север они не прошли. Ибо главные цели сельджуков лежали в направлении Средиземного моря. Поэтому на заключительном этапе был завоёван и Юго-Западный Кавказ, то есть нынешние северо-восточные илы Турции (Ардаган, Игдыр, Карс и др.), откуда сельджуки вскоре же двинулись далее на запад.

В-третьих, Сельджукская империя с самого начала своего образования не была централизованным государством, а поделена на улусы между членами династии Сельджукидов. Каждый из них был обязан признать верховным сюзереном великого султана Сельджукида, являться по его вызову с войском на войну, вносить в его казну определённую часть доходов. Однако во внутренних делах каждый из улусов был самостоятелен.

Поэтому формально уже при первых трёх великих султанах Сельджукидах, действительно сильных правителях – при Тогрул-беке I (1038–1063), Алп-Арслане (1063–1072) и Малик-шахе I (1072–1092) – империя состояла из улусов – кормлений членов династии.

После Малик-шаха I империя распалась фактически. Теперь великий султан лишь формально и номинально почитался верховным сюзереном. Он владел только своим доменом в Хорасане, за пределы которого его власть не распространялась.

В-четвертых, самостоятельными были “дочерние” султанаты Сельджукидов, то есть улусы, со своими династиями: Кирманский (1041–1186); Конийский (1077–1307) – на территории Малой Азии; Сирийский (1078–1117); Иракский (1118–1194), занимавший земли Юго-Восточного, Центрального и частично Северного (до Дербенда) Кавказа.

В нашем исследовании речь пойдет о “кавказской части” сельджукских владений: об Азербайджане, Грузии, Дагестане и в той степени, какая потребуется, об “Армении”, которая тогда определялась как географическое пространство в Восточной Анатолии.

Таким образом, в нашем исследовании мы постарались объяснить, почему и как народы Кавказа в XI–XII веках оказались

связаны с сельджуками. С другой стороны, был дан системный анализ межгосударственных, межэтнических и межконфессиональных отношений в регионе, который надеюсь, будет полезным для понимания современных проблем развития стран и народов Кавказа.

ГЛАВА I. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ КАВКАЗА СЕЛЬДЖУКСКОГО ПЕРИОДА

1.1. Источники

Источниковедение периода ещё не было объектом монографического исследования, хотя накопленный материал позволяет рассмотреть в сводной обобщающей работе различные группы нарративных памятников, официальных документов, а также эпос и фольклор как исторические источники.

Для исследования использованы несколько групп источников, что продиктовано целями и задачами настоящей работы. Путём сопоставления сведений, авторы которых были представителями разных историографических школ, выходцами из различных слоёв феодального общества, появилась возможность выяснить, как нам кажется, реальную картину событий периода. Наряду с достаточно хорошо известными, для исследования истории Кавказа XI–XII веков широко привлечена новая группа источников: это сирийские памятники письменности.

Средневековая историография по преимуществу ограничивалась описанием деятельности венценосцев, рассказами о походах и сражениях. Другие сюжеты, если и становились объектом внимания, преподносились как второстепенные. Политическое или экономическое состояние государства обычно оставалось вне рамок повествования.

Сирийские источники до сих пор недостаточно привлекались для истории Кавказа и сельджуков XI–XII веков, хотя они позволяют осветить социально-экономические, политические и этногенетические вопросы, народные движения, идеологию, сирийско-кавказские связи, быт и военное искусство. Сочине-

ния сирийцев, ввиду важности содержащегося в них материала, составляют определённый этап в развитии средневековой восточной историографии.

Уже в XIX веке некоторые исследователи в связи с изучением истории Кавказа обратили внимание на сирийские источники. В первой половине того столетия Григорьев В.В. использовал сведения Бар Эбрея о походах русов на Кавказ. Несколько позднее Броссэ М.Ф. включил в “Картлис Цховреба” арабский вариант сообщения Бар Эбрея о захвате в 1122 году Тифлиса грузинским царем Давидом IV Строителем (1089–1125).

В последующее время интерес к сирийским источникам возрос: Марр Н.Я., Успенский Ф.И., Бартольд В.В. цитировали Дионисия Телл-Махрского, Михаила Сирийца, Бар Эбрея. Большое значение придавали объективности и конфессиональной толерантности сирийцев и высоко ценили важность их свидетельств Крымский А.Е., Гордлевский В.А., Беляев Е.А.

Другие исследователи, в первую очередь Дефремери М., Груссэ Р., Кёймен М., Йинанч М., Туран О., Каэн К., Мец А., Людерс А., также обратили внимание на сирийские источники, главным образом на сочинения Михаила Сирийца, Бар Эбрея. Этот интерес всё время нарастает, что находит конкретное выражение в специальных исследованиях, посвящённых сирийской историографии, в научных библиографиях, где упомянуты Йешу Стилиит, Иоанн Эфесский, Дионисий Телл-Махрский, Илья Бар Шинайа, Михаил Сириец, “Анонимная хроника 1234 года”, Бар Эбрей. Стали появляться переводы из сирийцев как на европейские языки, так и на языки тех стран, к истории которых они имеют непосредственное отношение. Интерес к сирийской группе источников приобрёл перманентный и прикладной характер.

Большая заслуга в этом принадлежит Пигулевской Н.В., которая впервые обратила пристальное внимание на данные сирийцев, причём гораздо раньше, нежели другие в полной мере оценили по достоинству эти источники. Благодаря её многочисленным работам приоритет в изучении истории Кавказа, а также Передней Азии на основании сирийских памятников письмен-

ности принадлежит русской школе сириологов. Ещё в 1941 году появилось её важное исследование “Сирийские источники по истории народов СССР”, где освещены вопросы раннесредневековой истории Кавказа.

“Хроника” Михаила Сирийца – одного из крупнейших средневековых историографов. Он родился в Мелитене в 1126 году, рано вступил на путь клирика, пройдя последовательно ступени от монаха до яковитского патриарха Востока. Михаил много путешествовал по Ближнему Востоку, ибо ему приходилось в различных государствах представлять интересы высших слоёв своих единоверцев. Скончался в 1199 году. Он получил хорошее образование, знал несколько языков, в том числе арабский, умел объясняться на языке огузов. Всё это позволило ему описать политическую, социально-экономическую, военную историю. Его перу принадлежат несколько сочинений, среди которых для нас наиболее ценна “Хроника”, где изложение начато от “сотворения мира” и доведено до 1199 года. Она состоит из введения, 21 книги и приложений.

Очевидец и современник многих событий, Михаил Сириец сохранил подчас уникальные сведения социально-экономического и политического характера, об идеологии и быте тюрок.

“Анонимная хроника 1234 года” – важное историографическое сочинение, в котором большая часть изложения отведена периоду X – первой половины XIII веков. Достаточное место уделено событиям, связанным со странами Кавказа; взаимоотношения Византийской империи с государствами сельджуков и крестоносцев, положение местного населения – всё это отражено с известной полнотой.

“Всеобщая история” Бар Эбрея Абу-л-Фараджа Иоанна Григория, известного также в мусульманском учёном мире как Ибн ал-Ибри, – автора XIII века, выдающегося представителя средневековой восточной историографии. Он родился в Мелитене в 1226 году, получил хорошее образование; знал несколько языков, в том числе арабский, персидский, один из тюркских. Бар Эбрей посвятил себя клирической деятельности и достиг сана мафрияна (примаса) яковитов Востока. Много ездил по

Передней Азии, неоднократно бывал на Кавказе: с Азербайджаном связан наиболее плодотворный период жизни Бар Эбрея, как писателя. Вместе с тем его многолетнее пребывание в Мараге, а также в Табризе и Ушну является одной из славных страниц в истории сирийско-кавказских связей. Бар Эбрей был учёным-энциклопедистом, одним из выдающихся деятелей не только сирийской, но вообще переднеазиатской культуры XIII века. Скончался в 1286 году в Мараге. Среди известных работ Бар Эбрея наиболее важна для нас “Всеобщая история”, составленная на сирийском и арабском языках в период его многолетнего пребывания в Азербайджане.

История XI–XII веков отражена в этом сочинении с достаточной полнотой, порою сведения Бар Эбрея являются уникальными. Последовательно рассказано о появлении сельджуков на исторической сцене, их постепенная инфильтрация в Переднюю Азию. В частности, Бар Эбрей высказал предположение, что сельджукские предводители в 1030 году впервые задались целью пройти в земли, лежащие западнее Хорасана, в том числе на Кавказ. Приведены материалы не только по политической истории, немало сведений из экономической, социальной, конфессиональной, этнографической сфер. Указаны цены на продукты первой необходимости. Имеются сведения о взаимоотношениях сельджуков с арабскими владетелями, государствами Кавказа и крестоносцев, с Византийской империей.

Благодаря своим достоинствам сочинение Бар Эбрея ещё при его жизни привлекло внимание, и по просьбе жителей Мараги он сделал перевод своего сочинения на арабский язык, известный ныне как “Сокращенная история династий” (“*Китаб мухтасар ад-дувал*”) и имеющий самостоятельное значение. Внимание к сочинению Бар Эбрея неслучайно: оно является первоклассным памятником, содержащим важные и ценные сведения по истории Кавказа и ряда сопредельных регионов.

Арабоязычные источники содержат важные сведения о периоде XI–XII веков. Они достаточно многочисленные, в настоящем обзоре отметим лишь те, что имеют непосредственное отношение к нашей теме.

Ал-Исфахани (1125–1201) происходил из исфаханской чиновной знати, состоял на государственной службе у халифов Аббасидов; затем появился при дворе аййюбидских султанов Египта. Его перу принадлежит ряд историографических сочинений; среди них ценен труд по истории государства Сельджукидов, который представляет собой арабский перевод персидского сочинения Ануширвана ибн Халида, но значительно расширенного по охвату во времени: от первых великих султанов Сельджукидов до распада Иракского сельджукского государства. Часть записей является свидетельством современника и очевидца, так как ал-Исфахани мог наблюдать или знать о многих событиях XI–XII веков, тесно связанных с сельджукскими завоевателями. Источник содержит важные сведения о взаимоотношениях сельджуков с Аббасидами, а также по политической, социальной, военной истории периода. Из него можно почерпнуть много интересного не только по истории сельджукских государств XI–XII веков, но также об их взаимодействии с государствами Кавказа.

Ибн ал-Асир (1160–1234), араб из Джазиры (Верхней Месопотамии) – выдающийся богослов и историк. Большую часть жизни провёл в Мосуле, где получил хорошее образование, которое продолжил в городах Сирии и Палестины. В составе армии аййюбидского султана Салах ад-Дина участвовал в сражениях с крестоносцами. Позднее выполнял дипломатические поручения халифов Аббасидов; впоследствии, возвратившись в Мосул, занялся составлением трудов, прославивших его имя. Ибн ал-Асир хорошо известен как автор обширного 12-томного труда по всеобщей истории “*ал-Камиль фи-т-тарих*” (“Полный свод истории”). Строго хронологическое изложение событий по годам, доведённое до 1231 года, выполнено на основании ранних источников и собственных сведений. Работа Ибн ал-Асира до сих пор остаётся важным сводом по истории XI–XII веков и сохраняет самостоятельное значение. В ней содержится большое количество ценных сведений по социально-экономической, политической и военной истории; имеется интересный материал по истории Кавказа. Касаясь вопросов “тюркской проблемы”

в Передней Азии, Ибн ал-Асир приводит сообщения о проникновении огузов на Кавказ и далее на запад, о сельджукском завоевательном движении, о деятельности великих султанов Тогрул-бека I, Алп-Арслана и Малик-шаха I, о столкновениях сельджукских завоевателей с Византией и крестоносцами. Сохранены сведения об атабеках Азербайджана Ильденизидах и грузинских царях Багратидах.

Анонимный автор, живший не позднее начала XIII века, оставил сочинение “*Зубдат ат-таварих*” (“Сливки истории”), известное также и как “*Ахбар ад-даула ас-Сальджукийя*” (“Известия о государстве сельджуков”), и приписал его *Садр ад-дину* – писателю XII века. В этой интересной работе имеются сведения о взаимоотношениях султанов и халифов, описана деятельность сельджуков в Передней Азии, в том числе на Кавказе. Большую часть повествования занимает история Иракского султаната и атабеков Ильденизидов.

Среди локальных сочинений местного происхождения важно оригинальное и значительное произведение *Масуда ибн Намдара* (название его труда не сохранилось). Он родился в азербайджанском городе Байлакан в XI веке; там же составил свой труд в начале XII века. Масуд занимал ответственные посты в государственном аппарате ширваншахов, служил в управлении (диване) Гянджи и Байлакана. По роду своей деятельности, он был хорошо осведомлён о жизни населения, многие события описал как очевидец или участник.

Сочинение Масуда ибн Намдара является важным и надёжным источником, содержащим много интересного и полезного по истории городского управления и городской жизни. Автор сохранил социальную терминологию периода, дух эпохи.

Среди более ранних писателей, сохранивших ценные свидетельства, должен быть назван *Махмуд Кашигари*. Он происходил из знатного тюркского рода и прославился своим “*Диван лугат ат-тюрк*” (“Словарь тюркских языков”), составленным в 1072–1074 годы. Труд этот представляет собой один из ранних памятников языка огузов и огузских родов, вошедших в сельджукскую группировку, и содержит интересные сведения

по лингвистике и истории, географии и этнографии, экономике и идеологии, фольклору и культуре.

В известной степени Махмуда Кашгари дополняет *Марвази*, творивший в XII веке. Родом из Мерва, он был учёным-естествоиспытателем и медиком, служил при дворе султана Малик-шаха I и, возможно, его преемников. Марвази много путешествовал, благодаря чему сведения, имеющиеся в его сочинении “*Таба’и ал-хайаван*” (“Природа животных”), приобретают особую ценность, как свидетельства не только современника, но и очевидца. Марвази оставил описание тюркоязычных племён и большое количество других сведений.

Современником Марвази был *Ал-Фарики* (1117–1226) – один из арабских писателей, побывавший на Кавказе в XII веке. Он составил историю своего города Маййафарикин (“*Тарих Маййафарикин*”), где рассказал также о пребывании на Кавказе в бытность свою на службе у грузинского царя Димитрия I (1125–1156). Ал-Фарики оставил ценные описания Тифлиса, Хилата и Дербенда. Его свидетельства очевидца представляют большой интерес; нередко он пишет о том, чего нет в других источниках по истории Кавказа XII века.

Абу-Хамид ал-Гарнати ал-Андалуси (1080–1169/70) повидал многие описанные им места; пользовался большой популярностью, хотя не всегда отличается достоверностью, приводя, наряду с действительными, много легендарных рассказов. Цикл путешествий по Передней Азии он начал в XII веке, побывав также в Азербайджане. В его географическом сочинении “*Тухфат ал-албаб ва нухбат ал-а’джаб*” (“Подарок умам и выборки диковинок”) важны сообщения о Кавказе, тюркоязычных племенах, торговых взаимоотношениях региона с Восточной Европой, описание местных товаров.

Йакут (1179–1229), совершивший ряд путешествий и побывавший на Кавказе, составил словарь “*Му’джам ал-булдан*” (“Алфавитный перечень стран”), где имеется, в частности, описание городов и областей. Автор сообщает много полезного не только по истории, но также об образе жизни, учёных, традициях, о развитии ремесла и торговли.

Ибн ал-Тиктака (XIII – начало XIV веков) в 1297 году побывал в азербайджанском городе Марага. Его работа “*Китаб ал-Фахри*” (“Книга ал-Фахри”) составлена в двух частях: первая является политическим трактатом; вторая содержит историю мусульманских династий, здесь имеются сведения о сельджуках и их взаимоотношениях с переднеазиатским миром.

Абу-л-Фида (1273–1357) – принц из рода сирийских Айюбидов; он много ездил по Востоку, участвовал в ряде военных кампаний. Прославился как историограф и географ; в одном из его сочинений – “*Таквим ал-булдан*” (“Упорядочение стран”) – имеются сведения по истории и географии XI–XII веков, в том числе об Иракском султанате и атабеках Ильденизидах, о странах Кавказа и многом другом, связанном с сельджуками.

Среди более поздних писателей известный интерес представляет **ал-Калкашанди** (1355–1418) – автор ряда сочинений, в том числе многотомной энциклопедии “*Субх ал-а’ша фи сина’ат ал-инша*” (“Заря для подслеповатого в искусстве писания”), в которой имеются сведения по географии, истории, литературе, стилистике. Приводятся правила составления различных категорий переписки, актов о назначениях и пожалованиях, правительственных документов, о формулах присяги, клятвы, мирных договорах. По ходу изложения автор приводит тексты подлинных документов.

Из мемуарной литературы представляет интерес сочинение арабского эмира **Усамы ибн Мункыза** (1095–1188). Он побывал в некоторых переднеазиатских странах, участвовал в сражениях с крестоносцами, состоял на службе у крупных владетельных феодалов. На склоне лет Усама предался воспоминаниям, в результате чего появилась “*Китаб ал-и’тибар*” (“Книга назидания”). Это не просто художественное произведение, но важный исторический источник, дающий яркое представление о многогранной жизни средневековой Передней Азии.

Ираноязычные источники отличает особое отношение к сельджукам; даже лучших среди них нельзя не упрекнуть в апологетике султанов. Они обычно замалчивают теневые стороны сельджукского завоевания и владычества. Изложение, как пра-

вило, содержит описание деятельности султанов, халифов, атабеков и эмиров. Вместе с тем эти источники сообщают много важного и ценного по социально-экономической, политической, военной, этнической истории стран, оказавшихся в контакте с завоевателями. Интересен материал о взаимоотношениях султанов с халифами и местными правителями; достаточно подробно изложены история атабеков Ильденизидов, их связи с государствами Кавказа и Иракским султанатом.

Равенди, живший в XII веке, составил сочинение “*Raxat as-судур ва Айат ас-сурур*” (“Успокоение сердец и чудо радости”). Его родственники по мужской линии, как и сам Равенди, жили при дворе иракских султанов; одно время он состоял на службе у Тогрула II (1132–1134). Поэтому в сочинении Равенди основное внимание уделено Иракскому султанату. Стержень изложения – политическая история государства и того, что произошло в правление султанов. Это позволило выявить феодальную иерархию и титулатуру периода. У Равенди много сведений о положении податного сословия; он перечисляет и объясняет большое количество статей обложения, что является одной из ценных особенностей сочинения. Немалое место занимают сведения о взаимоотношениях сельджуков с Византийской империей, государствами Кавказа и крестоносцев. Имеются сведения об атабеках Ильденизидах. Интересен материал по военной истории, о быте тюркоязычных племён.

Ибн Биби – автор XIII века, служил при дворе хорезмшаха Джалал ад-Дина (1220–1231); впоследствии попал в Малую Азию, к конийским Сельджукидам, у которых состоял на государственной службе и имел титул эмира. Составил ценную хронику “*Сельджук-намэ*” (“Книга о сельджуках”), посвящённую истории Конийского султаната, в которой охвачены события последней четверти XII века и почти всего XIII века. Ибн Биби видел и знал многое, ибо долгое время находился при дворе; часть сведений почерпнул у современников и очевидцев. Его сочинение полезно не только для политической, но также для социально-экономической истории. Сведения Ибн Биби позволяют восстановить характерные черты периода, содержат много

полезного по вопросам феодальной структуры, о сюзеренитете и вассалитете; о взаимоотношениях сельджуков с государствами Кавказа и крестоносцев, с Византией и Арабским халифатом; по этнической истории и этнографии тюркоязычных племён.

Бейхаки (995–1078) – знаменитый дабир (письмоводитель) и глава государственного секретариата султанов Газневидов. Он составил многотомное сочинение, от которого сохранилась только “*Тарих-и Мас’уд*” (“История Масуда”), посвящённая правлению газневидского султана Масуда I (1030–1041). Бейхаки сохранил описание многих важных событий первой половины XI века, когда началось возвышение сельджуков, история которых в то время была тесно связана с Газневидами. Писатель использовал государственные документы, свидетельства современников и очевидцев. “История Масуда” – насыщенный множеством деталей рассказ о политической истории, феодальном быте, военных кампаниях. Подробно описано столь важное для истории Центральной и Передней Азии, в том числе для Кавказа, сражение 1040 года при Данданакане.

Анонимное сочинение XII века – “*Муджмад ат-таварих ва-л-кысас*” (“Краткое содержание истории и рассказов”) – в сжатой форме излагает важнейшие исторические события периода. Аноним был, возможно, родом из азербайджанского города Хамадан и состоял на государственной службе у иракских Сельджукидов в должности катиба (секретаря). В его сочинении приведены сведения по истории и географии ряда стран, по генеалогии халифов и некоторых других династий, в том числе Сельджукидов.

Для понимания сущности периода, связанного с сельджуками, весьма важна “*Сиасет-намэ*” (“Книга о правлении”), представляющая собой политический трактат, составленный, как принято считать, выдающимся государственным деятелем **Низам ал-Мульком** (XI век) – везиром великих султанов Алп-Арслана и Малик-шаха I. Сочинение является одним из полезнейших источников и содержит большое количество сведений о многогранной жизни Передней Азии. Свидетельства касаются многих вопросов политического устройства, социально-эконо-

мического состояния, феодального и придворного быта и церемониала.

Насир-и Хусрау (XI век) был на государственной службе, затем отошёл от светской жизни и совершил хадж, побывав в течение 7-летнего путешествия в различных странах, что позволило ему составить “*Сафар-намэ*” (“Книга путешествия”). Работа содержит достоверное описание увиденного в разных городах и областях; в частности, Насир-и Хусрау оставил свои записи о посещении азербайджанских городов. Его сочинение не история династий, а изложение повседневной жизни рядовых тружеников, описание обычаев и природы, характеристика деятелей культуры, с которыми писатель встречался и беседовал.

Важен анонимный географический трактат XIII века “*Аджаиб ад-дунья*” (“Диковинки мира”), автор которого, несомненно, провёл ряд лет на Кавказе, а также в других переднеазиатских регионах. Аноним уделяет много места атабекам Ильденизидам, время правления которых идеализирует и считает периодом наивысшего расцвета ряда областей и городов Кавказа, в первую очередь Азербайджана. Это позволяет предположить, что автор был с ними близко связан, возможно, служил при дворе могущественных атабеков. Аноним содержит много важных и ценных, а порою оригинальных сведений по истории, ремеслу, торговле, о городах и товарах, об образе жизни местного населения и его занятиях, по географии и этническим вопросам.

Ценен и интересен географ и историограф **Хамдаллах Казвини** (XIV век), составивший важные труды “*Тарих-и гузидэ*” (“Избранная история”) и “*Нузхат ал-кулуб*” (“Услада сердец”). Как и его предки, он был высокопоставленным чиновником фискального аппарата, и поэтому имел возможность использовать ценнейшие сведения по экономической истории своего времени, которые сопоставил с данными XI–XII веков, что наиболее всего привлекает внимание. Это до известной степени помогает при воссоздании картины экономического состояния Кавказа домонгольского времени. Достоверность сообщений Хамдаллаха Казвини не подлежит сомнению.

“*Джами ат-таварих*” (“Сборник летописей”), составленный в Азербайджане под руководством выдающегося государственного деятеля **Рашид ад-Дина** (конец XIII – начало XIV веков), содержит важные и интересные сведения социально-экономического и политического характера о многих странах и народах Востока и Запада, в том числе Кавказа, о сельджуках и крестоносцах, о тюркоязычных племенах, халифах, атабеках и эмирах.

“*Тарих-и-Табаристан*” (“История Табаристана”) **ибн Исфандийара** (XIII век) содержит хронологически последовательное изложение событий от раннего Средневековья до времени автора. Он сообщает интересные сведения о связях Табаристана с Иракским султанатом и атабеками Ильденизидами.

“*Табакат-и Насири*” (“Насировы разряды”) составлен в 1259–1260 годах **Абу Омаром Минхадж ад-Дином**, представителем знатной владетельной семьи, отмеченной вниманием и милостями Аббасидов. Привлекают внимание сведения по истории XI–XII веков, в том числе сообщения об Азербайджане, атабеках Ильденизидах, тюркских эмирах и наместниках.

Аксарайи (XIV век) составил широко известное историографическое сочинение “*Мусамарат ал-ахбар ва мусайарат ал-ахйар*” (“Беседы об известиях и состязания благочестивых”), которое преподнёс монгольскому наместнику Малой Азии. Его труд содержит множество интересных сведений по социально-экономической и политической истории стран Передней Азии.

В ценном анонимном труде “*Сельджук-намэ*” (“Книга о сельджуках”), составленном в XIV веке, изложена преимущественно история Конийского султаната, приведены познавательные сведения о взаимоотношениях султанов с Аббасидами, уделено внимание истории атабеков Ильденизидов.

Много полезного и интересного имеется у величайшего азербайджанского поэта и мыслителя Средневековья **Низами Гянджеви** (XII век). Автор знаменитой и широко известной на Востоке и Западе “*Хамсэ*” (“Пятерица”), включающей пять больших поэм – “Сокровищница тайн”, “Хосров и Ширин”, “Лейли и Меджнун”, “Семь красавиц”, “Искендер-намэ”, – Низами

сохранил в этом сочинении черты современной ему жизни Азербайджана и сопредельных стран.

Современником великого Низами был *Хагани Ширвани* – другой азербайджанский величайший поэт и мыслитель Средневековья. Он много путешествовал, побывав в ряде городов Передней Азии, в том числе в Багдаде и Мекке; встречался с венценосцами, простолюдинами и учёными, что не могло не оставить следа в его жизни и творчестве. Поэтические произведения Хагани позволяют прийти к определённым выводам о многих сторонах жизни Кавказа XII века. В этом аспекте его “*Тофхат-ул-Ирагейн*” (“Подарок обоим Ираков”), “*Хабсийе*” (“Тюремное”) и другие являются важными источниками.

Низами Арузи Самарканди (XIII век), служивший при дворе небольшой феодальной династии в Бамиане (Афганистан), составил интересное сочинение “*Чахар макала*” (“Четыре беседы”), в котором имеются сведения о придворной жизни сельджукских султанов, об их поэтическом окружении, о некоторых социальных категориях периода.

Тюркоязычные источники по большей части позднейшего происхождения. Среди них привлекает внимание ряд сочинений, содержащих много ценного по истории сельджуков и других тюрков XI–XII веков, а также об их взаимоотношениях с государствами крестоносцев и Кавказа, с Византией, о бытовых и военных чертах тюрков.

“*Кысса-и малик Данишменд*” (“Деяния мелика Данишменда”) – эпический памятник XII–XIII веков. Основные герои повествования – могущественные эмиры Данишмендиды, история которых тесно переплетена с судьбами Конийского и Иракского султанатов, а также государств Кавказа. В сказании содержится интересный материал, имеющий прямое отношение к истории кавказских стран, в первую очередь Грузии; неоднократно упомянуты города Барда и Хилат, говорится о взаимоотношениях грузинских царей Багратидов с тюркскими эмирами Данишмендидами, а также с другими мусульманскими феодалами и крестоносцами.

“Китаб-и дедем Коркуд” (“Книга моего деда Коркуда”) – уникальный письменный памятник средневекового огузского героического эпоса, построенный на более широком историческом фоне и несравненно более многоплановый, нежели “Кысса-и мелик Данишменд”. Он сложился в период XI–XIV веков и записан в начале XV века на территории Азербайджана. Местом действия его героев является Кавказ, что значительно повышает ценность эпоса для нашей темы и привлекает внимание к его содержанию. Произведение содержит реальное, хотя и эпически героизированное, изображение военной и мирной жизни тюркских племён, их быта и общественных отношений, обычаев и верований; приведены также сообщения об образе жизни местного оседлого населения, о социальной титулатуре и феодальной структуре.

“Огуз-намэ” (“Книга об Огузе”) – сочинение, сложившееся на рубеже XIII–XIV веков. Содержит исторические свидетельства, своеобразно преломлённые в контексте художественного повествования, и заслуживает внимания как источник, позволяющий осветить некоторые вопросы этнографии и идеологии тюркских племён.

Абу-л-Гази Бахадур-хан (XVII век), владетельный феодал, который на склоне лет занялся сочинительством и попытался составить генеалогию тюркских и монгольских племён от их мифических предков до XVII века. Результатом занятий стали два познавательных труда: **“Шеджерэ-и тюрк”** (“Родословная тюрков”) и **“Шеджерэ-и теракимэ”** (“Родословная туркмен”), которые представляют определённый интерес для изучения истории и быта тюркских племён XI–XII веков.

Грузинские источники составляют важную часть местной средневековой историографии Кавказа. Почти все они собраны в **“Картлис Цховреба”** (“История Грузии”, Тбилиси, 2008), представляющей собой свод древнегрузинских летописей. Наиболее важную часть составляет материал по социально-экономической, политической и военной истории Грузии и сопредельных стран. XI–XII века для Грузии – это деятельность грузинских Багратидов, их взаимоотношения с соседними госу-

дарствами, в частности с Ширванским и его правителями – ширваншахами, с Византией, сельджукскими государствами. Много места занимают сообщения о положении податного сословия, его обложении, об интеллектуальной жизни, о тюркских кочевниках. Интересен материал по истории Передней Азии; он позволяет коснуться ряда вопросов, связанных с пребыванием сельджуков на Кавказе. Среди включенных в “Картлис Цховреба” сочинений привлекают внимание: *“Матианэ Картлиса”* (“Летопись Грузии”) – труд анонимного автора XI века, охватывающий события VIII–XI веков; *“Жизнеописание царя царей Давида”* – сочинение придворного историографа Давида IV Строителя, которое содержит изложение событий с 80-х годов XI века по 20-е годы XII века; труд *Басили* посвящен истории Грузии последней четверти XII – первой четверти XIII веков. Автор был приближённым царицы Тамары (1184–1213), поэтому в его работе проглядывает большая осведомлённость современника и очевидца описанного; *“История и восхваление венценосцев”* содержит описание деятельности Георгия III (1156–1184) и Тамары. В обоих произведениях имеются весьма важные сведения по истории взаимоотношений Грузинского царства со своими соседями, однако при их использовании необходимо учитывать данные синхронных разноязычных источников.

Много полезного и ценного имеется у *Шота Руставели* (XII век) – выдающегося государственного деятеля Грузинского царства, величайшего грузинского поэта и мыслителя Средневековья. Он получил хорошее образование и знал несколько языков. При дворе царицы Тамары поэт занимал высокое положение и был министром финансов. Создатель *“Витязя в барсовой шкуре”* сохранил в своём произведении интересные свидетельства об идеологии и социальной среде XII века.

Византийские источники содержат интересные параллели и дополнения к сведениям восточных памятников. В ряде случаев они служат также самостоятельными авторитетами. Эту группу источников отличает свой, особый, взгляд на события периода, бывшего важным в истории Византийской империи и связанного как с сельджукскими государствами, так и с крестонос-

цами. Находясь на стыке Востока и Запада, Византия постоянно пребывала в гуще событий, главными героями которых выступали западно-европейские рыцари и тюркские племена.

Анна Комнина (XII век) – автор “*Алексиады*”, благодаря которой сохранены многие значительные события истории Византии и ряда других государств Передней Азии. Это сочинение является одним из значительных в средневековой историографии. “Алексиада” посвящена деятельности отца Анны – императора Алексея I Комнина в 1069–1118 годы. Она освещает внешнюю политику империи, взаимоотношения с крестоносцами и сельджуками. Имеются ценные сведения о тюркских племенах. Анна была очевидцем значительной части описанного, что повышает интерес к “Алексиаде”, а также использовала свидетельства современников, сведения высокопоставленных сановников Византии, письменные источники, официальные документы.

“*Исторические записки*” **Никифора Вриенния** (XII век), весьма осведомлённого автора, который происходил из знатной семьи и достиг высокого положения при императоре Алексее I Комнине (1081–1118), на дочери которого – принцессе Анне, авторе “Алексиады” – был женат. Никифор описал историю 976–1087 годов, которые были сложными и важными для Византии и Передней Азии.

Иоанн Киннам (XII век) – представитель старинного аристократического рода; при императоре Мануиле I Комнине (1143–1180) был высокопоставленным чиновником гражданской и военной администрации. Его “*Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов*” является продолжением труда Анны и касается тяжёлого периода в истории Византии, когда её теснили сельджуки и крестоносцы.

Никита Хониат (XII век) – автор “*Истории*”, где сохранены интересные сведения о взаимоотношениях сельджукских султанов с империей и другими государствами. Повествование сравнительно богато деталями и довольно объективно; тем не менее автор отказывается признать достоинства сельджуков и крестоносцев, которых иногда сам противопоставляет “испорченным” византийцам. Большую ценность имеют сведения

Никиты Хониата о взаимоотношениях Византийской империи с государствами сельджуков и крестоносцев.

Документальные источники также содержат много важного и полезного для нашей темы. Это публикации: Э.Хорста *“Органы государственного управления великих Сельджукидов и хорезмшахов (1038–1231)”*, в которой приведены указы великих султанов о различных пожалованиях и назначениях на государственные посты, системе центральной, провинциальной и местной администрации Сельджукской державы; Ж.Соважэ *“Четыре указа Сельджукидов”* – документы периода по различным вопросам; О.Турана *“Официальные документы о сельджуках Турции”*, которые касаются различных сторон жизни сельджукского государства; Курпалидиса Г.М., издавшего сочинение *Мунтаджаб ад-Дина “Атабат ал-Катаба”* (“Ступени совершенствования катибов”) с переводом и комментариями.

Археология предоставила материал, который позволяет прийти к определённым выводам об экономическом состоянии Кавказа XI–XII веков. В частности, изучение керамики помогает локализовать местонахождение ремесленно-торговых центров и торгово-транзитных путей. Появилась возможность сопоставить свидетельства письменных источников с результатами археологических изысканий; в итоге, удалось подтвердить важность и большую роль городов Кавказа, в том числе таких значительных, как Дербенд и Тифлис, Табриз и Марага, Шамахи и Баку, в экономической системе Передней Азии XII века, прийти к интересным заключениям о развитии сельского хозяйства, ремесла, товарного производства и торговли; о продукции, которую ремесленники предлагали на внутренний и внешний рынки. Археология подтвердила, что города Кавказа переживали в XII веке расцвет и подъём, являлись центрами ремесла и торговли, администрации и управления, культуры и идеологии, науки и искусства; в них велось большое строительство; они приобрели характерные черты феодальных центров.

Нумизматика также помогает выяснить особенности периода в области экономики; в частности, благодаря монетному материалу, удастся установить характерные черты денежного обращения, его особенности, связанные с “серебряным кри-

зисом”, охватившим в XI–XII веках Центральную и Переднюю Азию и распространившимся также в Европе. Монетные находки свидетельствуют также, что Кавказ участвовал в развитых торгово-транзитных отношениях с восточными и европейскими регионами; здесь обнаружены клады византийских и сельджукских монет; в свою очередь, монета ряда местных государств выполняла роль средства обращения за их пределами. Всё это с достаточной полнотой изложено в публикациях *Маркова А.К. “Инвентарный каталог мусульманских монет имп. Эрмитажа”* (С.-Петербург, 1896) и *“Топография кладов восточных монет”* (С.-Петербург, 1910); *Пахомова Е.А. “Монетные клады Азербайджана и других республик, краёв и областей Кавказа”*, вып. I–IX (Баку, 1926–1966) и *“Монеты Грузии”* (Тифлис, 1910); *Раджабли А.М. “Нумизматика Азербайджана”* (Баку, 1997); *Капанадзе Д.Г. “Грузинская нумизматика”* (Москва, 1955).

Эпиграфика содействует выявлению интересных деталей социально-экономического состояния податного сословия и титулатуры феодальных правителей. Сохранившиеся надписи помогают установить датировку ряда событий, бывают полезными для некоторых вопросов политической истории, а также свидетельствуют, что народы Кавказа оказывали сопротивление сельджукскому нашествию и временному их господству. Перечисленные сюжеты освещены в публикациях *Лаврова Л.И. “Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Тексты, перевод, комментарии, введение и приложения”*. Часть I. Надписи X–XVII веков (Москва, 1976); *Шихсаидова А.Р. “Эпиграфические памятники Дагестана X–XVIII веков как исторический источник”* (Москва, 1984); *Цискаришвили В. “Эпиграфика Джавахети как исторический источник”* (Тбилиси, 1959); *Нейматовой М.С. “Корпус эпиграфических памятников Азербайджана”* (Баку, 1991).

Топонимика способствует решению проблемы тюркских этнических напластований XI–XII веков на Кавказе. В частности, благодаря наименованиям населённых пунктов удаётся установить места расселения тюркских племён в регионе. Наи-

более полный список кавказских топонимов составил *Пагурев Д.Д.* – “*Алфавитный указатель к пятивёрстной карте Кавказского края, издание Кавказского Военно-топографического отдела*” (Тифлис, 1913).

1.2. Сельджукская тематика в историографии

Сельджукская проблема, являющаяся частью более обширной – огузской, давно привлекает внимание исследователей. Разработка её показала, что хотя огузы стали известны уже в раннем Средневековье, их историческая роль выявилась позднее, в XI–XII веках, когда огузские племена, принявшие участие в сельджукских завоеваниях, сумели оказать влияние на судьбы Передней Азии, в том числе Кавказа, а также Европы, ещё шире – на ход мировой истории Средневековья.

Начиная с середины XIX века и по сей день исследователи уделяют большое внимание сельджукской тематике. Однако специальных работ опубликовано далеко недостаточно.

Одним из первых специальных трудов стала увидевшая свет в 1853 году публикация Дефремери Ш. о правлении султана Бёркийарука (1094–1105), пятого представителя династии великих Сельджукидов.¹ С тех пор появилось огромное количество печатных работ по различным проблемам и частным сюжетам сельджукского цикла. Ныне таких публикаций более шести с лишним тысяч. Они посвящены политической, социально-экономической и династийной истории, культуре и генеалогии, нумизматике и искусству, археологии и эпиграфике, ремеслу, городам, торговле, сословиям и земельным институтам, религии, материальной и духовной культуре XI–XII веков. Публикации сельджукского цикла тематически можно классифицировать следующим образом: *Центральная Азия и сельджуки; Передняя Азия и сельджуки; Иран и сельджуки; Малая Азия и сельджуки; Византийская империя и сельджуки; Балканы и сельджуки; крестовые походы и сельджуки; социально-экономические отношения; военное дело и военное искусство*

¹ Ch.Defrémery. Recherches sur le Règne du Sultan Barkiaroc.//JA, ser.V^e, t. I–II, Paris, 1853.

ство; ремесло, искусство, архитектура; наука и культура; идеология и конфессия; этническая история; переселения огузов; нумизматика и эпиграфика.

Не осталась вне поля зрения многочисленных исследователей также проблема *“Кавказ и сельджуки”*. В связи с ней в современной историографии существует ряд направлений, представителей которых объединяет общая источниковедческая база, но индивидуализируют различный методологический подход к объекту исследования и методика раскрытия явлений эпохи.

Первое направление. В российской историографии почти до середины XX века не было специальных работ, посвящённых Сельджукидам. Однако в трудах по истории Центральной и Передней Азии, преимущественно в сочинениях одного из классиков мирового востоковедения *Бартольда В.В.*¹, рассматривалась и сельджукская тематика. На основе широкого круга письменных источников и анализа известных в его время данных Бартольд В.В. рассмотрел узловые проблемы истории тюркских народов, в том числе азербайджанского. Его классический *“Очерк истории туркменского народа”* положил начало исследованию прошлого этого этноса, судьбы которого тесно переплетены с сельджуками. В ряде работ Бартольд В.В. обрисовал историю кавказских и североиранских районов, прежде всего Азербайджана и Дагестана. Он впервые последовательно изложил историю Азербайджана с древнейших времён до нового времени, причём как в связи с историей Центральной Азии (Туркмении), так и соседних областей Кавказа. Работы Бартольда В.В. содержат ценный материал по экономической, этнической и политической истории, а также обстоятельные экскурсии по истории различных терминов. Особняком стоит уникальная работа Бартольда В.В. по изданию и комментированию огузского героического эпоса *“Книга моего деда Коркуда”*.²

¹ Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии.//Сочинения, том V. Москва, 1968; он же. Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира.//Сочинения, том II, часть I. Москва, 1963; он же. Очерк истории туркменского народа.//Сочинения, том II, часть I; он же. Тюрки.//Сочинения, том V.

² Книга моего деда Коркуда. Огузский героический эпос. Перевод, вступительная статья и комментарий В.В.Бартольда. Москва-Ленинград, 1962.

Успенский Ф.И. в сравнительно небольшой работе рассматривает проблему миграции тюркских народов из Центральной Азии в Европу, а также в Малую Азию. В своей фундаментальной трехтомной истории Византийской империи он специально останавливается на сельджукской проблеме в связи с судьбами Византии XI–XII веков.¹

Второе направление. Советские учёные внесли ценный вклад в исследование периода XI–XII веков, в том числе истории народов Кавказа и Центральной Азии. Их труды базируются на хорошо известных источниках, сведения которых сопоставлены и проанализированы. Работы этих учёных посвящены как политической истории, так и проблемам государственного и социального строя, эволюции феодальных и земельных институтов, формам эксплуатации податного сословия.

Первым в советской историографии стал монографический труд *Гордлевского В.А.*, посвящённый государству Сельджукидов Малой Азии.² Он впервые на примере конийских Сельджукидов продемонстрировал правомочность и истинность предложенных им обобщений для истории XI–XII веков и показал присущие сельджукскому периоду закономерности. Гордлевский В.А. внёс новое в понимание ряда вопросов истории не только Конийского султаната, но и сопредельных с ним стран; подробно исследовал его внутреннюю историю, уделил внимание аграрным отношениям, в первую очередь земельному институту *икта*, его эволюции, а также категории земель типа *вакф* и тех, что были предоставлены *уджбеям*. Автор осветил землепользование, систему обложения, взаимоотношения центральной власти с племенами; торговые связи, денежную систему, цеховую организацию ремесленного производства, жизнь городов, религию, вооруженные силы, искусство. Гордлевский В.А. пришёл к выводу, что сельджуки, попав в более культурную среду, испытали на себе её влияние, но, вместе с тем, сохранили многое из того, что свойственно степнякам-

¹ Успенский Ф.И. Движение народов из Центральной Азии в Европу.//ВВ, 1947, т. I; он же. История Византийской империи, т. III. Москва-Ленинград, 1948.

² Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии. Москва-Ленинград, 1941; переиздание – Гордлевский В.А. Избранные сочинения, т. I. Москва, 1960.

кочевникам. В целом, его исследование помогло установить место сельджуков в истории мусульманского и христианского Востока и, отчасти, Запада, показать их значение для мировой истории, для судеб народов Кавказа и Центральной Азии.

Среди исследований *Заходера Б.Н.* для нас наиболее важна публикация русского перевода “Сиасет-намэ”, полититического трактата, который являлся настольным руководством для нескольких поколений сельджукских и других государей. Издание сопровождается обширным введением и богатым комментарием.¹

Якубовский А.Ю. в ряде своих работ рассмотрел вопросы сельджукского движения, историю туркмен в XI веке, взаимоотношения Газневидского султаната с огузскими племенами, а также историю Кавказа в связи с сельджуками.²

Петрушевский И.П. во многих своих трудах касается таких важных тем, имеющих прямое отношение к сельджукской проблематике, как землевладение и землепользование, положение крестьян и ремесленников. Он специально останавливается на роли и значении *икта*, *мюлька*, *вакфа*, на системе фиска и характере эксплуатации податного сословия (эволюции личного состояния крестьян).³

¹ Сиасет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька. Перевод, введение в изучение памятника и примечания проф. Заходера Б.Н. Москва-Ленинград, 1949; он же. История восточного средневековья. Москва, 1944; он же. Средиземноморье и Передняя Азия с XI по XVIII века. Москва, 1940; он же. Хорасан и образование государства сельджуков.//ВИ, 1945, № 5–6.

² Якубовский А.Ю. Кавказ и Иран в эпоху Руставели.//Сб. “Памятники эпохи Руставели”. Ленинград, 1938; он же. “Китаби-Коркуд” и его значение для изучения туркменского общества в эпоху раннего средневековья.//В издании: Книга моего деда Коркуда. Огузский героический эпос. Пер. Бартольда В.В.; он же. Махмуд Газневи. К вопросу о происхождении и характере Газневидского государства.//Сб. “Фердовси. 934–1934”. Ленинград 1934; он же. Сельджукское движение и туркмены в XI веке.//ИАН СССР, ООН, 1937, № 4.

³ Петрушевский И.П. Бешкениды-Пиштегиниды, грузинские мелики Ахара в XII – начале XIII веков.//“Материалы по истории Грузии и Кавказа”. Тбилиси, 1937, вып. VII; он же. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV веков. Москва-Ленинград, 1960; он же. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX веков. Ленинград 1949; он же. Хамдаллах Казвини как источник по социально-экономической истории Восточного Закавказья. //ИАН СССР, ООН, 1937, № 4.

Агаджанов С.Г. посвятил серию монографий истории огузов и туркмен Центральной Азии в IX–XII веках. В своих обстоятельных, построенных на комплексе различных источников, исследованиях он касается всех сторон жизни тюрок – от основных проблем до вопросов частного характера.¹

Историей военного искусства туркмен XI–XII веков занимался *Росляков А.А.*² Сельджукская тематика отражена и в сводных работах по истории Туркменистана и Узбекистана.³

Семёнова Л.А. исследовала малоизученный период прошлого Сирии, связанный с сельджуками.⁴ На базе арабских источников она осветила политическую историю, социальную структуру, ремесло и торговлю в XI–XII веках.

Интересны две публикации *Курпалидиса Г.М.*⁵ Одна посвящена официальным документам сельджукского периода; другая – перевод источника, в котором содержатся официальные документы и письма, что помогает реконструировать административную систему сельджукского периода и социальный состав городского населения.

Третье направление. Учёные Кавказа уделяют значительное внимание сельджукам, что связано с ролью последних в судьбе стран и народов региона. В большинстве исследований

¹ Агаджанов С.Г. Сельджукиды и Туркмения в XI–XII веках. Ашхабад, 1973; он же. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII веков. Ашхабад, 1969; он же. Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII веках. Москва, 1991.

² Росляков А.А. Из истории военного искусства туркмен.//Труды Ашхабадского гос.пед.института им. М.Горького, 1947, вып. I, исторические науки; он же. Очерки военного искусства туркмен X–XIII веков. Неопубликованная кандидатская диссертация. Ашхабад, 1947.

³ История Туркменской ССР, т. I, кн. 1. Ашхабад, 1967; История народов Узбекистана, т. I. Ташкент, 1950.

⁴ Семёнова Л.А. Из истории средневековой Сирии. Сельджукский период. Москва, 1990.

⁵ Курпалидис Г.М. Государство великих Сельджукидов. Официальные документы об административном управлении и социально-экономических отношениях. Москва, 1992; он же. Мунтаджиб ад-Дин Бади Атабек ал-Джувайни. Ступени совершенствования катибов (Атабат ал-катаба). Пер. с перс., введение и комментарии Г.М.Курпалидиса. Москва, 1985.

социально-экономическая, политическая, этническая, конфессиональная и культурная история, во многом общая для автохтонов Кавказа в XI–XII веках, рассматривается с объективных позиций. Положение крестьян и ремесленников, податное обложение, землевладение и землепользование, города, ремесло и торговля, торгово-транзитные пути, товарно-денежные отношения, товарное производство, конфессиональная политика – вот примерный круг проблем, ставших объектом исследования кавказских учёных.¹ Они же отражены в сводных трудах по истории отдельных стран и регионов Кавказа.² Местные исследователи дали объективную в целом оценку завоеваний сельджуков и временного их господства в регионе, показали отрицательные последствия для захваченных стран. Вместе с тем многие исследователи отмечают, что даже в условиях иноземного, а в ряде случаев иноязычного и иноверного господства продолжалось политическое, социально-экономическое и культурное развитие народов Кавказа.

Монографических публикаций по истории Кавказа в целом или по каждой стране в отдельности, в которых специально рассматривались бы проблемы, связанные с сельджуками, до сих пор мало. Сравнительно широко представлена сельджукская тематика в труде *Бекзади И.П.* о персоязычном сочинении, составитель которого Равенди был современником Иракского султаната. Автор предпринял попытку осветить, преимущественно на основе одного источника, некоторые вопросы истории Азербайджана XI–XII веков. Особое место занимает труд *Буниятова З.М.* об атабеках Азербайджана Ильденизидах, которые сыграли весьма заметную роль в истории Кавказа и Ирана

¹ Behzadi İ.P. Ravəndinin “Rahat-as-sudur və ayat-as-surur” əsəri tarixi mənbə kimi. Bakı, 1963; Şərifli M.X. IX–XI əsrlərdə Azərbaycan feodal dövlətləri. Bakı, 1965; Məmmədov R.Ə. Naxçıvan şəhərinin tarixi öçerki. Orta əsrlər dövrü. Bakı, 1977.

² Azərbaycan tarixi. İkinci cild. Bakı, 1998; История народов Северного Кавказа. С древнейших времён до конца XVIII века. Москва, 1988; Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана с древнейших времён до конца XV века. Махачкала, 1996; Очерки истории Грузии. Том III. Грузия в XI–XV веках. Тбилиси, 2002.

XII века.¹ Интересны исследования грузиноведов *Шенгелия Н.Н.*, который поставил перед собой задачу проследить взаимоотношения сельджуков с Грузией, а также публикации *Лордкипанидзе М.Д.*² Ряд работ посвящён отдельным сюжетам истории Кавказа.³

Четвёртое направление. Работы западных учёных составляют в сельджуковедении отдельную группу. Отметим среди них основные монографические публикации. Исследование *Райс Т.* посвящено преимущественно архитектуре и искусству малоазиатских Сельджукидов. У неё имеется ряд интересных наблюдений по истории периода, в частности, высказана мысль о том, что некоторые положения и учреждения XI–XII веков были заимствованы впоследствии Османской империей для государственного устройства и общественных отношений.⁴ *Лоран Ж.* осветил проблему взаимоотношений Византии с тюрками в 1021–1081 годы.⁵

Минорский В.Ф. в многочисленных публикациях, в первую очередь в специальном исследовании по истории Ширвана и Дербенда, интерпретировал важные сведения источников о рас-

¹ Буниятов З.М. Государство атабеков Азербайджана: 1136–1225. Баку, 1978; переиздание: Избранные сочинения, том II. Баку, 1999.

² Шенгелия Н.Н. Сельджуки и Грузия в XI веке. Тбилиси, 1968 (на груз. яз.); он же. Сельджуки Малой Азии и Грузия. Тбилиси, 2003 (на груз. яз.); Лордкипанидзе М.Д. Эпоха Руставели. Тбилиси, 1966; она же. История Грузии XI – начала XIII веков. Тбилиси, 1974.

³ Альтман М.М. Исторический очерк города Гянджи. Баку, 1949; Джафарзаде И.М. Историко-археологический очерк Старой Гянджи. Баку, 1949; Капанадзе Д.Г. Грузинская нумизматика. Москва, 1955; Майсурадзе З.П. Грузинская художественная керамика XI–XIII веков. Тбилиси, 1954; Раджабли А.М. Нумизматика Азербайджана. Баку, 1997; Ашурбейли С.Б. История города Баку. Средневековый период. Баку, 2006; она же. Государство ширваншахов. Баку, 2006; Шихсаидов А.Р. Дагестан в X–XV веках. Опыт социально-экономической характеристики. Махачкала, 1975; Пахомов Е.А. Монеты Грузии. Тбилиси, 1970; он же. Монетные клады Азербайджана и других республик, краёв и областей Кавказа, вып. I–IX. Баку, 1926–1966.

⁴ Rice T.T. The Seljuks in Asia Minor. London, 1961; она же. Сельджуки. Пер. с англ. Москва, 2004.

⁵ Laurent J. Byzance et les Turcs Seldjoukides dans l'Asie Occidentale jusqu'en 1081. Paris-Nancy, 1913.

селении, племенном составе и социально-экономической жизни тюрков.¹ Он также дал своё решение ряда неясных положений политической истории Кавказа. Исследование *Ламбтон А.* о великих Сельджукидах осталось неопубликованным и известно лишь по краткому реферату.² В более поздних своих публикациях она развила отдельные проблемы, в частности, рассмотрела поземельные отношения, положение податного сословия, подати, администрацию, систему управления в Сельджукском государстве.³

Многочисленные публикации *Каэна К.* помогают воссоздать характерные черты периода. Они объединены единством замысла, которому подчинены проблемы, ставшие предметом рассмотрения, и затрагивают различные стороны жизни сельджуков и их окружения. Объектом внимания являются преимущественно сельджуки Малой Азии (нередко в интересном сопоставлении с западноевропейскими реалиями того же времени). Выводы автора могут быть полезны для истории других районов Передней Азии (в особенности по вопросам землепользования и землевладения, политического устройства, военного искусства). Дальнейшим развитием сельджукской тематики в исследованиях Каэна К. стала его публикация о Конийском султанате.⁴ В целом, в своих исследованиях он делает обобщения широкого плана, охватывая порою историю тюрков на протяжении нескольких столетий или историю сельджуков по всей Передней Азии.

Капитальный труд *С.Вриониса Мл.* посвящён взаимоотношениям Византийской империи с государством Сельджукидов

¹ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. Москва, 1963; Minorsky V. A History of Sharvān and Darband in the 10–11th Centuries. Cambridge, 1958; он же. Studies in Caucasian History. London, 1953; он же. Iranica. Twenty Articles by V.Minorsky. Teheran, 1964.

² Lambton A.K.S. Contributions to the Study of Seljuk Institutions. Unpublished Dissertation. London, 1939.

³ Lambton A.K.S. Landlord and Peasant in Persia. London, 1953; она же. Islamic Society in Persia. London, 1954; она же. The Administration of Sanjar's Empire as Illustrated in the "Atabat al-Kataba". //BSOAS, London, 1957, vol. XX, p. 367–388.

⁴ Cahen C. Pre-Ottoman Turkey. London, 1968.

Малой Азии, а также с османами.¹ В центре внимания автора были ситуация в этом регионе накануне сельджукского нашествия, политический и военный упадок Византии, а также многоплановый и многовекторный процесс трансформации Малой Азии из христианской в мусульманскую. Появились публикации, в которых освещена история сельджуков в связи с Балканами.²

Сельджукская администрация также стала объектом исследований, в которых подробно рассмотрена система управления у сельджуков.³ Есть также публикации об официальных документах, а также об устройстве и системе управления периода великих Сельджукидов.⁴ Объектом внимания стали общегосударственные, центральные, провинциальные и местные системы, а также формуляры указов и других официальных бумаг XI–XII веков.

Среди *обобщающих исследований привлекает внимание “Кембриджская история Ирана”*, в пятом томе которой освещён сельджукский период.⁵ Основное внимание уделено политической и династийной истории, структуре Сельджукской империи, религии и культуре, прикладному искусству и точным наукам.

¹ Vryonis Jr., S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. Berkeley, 1971; см. также: Canard M. Byzance et les Musulmans du Proche Orient. Paris, 1973.

² Mutaфçiev P. Die Angebliche Einwanderung von Seldschuk–Türken in die Dobrudscha in XIII. Jahrhundert. Sofia, 1943; Ülküsal M. Dobruca ve Türkler. Ankara, 1966; Gökbiçgin T. Rumeli’de Yürükler, Tatarlar ve Ovlad-i Fatihan. İstanbul, 1957; Şimşir B. Contribution à l’Histoire de Population Torque en Bulgarie. Ankara, 1966

³ Eghbal A. Le Ministère pendant la Period des Grands Rois Seldjuquides, Téhéran, 1959; Goitein S.D. Studies in Islamic History and Institutions. London, 1966; Klausner C.L. The Seljuk Vezirate. A Study of Civil Administration: 1055–1194. Cambridge, Mass., 1973.

⁴ Sauvaget J. Quatre Decrets Seldjoukides. Beyrouth, 1947; Turan O. Türkiye Selçukluları hakkında resmi Vesikalar. Ankara, 1958; Horst H. Die Staatsverwaltung der Grosselguen und Horazmşahs. Wiesbaden, 1964.

⁵ The Cambridge History of Iran, vol. 5. The Seljuk and Mongol Periods. Ed. by J.A. Boyle. Cambridge, 1968.

Пятое направление. Чрезвычайно большое внимание сельджукской тематике уделяют турецкие историки. Достаточно сказать, что в Турции существует специальный Научно-исследовательский институт сельджукской истории и культуры. Из огромного количества турецких публикаций отметим следующие.

Кафесоглу И. принадлежит исследование политической истории Сельджукской империи во второй половине XI века; основное внимание уделено правлению великого султана Малик-шаха I.¹ Автор правильно полагает, что победа над Газневидами при Данданакане в 1040 году и установление сельджукского господства в Хорасане были началом завоевания сельджуками стран ислама. Труд *Кёймена М.А.* по истории государства великих Сельджукидов шире, нежели работа Кафесоглу И., по охвату политических событий, которые составляют основное его содержание.² Исследование *Турана О.* посвящено политическим событиям периода преимущественно социально-экономической истории Конийского султаната, а также идеологии, архитектуре, взаимоотношениям султанов с исмаилитами.³ Публикация *Сюмера Ф.* об огузах не имеет параллелей среди работ по сельджукской тематике.⁴ Автор рассматривает политическую историю огузов, племена и их организацию, огузский эпос.

Цикл турецких публикаций посвящён отдельным султанатам⁵, атабекствам⁶ и меликствам⁷, существовавшим в сельджукский период в Малой Азии. Специальные труды рассказывают об одном из важнейших событий мировой истории Средневековья – об эпохальном сражении при Манцикерте 26 августа

¹ Kafesoğlu L. Sultan Melikşah devrinde Büyük Selçuklu İmparatorluğu. İstanbul, 1953; Sevim A. Yücel Y. Türkiye Tarihi. 1. Fetihden Osmanlılara kadar (1018–1300). Ankara, 1990

² Köymen M.A. Büyük Selçuklu İmparatorluğu Tarihi. II. Cilt. Ankara, 1954.

³ Turan O. Selçuklular Tarihi ve Türk-İslam Medeniyeti. Ankara, 1965.

⁴ Sümer O. Oğuzlar (Türkmenler). Tarihleri, Boy Teşkilâtı, Destanları, Ankara, 1967.

⁵ Sevim A. Suriye Selçukluları. Ankara, 1965; on je. Suriye ve Filistin Selçukluları Tarihi. Ankara. 1983; Merçil E. Kirman Selçukluları. İstanbul, 1980.

⁶ Merçil E. Atabeglikler (Salgurlular, İldenizler). //“Doğuştan Günümüze Kadar Büyük İslam Tarihi”. VIII. Ciltten ayrı basım; on je. Simcuriler (ayrı basım); Alptekin C. Dimaşk Atabegliği. İstanbul, 1985.

⁷ Sevim A. Haleb Selçuklu Melikliği. Ankara, 1971.

1071 года между армиями великого султана Алп-Арслана и византийского императора Романа IV Диогена (1068–1071).¹ В итоге, победа в этой битве позволила сельджукам стать полновластными хозяевами в Передней Азии. Византия же не только утратила свою былую военную мощь и престиж, но так и не смогла оправиться от этого поражения.

Отдельное исследование посвящено столице государства Сельджукидов Малой Азии – Конье.² Есть также специальная публикация о социально-экономической истории Малой Азии сельджукского периода.³

Отметим несколько обобщающих работ, в которых освещена сельджукская история Малой Азии.⁴ Автор настоящего исследования опубликовал серию статей по различным проблемам сельджукского периода.⁵

* * *

Таким образом, исследователи давно обратили внимание на важность сельджукского периода для понимания истории средневекового мусульманского и восточнохристианского мира. В этом контексте подтверждается справедливость тезиса Бартольда В.В. о том, что благодаря образованию Сельджукской державы огузы приобрели “для мусульманского мира (можно добавить – также для восточнохристианского. – *Р.Г.*) такое значение, какого не имел в средние века ни один из других турецких народов”.⁶ Вместе с тем понять историю Кавказа XI–XII

¹ Sevim A. Malazgirt Meydan Savaşı. Ankara, 1971; Dirimtegin F. Malazgirt Meydan Savaşı. İstanbul, 1943; Semavi E. Malazgirt Savaşını Kaybeden IV.Romanos Diogenes (1068–1071). Ankara, 1971.

² Baykara T. Türkiye Selçukluları Devrinde Konya. Ankara, 1985.

³ Baykara T. Türkiyenin Sosyal ve İktisadi Tarihi: XI–XIV. Yüzyıllar. Ankara, 2000.

⁴ Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı tarihi. I. Cilt. Ankara, 1988; Sevim A., Yücel Y. Türkiye tarihi. I. Cilt. Ankara, 1990; Türkiye tarihi, I. İstanbul, 2000; Bayram M. Türkiye Selçukluları Üzerine Araştırmalar. Konya, 2003.

⁵ См. в Приложении “Научные публикации Р.А. Гусейн-заде”.

⁶ Бартольд В.В. Очерк истории туркменского народа. Сочинения, том II, часть I. Москва, 1963, с. 574.

веков как часть всемирной истории можно лишь при изучении диалектического взаимодействия объективных (общее) и субъективных (особенное) факторов. Конкретные условия накладывают специфический налёт на ход исторического процесса, что позволяет отличать историю одного народа от истории другого. Но общее и особенное тесно взаимосвязаны и взаимозависимы, поэтому “Синхроническое единство мировой истории должно мыслиться не как унификация с отстранением на задний план особенностей и колоссального перепада уровней экономического развития разных стран, а как взаимосвязь всего этого многообразия”.¹

Рассмотрение же взаимоотношений сельджуков и Кавказа как части мировой истории помогает понять, почему судьба этого региона неотделима от процесса, в который, наряду с ним, были вовлечены многие зоны Востока и Запада. Поэтому история сельджукского периода требует своего воспроизведения как неразделимого комплекса явлений, в основе которых лежат общие закономерности, связанные с конкретными их носителями – субъектами исторического процесса. Вот почему история, сохраняя локальный характер, одновременно выходит за рамки одной страны или региона. Вот почему, как бы ни была обособлена, специфична история каждой кавказской страны, она находилась в определённой связи и зависимости от явлений, характерных для Востока и Запада в XI–XII веках. Вот почему историки знают и понимают, что обособленной страны не существует, что история одной страны немыслима.² Как внешняя, так и внутренняя политика государства, его многогранное и многовекторное развитие теснейшим образом связаны с соседними.³ Невозможно обособить историю одной страны от широкой исторической среды, в которую она органически включена: “Кто пишет историю страны, фактически в огромной степени понимает под ней историю государства, а история государства

¹ Поршнев Б.В. Мыслима ли история одной страны? //Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения. Москва, 1969, с. 304.

² Поршнев Б.В. Указ.раб., с. 301.

³ Гулыга А.В. Эстетика истории. Москва, 1974, с.70.

не может и не должна быть абстрагирована от тех сношений, в каких оно находилось со своим населением и с властями вне данных государственных границ”¹. Вот почему изучение истории Кавказа XI–XII веков показало, что эти столетия являются одним из этапов поступательной и непрерывной эволюции местных обществ, бывших составными частями мировой феодальной системы.

* * *

Несмотря на разнообразие и немалое количество публикаций по сельджукской тематике, до сих пор не все проблемы истории Кавказа XI–XII веков нашли своё объективное освещение и толкование. Причины тут различные. В одних случаях сказались тенденции локальной историографии, проявляющиеся в преемственности традиционных взглядов, принимаемых за постулат; в других – последствия незнания комплекса данных разных групп источников и существующих публикаций; в третьих – результат абстрагирования от реалий периода. В итоге, появляются своеобразные интерпретации истории сельджуков и Кавказа.

Одним из принципиальных является проблема характера экономической жизни региона и его составных частей в XII веке. Пахомов Е.А. считал, что “время с XII века и до начала XIII века было периодом экономического упадка... для всего Азербайджана и окружающих стран”; что наблюдалось падение товарообмена и происходил поворот к замкнутому натуральному хозяйству.²

Возможно, что тезис о замкнутом натуральном характере экономики навеян натуральным характером самой феодальной ренты, а не хозяйства непосредственных производителей и феодалов. Ибо и в период доминирования денежной формы феодальной ренты условия хозяйствования в подавляющем большинстве случаев возмещаются и воспроизводятся прямо из валовой продукции крестьянского хозяйства, без содействия

¹ Поршнева Б.В. Указ. раб., с. 308.

² Пахомов Е.А. Башни-мавзолей в Барде и их надписи. // “Труды Азерб. ФАН СССР. Историч. серия”, том 25, 1936, с. 83; он же. Монетное обращение Азербайджана в XII и начале XIII веков. // Труды ГИМ, 1957, вып. XXVI, с. 90.

рынка. В деньги превращается не весь крестьянский продукт, а лишь та его часть, которая составляет ренту. Собственно, в сумме, феодальная экономика считается натуральной даже при полном господстве денежной ренты, ибо большая часть земледельческой продукции по-прежнему не попадает на рынок (личное потребление, воспроизводство).¹ Поэтому “товарное производство и товарное обращение могут иметь место и тогда, когда подавляющая масса продуктов предназначается непосредственно для собственного потребления”.²

Против натурализации экономики региона в XII–начале XIII веков свидетельствует расцвет именно в этот период значительного числа феодальных городов Кавказа, бывших центрами, в первую очередь, экономической жизни, что следует связать с развитием рыночных отношений, с нарастанием удельного веса денежной формы феодальной ренты. А доминирование последней предполагает более значительное развитие ремесла (бывшего занятием городского населения), торговли, вообще товарного производства, а вместе с ним и денежного обращения.³ Эти черты экономической эволюции были присущи Кавказу XII – начала XIII веков. Возможно, что именно в ней заключается одна из особенностей сельджукского периода *восточного феодализма*.

Дальнейшим развитием тезиса о натуральном якобы характере экономики региона являются выводы Новосельцева А.П. Он полагает, что с появлением на Кавказе сельджуков здесь исчезла большая часть прежних местных землевладельцев и что в XI–XII веках тут всё определеннее проступали черты кочевых форм хозяйства.⁴ Это заключение отнесено в первую очередь к

¹ Поршневу Б.Ф. Феодализм и народные массы. Москва, 1964, с.113 и сл.

² Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т.1./Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, изд. 2-е. Т.23. Москва, 1960, с.180.

³ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, том 3./Маркс К. и Энгельс Ф. Указ. раб. Т. 25, часть 2. Москва, 1962, с. 361.

⁴ Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). Москва, 1972, с. 124; Новосельцев А.П. Пути развития и особенности феодальной формации в странах Закавказья (Опыт сравнительно-исторического исследования). Автореф. докт.дисс. Москва, 1973, с. 8–9, 29–30, 38.

Азербайджану. По мнению автора, местное многовековое оседлое земледельческое хозяйство было значительно потеснено пришлым кочевым, или же, в лучшем случае, местные землевладельцы в большинстве случаев оказались заменены пришлой военно-кочевой знатью. Подобное же заключение относительно Грузии бытует в грузинской литературе.¹

Однако следует говорить лишь о частичном обновлении класса местных феодалов за счёт пришлой военно-кочевой знати, о сохранении местного этноса, о временном застое в местной экономике, носившей принципиально оседлый земледельческий характер. Ни в коем случае нет оснований говорить о возобладании в регионе кочевых форм хозяйства. Так, сам Новосельцев А.П. писал, что развитие производительных сил зависит от комплекса условий, и прежде всего от природной и внешней социальной среды: “Говоря о первой, нельзя забывать, что в докапиталистических формациях человек неизмеримо больше зависел от природной среды и именно она в основном определяла и типы хозяйства и направление его развития (курсив наш. – *Р.Г.*)”.² Раз дело обстоит так, почему Новосельцев А.П. полагал, что многовековые традиции оседлого земледельческого образа жизни местного населения должны были уступить место кочевым формам хозяйства? Верным и объективным является заключение, сформулированное Пигулевской Н.В.: “Общественное развитие происходило в постоянной зависимости от связей и взаимных столкновений между оседлым населением давно сложившихся государств и кочевыми племенами пустыни, спорадически наступавшими на них”.³ Кстати, отметим, в связи с этим, что Новосельцев А.П. приводит известное высказывание К.Маркса о возможности сосуществования оседлых и кочевых обществ на Востоке⁴, то есть о своеобразном симбиозе кочевой

¹ Лордкипанидзе М.Д. История Грузии XI – начала XIII веков, с. 25, 85; Месхиа Ш.А. Дидгорская битва. Тбилиси, 1974, с. 54.

² Новосельцев А.П. и др. Пути развития феодализма, с. 18.

³ Пигулевская Н.В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI веках. Москва-Ленинград, 1964, с. 4.

⁴ Маркс–Энгельсу.//К.Маркс и Ф.Энгельс. Указ.раб. Т. 28. Москва, 1962, с. 214.

и оседлой форм хозяйств, а не об обязательном поглощении или подавлении одной другой. Можно напомнить также определение Ф.Энгельса: “Каждый раз, когда завоевателем является менее культурный народ, нарушается, как само собой понятно, ход экономического развития и подвергается уничтожению масса производительных сил. Но при длительном завоевании менее культурный завоеватель вынужден в громадном большинстве случаев приспособиться к более высокому “хозяйственному положению” завоеванной страны в том виде, в каком она оказывается после завоевания”.¹

Некоторые кавказоведы считают, что сельджукское завоевание отсрочило завершение процесса закрепощения крестьян, и это является показателем застоя в местном социальном развитии.² Так, Новосельцев А.П. считал, что в XI–XII веках в Передней Азии, а значит, и в её составной части – на Кавказе, процесс феодализации, в отличие от Западной Европы того же времени, не был завершён, ибо в те столетия здесь сохранялся рабовладельческий уклад и неоднократно прерывался процесс оформления крестьянства в единое феодально-зависимое сословие.³

В связи с этим следует напомнить: насколько известно, юридически крепостных в регионе в домонгольское время не было.⁴ В целом же период XI–XII веков можно считать переходным этапом, когда свободное крестьянство сходит на нет, а относительно позднее установление крепостничества (или его юридическое оформление) не оказало существенного влия-

¹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Диалектика природы.//Маркс К. и Энгельс Ф. Указ. раб. Т. 20. Москва, 1961, с. 188.

² Думбадзе М.К. Историческая действительность Грузии и Шота Руставели (на груз. яз., рус. резюме).//Грузия в эпоху Руставели. Сборник статей. Тбилиси, 1966, с. 294; Лордкипанидзе М.Д. Из истории социального развития в Грузии XII века.//Грузия в эпоху Руставели, с. 295; Месхиа Ш.А. Дидгорская битва, с. 54.

³ Новосельцев А.П. и др. Пути развития феодализма, с. 99–100.

⁴ Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX веков. Ленинград, 1949, с. 250; он же. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV веков. Москва-Ленинград, 1960, с. 324–326.

ния на местную экономическую, политическую, культурную и даже социальную жизнь. *Это – одна из особенностей восточного феодализма.* Для сравнения можно напомнить, что хотя в Западной Европе XI–XII веков существовало юридически оформленное крепостничество, она во всех отношениях отставала в своем развитии от Востока. На Кавказе же в домонгольское время не было необходимости в закреплении, ибо поземельные отношения, как и вообще феодальные, имели свою специфику, что не могло не отразиться на характере процесса феодализации и оформления крестьянства в единое феодально-зависимое сословие. *Да и вообще, можно ли считать незавершённым процесс феодализации для региона, где, в отличие от Западной Европы, фиксирована непрерывность и преемственность эволюции города и городской жизни; где налицо плавный переход города из Античности в Средневековье; где раньше наступает период товарно-денежных отношений и развитого денежного хозяйства; где доминирует денежная форма феодальной ренты, что свидетельствует о подъёме экономики?* К тому же, Кавказ был той самой зоной контактов и синтезного развития, где новое переплеталось и рождалось в сплаве со старым, местное – с привнесённым извне; где налицо существование зоны континуитета. И всё это – особенности местного, если не вообще восточного феодализма.

Новосельцев А.П. также писал, что в его работах выявляются общие для региона закономерности и особенности сложного и трудного для анализа процесса становления и укрепления феодализма.¹ При этом его отправным пунктом служил вывод о недоразвитости феодализма в Кавказском регионе в сравнении с его “классической” формой в Западной Европе. Таким образом, восточному феодализму с его особенностями и отличиями от западноевропейского вновь отказано в праве на существование, то есть налицо рецидив возврата к евроцентристской теории.

¹ Новосельцев А.П. и др. Пути развития феодализма, с.9 и сл.; Новосельцев А.П. Пути развития и особенности феодальной формации в странах Закавказья, с.3 и сл.

*В качестве контраргумента достаточно сослаться на Конрада Н.И., считавшего, что, если и сравнивать, то при этом следует отталкиваться от восточного феодализма, который старше, и только в таком случае можно выявить общее и особенное в феодальный период, а вместе с тем и типологию эволюции феодализма.¹ Действительно, в развитии Запада и Востока при наличии единства самой социальной системы во всех её разновидностях имелись черты, которые свидетельствуют о преимущественном и более “рациональном” развитии средневекового Востока, по сравнению со средневековым Западом, что позволяет говорить об особенностях восточной феодальной системы и характерной для неё совокупности явлений, определяемых понятием “**восточный феодализм**”. Да и сам Новосельцев А.П. пришёл-таки к заключению, что “процесс сложения феодализма в странах Передней Азии шёл иными путями и не был непосредственно связан с кризисом рабовладельческого строя, который привёл к гибели античную цивилизацию на Западе. **Культура народов Ближнего Востока IV–XIII веков явилась как бы мостом, связавшим античную цивилизацию с возникшей на её развалинах новой, европейской культурой. В этом одна из исторических заслуг народов Ближнего Востока, в том числе и закавказских** (выделено нами. – Р.Г.)”.²*

¹ Конрад Н.И. Запад и Восток. Статьи. Москва, 1972, с. 77-102.

² Новосельцев А.П. Раннесредневековая культура народов Закавказья.// “Вопросы истории”, 1973, № 6, с. 115.

В рецензии на книгу “Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика)”, одним из авторов которой является Новосельцев А.П., точно подмечено, что “при всём многообразии путей формирования и особенностей развития феодальных отношений существует единство самой формации во всех её разновидностях. Это важно отметить, потому что за последние годы под впечатлением раскрывающегося на современном этапе развития науки многообразия конкретных форм, в которых происходило развитие общественно-экономических формаций, отдельные историки даже поставили под сомнение сам принцип выделения рубежей формации” (Сахаров А.М. Рецензия на книгу: Новосельцев А.П. и др. Пути развития феодализма.//“Вопросы истории”, 1973, №5, с. 160).

На прошлое Кавказа вообще и Центрального Кавказа в частности претендует армянская историография. В одной из публикаций своеобразно интерпретирована история Армении и сельджуков в XI–XII веках.¹ Существуют и другие работы, в которых также затрагивается сельджукская тематика в связи с Арменией.

Однако ни в одной работе арменистов не конкретизируется, о какой, собственно, “Армении” ведётся речь, ибо они пишут о 20 с лишним территориях, обозначаемых этим топонимом: Первая, Вторая, Третья, Четвертая, Глубинная, Верхняя, Высокая, Внутренняя, Месопотамская, Византийская, Киликийская, Западная, Восточная, Северная, Северо-Восточная, Южная, Турецкая, Великая, Малая, Юстинианова Армения, Персармения, Армянская область, Армина, а также – большая часть Великой Армении, часть Великой Армении, Армениакон, даже – Армения вне Армении.

Поэтому непонятно, с какой из вышеперечисленных Армений контактировали сельджуки? Суть в том, что армяне неоднократно, в IV, VI, XI веках, утрачивали собственную государственность, которая была ими создана и существовала в Малой Азии. Иными словами, когда в Передней Азии появились сельджуки, никакой армянской государственности не было.

Большое внимание истории Кавказа XI–XII веков уделяют иранские и, особенно, турецкие медиевисты. Для иранских исследователей характерно отрицание истории средневековых государств и этноса Азербайджана. Наиболее рельефно эти тенденции проступают в работе Мортазави М.М., посвящённой месту и роли Азербайджана в истории иранского государства², а также у А.Кесреви Табризи, который рассматривает судьбы азербайджанцев в средние века с паниранистских и шовинистических позиций.³ То же самое характерно для “Исторического атласа Ирана”, где на карте сельджукского периода Азер-

¹ Köymen M.A. Büyük Selçuklu İmparatorluğu Tarihi. II. Cilt. İkinci İmparatorluk Devri. Ankara, 1954; он же. Selçuklu Devri Türk Tarihi. Ankara, 1963.

² Mortazavi M.M. Le Role de l’Azerbaïdjan au cours de XXV siècles d’Histoire de l’Empire. Tabriz, 1971.

³ Kasravi Tabrizi A. Shahriyaran-e Gomnam. Tehran, 1307 (1890 q. n.g.).

байджан представлен как объект исторического процесса.¹ Таким образом, иранская историография отрицает существование античных и средневековых азербайджанских государств. ***В связи с этим следует напомнить, что в XI–XII веках не было никакого Иранского государства, а Иранское географическое пространство входило в состав тюркских государств.*** Сперва это Сельджукская держава и Кирманский султанат Сельджукидов, затем – Иракский султанат Сельджукидов и государство атабеков Азербайджана Ильденизидов (1136–1225). Причём, если в XI веке в истории Ирана и его полиэтничного населения важную роль сыграли Сельджукиды, то в XII веке – Ильденизиды, которые включили в состав своих владений и сферы влияния Иранское географическое пространство. Иными словами, в XI–XII веках сам Иран был объектом исторического процесса, и его судьба оказалась тесно связана и зависима от тех государств, что были созданы неиранскими (тюркскими) династиями. Поэтому закономерен вывод о том, что в период развитого и позднего Средневековья Иран зависел от событий в Азербайджане, а не наоборот. ***Причем в течение 1000 лет, с 925 по 1925 годы, с небольшими перерывами, на Иранском географическом пространстве правили сменявшие друг друга тюркские династии.***²

Для турецких медиевистов исследование периода имеет не только конкретный исторический, но также политический характер. Они рассматривают события XI–XII веков, в первую очередь исходя из трактовки истории современной Турецкой Республики, которую считают последним по времени этапом

¹ Historical Atlas of Iran. Issued on the Occasion of the 2500th Anniversary of the Persian Empire. Tehran, 1971.

² Bausani A. The Persians from Earliest Days to the Twentieth Century. London, 1971, p. 129–130; Spuler B. Le Role des Turcs dans l’Histoire de l’Iran (XIème-XIIIème siècles).//Problemi Attuali di Scienza e di Cultura. Atti del Convegno Internazionale sul Tema: La Persia nel Medio Evo (Roma, 31 Marzo-5 Aprile 1970). Roma, 1971; Босворт К.Э. Мусульманские династии. Пер. с англ. Москва, 1971; он же. Нашествие варваров в мусульманском мире.// Сб.ст. “Мусульманский мир: 950–1150”. Пер.с англ. Москва, 1971; он же. The Ghaznavids. Their Empire in Afghanistan and Eastern Iran: 994–1040. Edinburgh, 1963.

непрерывного, начиная с раннего Средневековья, преемственного и последовательного развития “единой” тюркской государственности. Поэтому турецкая историография уделяет сельджукскому периоду большое внимание, и вот почему для неё Кавказ не субъект, а объект исторического процесса в XI–XII веках.¹

¹ Ülküsal M. Dobruca ve Türkler. Ankara, 1966; Gökbilgin T. Rumeli’de Yürükler, Tatarlar ve Ovlad-i Fatihan. İstanbul, 1957; Şimşir B. Contribution à l’Histoire de Population Torque en Bulgarie. Ankara, 1966; Turan O. Türkiye Selçukluları hakkında resmi Vesikalar. Ankara, 1958; он же. Selçuklular Tarihi ve Türk-İslam Medeniyeti. Ankara, 1965; Kafesoğlu I. Sultan Melikşah devrinde Büyük Selçuklu İmparatorluğu. İstanbul, 1953; Sevim A. Yücel Y. Türkiye Tarihi. I. Fetihten Osmanlılara kadar (1018–1300). Ankara, 1990; Köymen M.A. Büyük Selçuklu İmparatorluğu Tarihi. II. Cilt. Ankara, 1954; Sümer F. Oğuzlar (Türkmenler). Tarihleri. Boy Teşkilâtı, Destanları, Ankara, 1967; Merçil E. Kirman Selçukluları. İstanbul, 1980; он же. Atabeglikler (Salgurlular, İldenizler). // “Doğuştan Günümüze Kadar Büyük İslam Tarihi”. VIII. Ciltten ayrı basım; он же. Simcuriler (ayrı basım); Alptekin C. Dimaşk Atabegliği. İstanbul, 1985; Sevim A. Suriye Selçukluları. Ankara, 1965; он же. Suriye ve Filistin Selçukluları Tarihi. Ankara, 1983; он же. Haleb Selçuklu Melikliği. Ankara, 1971; он же. Malazgirt Meydan Savaşı. Ankara, 1971; Dirimtegin F. Malazgirt Meydan Savaşı. İstanbul, 1943; Semavi E. Malazgirt Savaşını Kaybeden IV. Romanos Diogenes (1068–1071). Ankara, 1971; Baykara T. Türkiye Selçukluları Devrinde Konya. Ankara, 1985; он же. Türkiyenin Sosyal ve İktisadi Tarihi: XI–XIV. Yüzyıllar. Ankara, 2000; Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı tarihi. I. Cilt. Ankara, 1988; Türkiye tarihi, I. İstanbul, 2000; Bayram M. Türkiye Selçukluları Üzerine Araştırmalar. Konya, 2003.

ГЛАВА II. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КАВКАЗА В XI ВЕКЕ

2.1. Кавказ накануне сельджукского завоевания: первая половина XI века

В первой половине XI века на Кавказе существовал ряд государств и значительных феодальных владений. В Азербайджане – Ширванское государство во главе с династией ширваншахов, со столицей в Шамахе. Оно занимало земли исторической области Ширван и часть Южного Дагестана. На северо-западе страны находилось Шекинское владение с собственной династией. Конфедеративный Шаддадидский эмират включал три владения: Арано-Нахчыванское с центром в Гяндже; Двинское и Анийское с центрами, соответственно, в Двине и Ани.

Грузия, включая Абхазию, стала единым царством под эгидой династии Багратидов. Грузино-Абхазское царство было заинтересовано в поддержании добрососедских отношений с вайнахами Северного Кавказа. Среди них миссионировали грузинские клирики, что отвечало политике грузинских царей, которые старались держать под своим контролем Дарьяльский проход, а также поддерживать союзнические отношения со своими горскими соседями, в первую очередь с Ингушетией. Городом Тифлис с прилегающей к нему областью владели и управляли арабские эмиры Джаффариды – главы Тифлисского эмирата. На Северном Кавказе в исследуемый период столь значительных этнополитических государственных образований не имелось. Тем не менее аланы и кыпчаки с XI века и до монгольского нашествия в XIII столетии представляли собой здесь наи-

более крупные и важные силы. Алания в XI веке превратилась в значительное и сильное этнополитическое объединение. Аланскому царю подчинялись многие племена Северного Кавказа.¹ Неслучайно русы совместно с аланами совершали набеги на Ширванское государство, то есть на Центральный Кавказ. Сюда же проходили с различными целями и другие горцы Северного Кавказа.²

Вместе с тем у алан существовали связи с Грузией и Абхазией.³ По горным тропам они проходили к Чёрному морю и далее – в Византийскую империю. В 1062 году аланский царь Дарголел вместе с грузинским Багратом IV (1027–1072) воевал с эмиром Шавуром I (1049–1067) Шаддадидом. В целом, “в средневековой истории народов Северного Кавказа Алания сыграла важную роль, объединив под эгидой алан многие народы Северного Кавказа в единую, хотя и непрочную, политическую систему, ставшую заметным явлением в истории юго-востока Европы X–XI веков”.⁴

В Дагестане в первой половине XI века существовали несколько политических структур, в том числе Баб ал-Абваб (Дербенд), Лакз (Южный Дагестан), Табасаран, Сарир (Авария), Филан. Дагестан имел многовекторные связи с Центральным Кавказом, в первую очередь и главным образом с Ширванским государством.

На Северном Кавказе огромные пространства равнинного Предкавказья – от Нижнего Дона до Дербенда – составляли важную часть “Дешт-и-Кыпчака” – Кыпчакской степи, простиравшейся от верховий реки Сыр-Дарья и западных отрогов Тянь-Шаня на востоке до устья Дуная на западе. Кыпчаки здесь активно контактировали с аланами, адыгами, вайнахами. По преимуществу, это были столкновения и борьба за пастбища. Лишь после того как определилась граница между кыпчаками и автохтонами, в этом субрегионе установилось относительное

¹ История народов Северного Кавказа. С древнейших времён до конца XVIII века. Москва, 1988, с. 150–151.

² История народов, с. 152.

³ История народов, с. 151.

⁴ История народов, с. 151.

военно-политическое равновесие и началось их взаимное сближение.¹ Вскоре кыпчаки стали проникать на Центральный Кавказ, преимущественно через Дербендский проход, а также через Дарьяльское ущелье. Однако они стали играть здесь заметную военно-политическую роль в XII веке.

В первой половине XI века Кавказ неоднократно подвергался с севера набегам русов. В 1030 году они впервые появились во владениях ширваншахов; в 1032 году в союзе с северокавказскими племенами сарир и алан напали на Ширван; в 1033 году те же союзники совершили рейд на Дербенд.² Ширваншах Минучихр I (1027–1034) пытался остановить их около Баку, но успеха не имел. Захватчики дошли до Куры и направились к Гяндже, где эмир Муса Шаддадид (1031–1034) использовал их против восставших жителей Байлакана. Вскоре после этого русы покинули Аран, что явилось, несомненно, большим дипломатическим успехом Шаддадида.

Для нашей темы важно отметить, что уже в первые десятилетия XI века засвидетельствованы рейды тюркских племен из Центральной Азии на Кавказ. Традиция письменных источников связывает их с огузами и сельджуками. Первые огузские рейды коснулись южных областей Азербайджана и Восточной Анатолии. Они датируются 1015–1016 годами. В 1018–1021 годы огузы с юга форсировали Араз, проникли в Аран (междуречье Куры и Араза). В 1028 году огузы, кочевавшие в Хорасане, принадлежавшем Газневидскому султанату (977–1186), подняли мятеж против главы этого государства Махмуда Газневида (998–1030). Последний подавил его, и около 2000 огузских шатров (семей) бежали в Ирак-и Аджам, то есть в Иран, а оттуда в Азербайджан, в Раввадидское государство. Во главе этих шатров стояли эмиры Буга, Гёк-Таш и Мансур. Их дружелюбно встретил эмир Вахсудан Раввадид (1025–1053), снабдил всем необходимым и даже взял в жёны дочь одного из огузских предводителей.

¹ История народов, с. 149.

² Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. Москва, 1963, с. 70–71; Minorsky V. Studies in Caucasian History, London, 1953, p. 11–12; История народов, с. 147.

Наделив огузов землей с обязательством уплаты дани и участия в своих военных операциях, Раввадид сделал их своими вассалами и намеревался использовать в борьбе против соседних государств, в том числе эмиров Шаддадидов и Византийской империи. Последняя посягала на владения Раввадидов, как и на другие территории на Кавказе. Таким образом, огузы стали широко известны на Юго-Восточном Кавказе, но вскоре о них узнали и на Центральном Кавказе. По сообщению грузинской хроники, в 1029 году они совершили рейд в глубь Картли, опустошили Шиомгвимскую лавру и сопредельные земли, и царь Баграт IV, “ввиду многочисленности язычников, остановить их не смог”.¹ Появившись в Аране, они стали опорой эмиров Шаддадидов и помогали им в борьбе с византийской армией, намеревавшейся завладеть Азербайджаном.

Огузы в Раввадидском государстве недолго были верны сюзерену: в 1040 году они подняли мятеж. Тогда Вахсудан пригласил огузских эмиров на пир, во время которого тридцать из них были схвачены и брошены в темницу. Около Табриза произошло избиение инсургентов; уцелевшие шатры бежали в Месопотамию и обосновались около Мосула. Вскоре туда же направились огузы из-под Рея, владетель которого Ала ад-Даула ранее принял их в качестве военных наёмников. Часть огузов в течение года оставалась в захваченной ими Мараге, где они сожгли соборную мечеть, а население предали мечу или увели с собой. В ответ эмир Вахсудан и курдский эмир Абу-л-Хайджа заключили союз, объединили свои силы и изгнали их.

На исходе первой четверти XI века в Хорасан из Туркестана продвинулись сельджуки. С дозволения Газневидов они обосновались в области Нисы, за что были обязаны натуральной данью. Некоторое время спустя, в 30-е годы того же столетия, они впервые появились на Юго-Восточном Кавказе. В период 1033–1040 годов их рейды из Центральной Азии в западном направлении происходили преимущественно в треугольнике Каспий–Исфахан–Урмия. Сельджуки попадали сюда в качестве

¹ Жордания Ф.Д. К материалам по истории Грузии XI–XII веков. Москва, 1895, с. 4, 7.

военных наёмников местных правителей, в частности, эмиров Раввадидов, которые использовали их в междоусобной борьбе и военных кампаниях, в том числе против Византии.

Уже тогда сельджуки нередко проникали дальше на запад. Так, в 1030 году их отряды дошли до восточных фем Византийской империи (то есть до Юго-Западного Кавказа), взяли здесь пленных и военную добычу. Рейд возглавил один из сельджукских предводителей Чагры-бек Дауд, который по возвращении предложил своему брату Тогрул-беку “обосноваться” на Южном Кавказе. По его словам, “там нет кого-либо, способного оказать нам сопротивление”. В 1037 году сельджуки вновь, как и до того, разгромили несколько византийских отрядов.

Так было положено начало многолетним сельджукским рейдам на запад, вылившимся позднее в завоевания и установление власти султанов Сельджукидов как на Кавказе, так и в Передней Азии.

Положение Кавказа было усугублено экспансионистской политикой Византии, войска которой неоднократно вторгались в регион. Вместе с византийскими войсками сюда шли христианские миссионеры. Благодаря этим последним часть аланов Северного Кавказа приняла христианство.

Грузия также испытала на себе византийское давление и зависимость. Так, население грузинских земель на Юго-Западном Кавказе, находившихся в составе Византии, было обязано содержать 50-тысячное войско против вторжений с востока, то есть из Раввадидского и Шаддадидского эмиратов Азербайджана и из Аланского царства. Вместе с тем уже тогда Византия пыталась создать для себя “зону безопасности” от участвовавших рейдов огузов и сельджуков. Тем не менее империя не смогла организовать надёжный заслон против начавшейся вскоре планомерной сельджукской экспансии из Центральной Азии на Кавказ и в Малую Азию, то есть в зону византийских владений и интересов. Более того, именно Византийская империя ослабила в военном отношении местные государства, и, не начнись сельджукское движение на запад, она успела бы полностью осуществить свои захватнические планы в отношении Кавказа.

Но уже вскоре наиболее реальной опасностью для Передней Азии, в том числе для самой Византии, стали сельджуки. Тем не менее усматривать причину бедствий, выпавших на долю Кавказа в первой половине XI века, лишь только в огузских, сельджукских, византийских и иных рейдах и нашествиях неверно.

Политическая раздробленность и междоусобные войны, рост центробежных сил в местных государствах – все эти процессы в немалой степени способствовали их военно-политическому ослаблению. Как правило, крупным внешнеполитическим потрясениям предшествуют внутренние коллизии; преимущественно благодаря этому страны оказывались беззащитными и изнутри “подготовленными” к завоеванию. Подобное могло иметь место лишь в условиях, созданных не внешними силами, а в первую очередь теми внутренними неурядицами, которые характерны для времени перед сельджукским нашествием.

История Кавказа первой половины XI века подтверждает справедливость этого тезиса. Можно сказать, что регион перед началом сельджукского завоевания переживал потрясения в области социальной, экономической, политической и военной. Реальной внутренней консолидации в местных этнополитических структурах не было, что, наряду с другими факторами, весьма осложняло их сопротивление внешней опасности.

2.2. Сельджукское завоевательное движение и Кавказ: вторая половина XI века

В течение 1035–1040 годов султаны Газневиды с переменным успехом боролись против выходящих из-под их контроля сельджуков. Ситуацию усугубляли выступления местного населения, а также антигазневидская политика хорасанской знати, соседних государств и Арабского халифата. Вот почему, когда султан Масуд I потерпел в 1034 году поражение от сельджуков, то был вынужден передать их предводителям – братьям Тогрулбеку и Чагры-беку – на правах икта часть земель в Хорасане. Вскоре сельджуки захватили новые территории Газневидского

султаната, а в 1038 году Тогрул-бек провозгласил себя первым великим султаном. Так в 1038 году на политической сцене появилось новое мощное и влиятельное государство – Сельджукская держава – во главе с династией Сельджукидов и со столицей в Нишапуре.

Через несколько лет произошло знаменательное событие. 25 мая 1040 года в решающей битве сельджуки одержали победу над Газневидским султанатом при местечке Данданакан, близ города Мерв (ныне Мары, Туркменистан) и стали хозяевами Хорасана. Отныне эта обширная, богатая, стратегически важная область превратилась в ядро Сельджукской державы и домен великих султанов.

После знаменательной победы при Данданакане Сельджукиды обратили оружие против Ирана, Кавказа, Малой Азии. Собственно, с 1040 года начинается сельджукское завоевательное движение в западном направлении. Тогда сельджуки сыграли важную роль в судьбах многих народов и государств Востока, в том числе стран Кавказа – Азербайджана, Грузии, Дагестана.

Вместе с тем после 1040 года началась массовая миграция огузских и ряда других тюркских племён, которые обосновались в Передней Азии, в том числе на Кавказе. Современник сообщает: “Зиму тюрки проводят в местности от Тифлиса до Барды, где так прекрасно зимой, где всё это время, как весной, высокая трава, где обильный лес и вода, где имеется множество различной дичи и того, что необходимо для любого рода пользования. Там они разбивают свои шатры. Их кони, мулы и верблюды бесчисленны. Весной они поднимаются в горы Сомхети и Арарат. Летом они также находят изобилие трав и источники воды в этих прекрасных местах”¹

После 1043 года передовые сельджукские отряды стали проникать в районы Халеба, Нисибина, Синджара, Хабура, Амида и Мосула, то есть в восточные византийские фемы. Вот почему при Константине IX Мономахе (1042–1055), который

¹ Chronique de Michel le Syrien, vol. IV. Paris, 1910, p. 732; Histoire de la Géorgie. Ier partie. Saint-Petersbourg, 1849, p. 358–359.

прежде пытался завладеть Кавказом, “восточный вопрос”, то есть сельджукская опасность, приобрел для Византии перво-степенное значение.

Одновременно со столь далекими рейдами сельджуки основное внимание уделяли завоеванию Ирана, Азербайджана, Грузии. При этом они вели наступление сразу в нескольких направлениях, что было возможно главным образом по трём причинам. Во-первых, завоеватели имели мобильное и бое-способное войско, нацеленное на приобретение “жизненного пространства”. Во-вторых, сельджуков влекла возможность захвата богатой военной добычи. В-третьих, они встречали разрозненное и слабое сопротивление, так как местные дина-сты и владельцы предпочитали договориться с Сельджукидами за счёт своих подданных. Поэтому сельджукские султаны могли позволить себе синхронное ведение операций на обширной территории от Ирана до Малой Азии и от Кавказа до Сирии. Их отряды удалялись на большие расстояния от своих баз в Хорасане, не опасаясь быть отрезанными от них.

Среди других особенностей завоевательного процесса стоит отметить известную конфессиональную толерантность Сельджукидов: во всяком случае, они были далеки от рели-гиозного изуверства, суждения об их мусульманском фана-тизме преувеличены.¹ Восточнохристианские писатели не слу-чайно отмечают, что не в пример византийским императорам, сельджукские султаны в вопросах веры были толерантны. Не менее характерным было для Сельджукидов сохранение сло-жившихся на местах форм управления и взимания податей (то есть административной и фискальной систем). Поэтому, как правило, в захваченных городах и областях у власти оставляли на определённых условиях представителей местной знати, а податному сословию даровали временные льготы.²

Подобными мерами Сельджукиды нейтрализовывали мест-ных владельцев и обеспечивали спокойствие на завоёванных

¹ Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии.//Избранные сочинения, том 1. Москва, 1960, с. 197–210, 214.

² Насир-и-Хусрау. Сафар-намэ. Москва, 1933, с. 198.

территориях. С другой стороны, не имея опыта управления, они вынуждены были сохранять (порой временно) местную автономию с обязательством, что она будет им в помощь. Вместе с тем такая практика “освоения” захваченных земель облегчала завоевательный процесс, позволяя более концентрированно заниматься военными делами, которые во второй половине XI века стояли у Сельджукидов на первом плане.

Предоставляя податному сословию и местным владельцам определённые льготы, султаны получали выигрыш в силе, правда, за счёт некоторого снижения поступлений в свою казну. Временный проигрыш в доходах они компенсировали большой военной добычей. Но позднее почти все подати и повинности были восстановлены в прежнем объёме, а затем увеличены, появились новые формы обложения. Однако это произошло после того, как Сельджукиды уничтожили своих главных противников, завершили завоевательный процесс, а, значит, сократилась военная добыча. Но, вместе с тем, возросла потребность в новых, дополнительных, расходах в связи с усложнением и дальнейшей дифференциацией жизни сельджуков в изменившихся условиях и на новых для них местах. То есть с ростом потребностей под внешним влиянием и вследствие внутренней трансформации общества завоевателей.

К особенностям сельджукского завоевательного процесса следует отнести и его поэтапный характер. Для перманентного продвижения вперёд и захвата всё новых территорий сил было недостаточно. Поэтому приходилось после завершения очередной военной кампании производить перегруппировку и накопление сил, создавать новые базы для следующего этапа. Вот почему появились перерывы в продвижении сельджуков из Хорасана на запад, и завоевание Передней Азии, в том числе Кавказа, растянулось на много лет. Одновременно это является свидетельством как того, насколько тщательно Сельджукиды готовили свои военные кампании, так и того сопротивления, которое им было оказано.

Халифал-Каим (1031–1075), обеспокоенный появлением сельджуков во владениях Аббасидов, направил во второй половине

40-х годов XI века к великому султану специального посланца, доставившего письмо, суть которого сводилась к четырем пунктам: 1) Эмиру (а не султану! Султаном, то есть светским главой мира ислама, считался халиф) Тогрул-беку достаточно тех земель, что он захватил к моменту получения настоящего послания; 2) Глава сельджуков обязан прислушиваться к советам халифа, своего религиозного сюзерена; 3) Тогрул-бек должен быть честен и искренен во взаимоотношениях с Багдадом; 4) Он обязан, согласно многовековому обычаю, как вассал, присылать халифу ежегодную дань с захваченных территорий.¹

Подобными паллиативами Багдад пытался ограничить дальнейшее развитие сельджукской экспансии и подчинить себе её руководителей. Но рекомендации халифа не были приняты, и сельджукские отряды продолжали действовать в Иране и на Юго-Восточном Кавказе. В итоге, во второй половине 40-х годов XI века южные области Азербайджана стали местопребыванием завоевателей. Отсюда они совершали нападения на Центральный и Юго-Западный Кавказ. В связи с дальнейшим развитием сельджукской экспансии в западном направлении великий султан Тогрул-бек перенёс свою столицу из Нишапура в Рей – ближе к районам военных действий и расселения сельджуков.

Во главе самостоятельных отрядов стояли малики (члены династии Сельджукидов), получившие конкретные задачи и направление движения. Так, Ибрахим Йанал пошел на ал-Джибаль (район Хамадан-Исфахан), Кутлумыш и Расул-Тегин – на Прикаспийские области, Хасан и Йакути – на северные области Азербайджана. Таким образом, под ударом оказались прикаспийские территории Центрального и Северного Кавказа. Эти отряды успешно выполняли свои задачи, хотя не обходилось без срывов и неудач. Например, Кутлумыш самовольно ушёл в Малую Азию, в византийские пределы, где потерпел поражение. В Сирии он был разбит эмиром халифа Аббасида – тюрком Басасири. Кутлумыш вернулся на восток, прошёл в Азербайджан и пытался компенсировать свои неудачи осадой Гянджи, одного из важнейших средневековых городов

¹ Barhebraei Gregorii. Chronion Syriacum. Parisiis, 1890, p. 226–228.

Востока. Владетель этого города эмир Али Лашкари II Шаддадид (1034–1049) склонен был войти с сельджуками в союз, однако фактический местный правитель хаджиб Абу Мансур и городская верхушка обратились за помощью к грузинам и византийцам. Тогда сельджукский эмир Кутлумыш прекратил осаду Гянджи и по повелению Тогрул-бека вместе с Ибрахим Йаналом совершил новый рейд в Малую Азию, где они успешно сражались с византийцами и их союзниками. Новым же эмиром Гянджи, вместо бежавшего из города Али Лашкари II, стал правитель Шаддадидской ветви в Двине Абу-л-Асвар (Шавур I) ибн Фадл, положивший начало Арано-Нахчыванскому эмирату Шаддадидов. Чтобы обезопасить Гянджу на будущее, Шавур I распорядился провести работы по укреплению городских стен, в которых установили несколько новых железных ворот.

Ширваншах Кубад (1043–1049), обеспокоенный появлением сельджукских отрядов в своих владениях, обнёс в 1045 году столицу Шамаху новой мощной стеной из тёсаного камня и установил в ней железные ворота.

В 1048 году Ибрахим Йанал уже на Центральном Кавказе: через Аран он прошёл в Грузинское царство, где 18 сентября при Ордро встретился в битве с объединённым войском византийцев и одного из крупнейших грузинских сановников Липарита Эристави, бывшего креатурой Византии. Сельджуки одержали верх, среди захваченных в плен оказался Липарит. Обеспокоенный событиями, Константин IX Мономах собирался, по просьбе грузинского царя Баграта IV, направить сюда 15-тысячное войско. Но вскоре обстоятельства переменились, и Византия ограничилась специальным посольством с богатыми подарками к великому султану Тогрул-беку с тем, чтобы вызволить из плена “своего” человека в Грузинском царстве. Не желавший преждевременной конфронтации с империей, обладавшей ещё достаточным военным потенциалом, Сельджукид удовлетворил просьбу, и в 1051 году “подарил” Липарита Эристави императору.¹

¹ Histoire de la Georgie, p. 323.

К этому же году относятся военные действия эмира Арана и Нахчывана Шавура I Шаддадида против Грузии. Воспользовавшись акциями сельджуков и неудачами Грузинского царства, он попытался распространить свою власть вверх по Куре и захватить крепости неподалеку от Тифлиса.

В 1050 году халиф ал-Каим, опасаясь дальнейших осложнений во взаимоотношениях с сельджуками, де-юре признал Тогрул-бека великим султаном и присвоил ему почетный титул “Рукн ад-Дин” (“Столп веры”). Тем самым он дал Сельджукиду инвеституру и вручил ему светскую власть над миром ислама. Этим актом Аббасид узаконил в глазах мусульман узурпацию сельджукскими султанами своих светских прерогатив, а также их захватнические войны. Отныне непременной составной частью титулатуры Сельджукидов стала формула “ас-султан ал-азам шаханшах ал-муаззам” (великий султан, шаханшах высочайший).

К 1054 году сельджуки подчинили себе Иран. С завершением этой крупной и важной военной кампании они получили возможность уделять больше внимания Кавказу, где глава Раввадидского государства принёс Тогрул-беку вассальную присягу. Утвердившись на Юго-Восточном Кавказе, великий султан начал серию военных операций против Византии. Во время одного из походов сельджуки, не встретив организованного сопротивления, прошли с разведывательными целями по ряду районов Малой Азии и дошли до Мелитены. Исходный и конечный пункты этого похода находились на Юго-Восточном Кавказе, который был превращён сельджуками в одну из основных баз для организации военных кампаний и рейдов на Византию, Центральный и Северный Кавказ.

Таким образом, к середине XI века появились условия для начала масштабных военных операций Сельджукидов против Византийской империи, Арабского халифата и других переднеазиатских государств. Только после их нейтрализации можно было подчинить Кавказ, на который претендовали Сельджукская держава, Арабский халифат и Византия.

В 1054 году начался очередной этап сельджукского продвижения на запад, и впервые военную кампанию возглавил сам Тогрул-бек. Одной из его задач было укрепление мусульманских владений на Кавказе – Ширванского государства, Шаддадидских эмиратов в Аране, Нахчыване и Дабиле, Джаффаридского эмирата со столицей в Тифлисе и Хашимидского – со столицей в Дербенде. По пути следования великий султан осадил крепость Манцикерт, контролировавшую две основные дороги с Кавказа в Византийскую империю. Одновременно три крупных сельджукских отряда двинулись один в направлении Абхазии, два других – в Восточную Анатолию. Но вскоре султан поспешил в Багдад, откуда взывал о помощи халифа. Один из его вассалов – тюркский эмир Басасири, являвшийся в действительности могущественным временщиком, – вознамерился примкнуть к конфессиональным и политическим соперникам Аббасидов – египетским халифам Фатимидам. Мятежник выдворил своего номинального сюзерена из города и держал под стражей, а Багдад предал грабежу. Султан ликвидировал мятеж, но Аббасиды взамен одних тюрок получили других.¹

Так состоялась первая встреча великого султана Сельджукида Тогрул-бека I и халифа Аббасида ал-Каима, то есть светского и конфессионального глав мусульманского мира. Это было одним из важнейших международных дипломатических и военно-политических событий исследуемого периода. Наряду с подтверждением позитивных отношений между султаном и халифом, что имело большое значение для истории Кавказа, Передней Азии и Запада второй половины XI века и следующего столетия, это событие явилось очередным этапом распространения сельджукского владычества. Неслучайно современник отметил, что сельджуки – истинные хозяева мира ислама, и “прекратилась из-за них власть (халифа) над многими”.²

Установив личный контакт с халифом и обеспечив себе поддержку тех государств, где Аббасида признавали религиозным

¹ Aksarayi. Musamerat ul-Ahbar ve Musayerat ul-Ahyar. Ankara, 1943, s. 110; Barhebraei, p. 232.

² Anonymi Auctoris. Chronicon ad A.C.1234 pertinens. Pars posterior. Parisiis, 1916, p. 46.

сюзереном, Тогрул-бек вновь нацелил своих воинов на Кавказ и Византийскую империю. В апреле 1060 года, на обратном пути после очередного посещения Багдада, он осадил город Табриз. Не добившись успеха, Тогрул-бек ушёл в августе из-под стен этого важного ремесленно-торгового и военно-стратегического центра мусульманского мира и Кавказа, а с наступлением зимы его войско прекратило осаду. Таким образом, в 1060 году Табриз ещё сохранял независимость от сельджуков, хотя владелец города эмир Мамлан II Раввадид (1059–1071) должен был признать султана сюзереном. На него наложили дань – харадж, часть которой он уплатил, а в счёт остальной суммы отдал в заложники своего сына.¹

Летом 1063 года Тогрул-бек подошёл к значительному и укрепленному городу Азербайджана – Хой, где раисом был шейх Йусуф, и потребовал уплаты 10.000 динаров отступных. Шейх отговорился тем, что горожане заняты джихадом, и поэтому не могут внести требуемую сумму, так как “войско стоит больших денег”. Султану были предложены только 4.000 динаров. Направленный в ответ сельджукский отряд потерпел неудачу, и тогда Тогрул-бек послал для переговоров своего союзника – эмира Хузистана Хазараспа ал-Курди и своего сарханг ал-хасса (военачальника) Сав-Тегина. Встреча с раисом не принесла положительного результата, и сельджуки занялись осадой Хоя, а также соседнего Салмаса. После многодневных сражений в сентябре 1063 года Хой запросил аман у руководителя осады сельджукского вазира Амид ал-Мулька. Эмир Хазарасп и Сав-Тегин вошли в город и “простили” его жителей за 30.000 динаров. Через три дня в Хой прибыл сам вазир и велел казнить часть горожан, другим – отрубить руки. Раис Йусуф и его брат Муса были схвачены. Управление городом решили передать одному из шейхов – Абу Саиду, который преподнёс вазиру 20.000 динаров и просил выдать ему его врага Йусуфа. Султан рассудил иначе: управление городом поручил Омару ибн Сах-Тегану. Вскоре Тогрул-бек повелел освободить Мусу, а непокорившийся Йусуф

¹ Ибн ал-Асир. Ал-каmil фи-т-тарих. Пер. М.Эфенди-заде. Баку, 1959, с.141

окончил свои дни в темнице. Впоследствии Муса отомстил за брата: завладев Хоем, убил часть людей великого султана, остальных изгнал, а себя провозгласил раисом города.

Византийская империя лишь взирала на почти беспрепятственное продвижение сельджуков к своим границам и отвечала паллиативами. Так, императрица Феодора (1042, 1055–1056) старалась задобрить великого султана дорогими подношениями. Её преемник Михаил VI Стратиотик (1056–1057) не нашел более действенного средства против чинимых опустошений, чем эвакуация населения черноморского побережья Малой Азии, куда всё чаще проходили сельджукские отряды. Несколько позднее ту же политику пассивного сопротивления продолжил Михаил VII Дука (1071–1078).¹

Урон, причинённый сельджуками, был немалым. Особенно пострадали сельское хозяйство и крестьяне. Поэтому тягловый скот продавали за бесценок. Пригодный для пахоты бык стоил всего 20 дирхемов, осел – 10. Во многих областях свирепствовали голод и эпидемии болезней, невозможно было достать лечебные снадобья. За один плод граната платили целый динар, столько же стоили две сирийские литры (16 кг) зерна или вина.²

Положение городов и их жителей оказалось предпочтительнее: можно было отсидеться за оборонительными стенами, откупиться от сельджуков товарами или денежной суммой. Но, в конечном итоге, выигрыш был невелик, ибо Сельджукиды вели планомерное завоевание, почему рано или поздно наступал черёд городов.

В 1063 году вместо скончавшегося Тогрул-бека халиф провозгласил великим султаном Алп-Арслана. Было начато систематическое наступление из Ирана на Кавказ, куда вскоре после восшествия на трон Сельджукид совершил первый свой поход. Эта военная кампания преследовала две цели. Во-первых, Алп-Арслан хотел укрепить приграничную зону на Юго-Западном Кавказе, главным образом для предупреждения византийского нападения. Во-вторых, упрочить влияние на своих вассалов на

¹ Chronique de Michel, p. 573, 579.

² Chronique de Michel, p. 583; Barhebraei, p. 233–234.

Юго-Восточном Кавказе и на огузские племена, выполнявшие на границе обязанности уджей (пограничных стражей). Для ударов были избраны три направления. Хаджиб великого султана Сав-Тегин отправился через Азербайджан, вдоль побережья Каспия, к Дербенду. Он вошел в область Маскат, которая являлась составной частью Ширванского государства, и подверг её грабежу. Вскоре Сав-Тегин покинул Каспийское побережье и ушел в направлении Нахчывана, а оттуда – в Грузию.¹ Затруднениями Ширванского государства воспользовался эмир Арана и Нахчывана Шавур I Шаддадид, который в течение 1063–1064 годов трижды вторгнулся во владения ширваншахов и уходил с добычей.²

Второй удар сельджуки нанесли через Нахчыван по Грузинскому царству, где в 1064 году Сав-Тегин осадил укрепленный город Ахалкалаки, взял его, разграбил, а защитников перебил. К этому времени следует отнести также захват Рустави, который оказал упорное сопротивление, за что был сожжён. Пытаясь спасти остальные города и провинции государства, Баграт IV принёс великому султану вассальную присягу с обязательством уплаты дани – джизьи – и отдал ему в жёны свою племянницу.³

Третий удар пришелся по восточным фемам Византии. Ещё при Тогрул-беке серия походов завершилась захватом ряда византийских территорий в Восточной Анатолии. Теперь назревало падение одного из значительных ремесленно-торговых центров империи – Ани. Город стоял на важном стратегическом направлении на Византию. В 1064 году сельджуки осадили его. При помощи баллист была разрушена одна из городских башен, и 16 августа того же года осаждавшие по мосту ворвались в Ани. Ввиду оказанного сопротивления город был разграблен.⁴ За эту операцию халиф пожаловал Алп-Арслану лакаб (почётное прозвание) “Абу-л-фатх” (“Отец победы”).

¹ Минорский В.Ф. Указ.раб., с.77–78.

² Минорский В.Ф. Указ.раб., с. 78; Minorsky V. Op.cit., p. 20–21, 24.

³ Histoire de la Géorgie, p. 327–328, 330; Al-Isfahani. Zubdat al-Nusra va Nuhbat al-Usra. İstanbul, 1943, p. 31.

⁴ Barhebraei, p. 242; Chronique de Michel, t.IV, p. 578.

Падение одного из важнейших стратегических узлов обороны Византии на Юго-Западном Кавказе открыло перед сельджуками оперативный простор. Теперь они могли более целенаправленно и планомерно готовиться к решающему сражению с главным соперником в битве за Кавказ и Малую Азию – с Византийской империей. С этой целью Ани был превращён в основную базу для подготовки решительных военных акций против Византии. Впоследствии, когда она потерпела сокрушительное поражение от сельджуков при Манцикерте 26 августа 1071 года и перестала существовать как организованный противник, Ани потерял для Сельджукидов своё значение. Он был уступлен в 1072 году “заузорчатые ткани” их союзникам – эмирам Шаддадидам Арана и Нахчывана. Так появилась третья – анийская – ветвь Шаддаидов, которая владела городом и тяготевшей к нему областью до конца XII века. “Продажа” Ани не преследовала меркантильных целей, а была военно-политическим актом, в результате которого сельджуки укрепили свои связи с Шаддадидами и обеспечили себе безопасность со стороны Центрального Кавказа.

Вместе с тем территориальный рост шаддаидских владений является свидетельством их роли и значения как для Сельджукидов, так и в истории Кавказа. Во второй половине XI века эмиры Шаддаиды владели значительными землями на Центральном и Юго-Западном Кавказе, в том числе такими важными ремесленно-торговыми и военно-стратегическими центрами, как Гянджа, Нахчыван, Дабиль и Ани. В это время на Кавказе существовали три Шаддаидских эмирата – Арано-Нахчыванский, Дабильский и Анийский. Вместе они составили единое Шаддаидское федеративное государство.

В ноябре 1064 года Алп-Арслан подошел к Хою, который летом предыдущего года проявил неповиновение великому султану Тогрул-беку I, отказавшись уплатить 10.000 динаров отступных, за что подвергся наказанию. И в этот раз городские власти, в нарушение традиции, не вышли встречать Сельджукида, а ремесленники и торговцы заперли лавки и ничего не продавали сельджукским воинам. Последние пожаловались

Алп-Арслану, и он разрешил силой стать на постой в домах горожан и забирать всё, что им понадобится. Начались грабежи и убийства, часть жителей бежала.

Таким образом, ряд городов Центрального и Южного Кавказа – Табриз, Гянджа, Хой, Ани, Ахалкалаки, Рустави – оказал стойкое сопротивление сельджукам. В ответ они принимали карательные меры: непокорный город, как правило, предавали грабежу, облагали контрибуцией, местную администрацию заменяли своей военной, то есть вводили режим оккупации.

В 1066 году сельджукские походы на Кавказ были продолжены. Желая избавиться от сельджуков, ширваншах Фарiburз I (1063–1096) одарил их предводителя эмира Кара-Тегина, который после этого покинул пределы Ширванского государства. Но в конце того же года он вновь появился здесь: теперь Кара-Тегин сопровождал мятежный дядя ширваншаха Мамлана, который решил использовать ситуацию к собственной выгоде. Шамахи была осаждена, а столичная округа разорена. Говоря о том, во что превратили сельджуки землю Ширвана, современник цитирует Коран: страна уподобилась “пустой долине”. Затем Кара-Тегин направился к Баку, где также занялся опустошениями, но вскоре вновь покинул пределы Ширванского государства.

В 1067 году Кара-Тегин опять вторгся в Ширванское государство и прошёл по прикаспийским владениям ширваншахов от Баку до Шабрана, где стал лагерем. Отсюда его воины предприняли ряд рейдов на селения, забирая имущество у жителей и сжигая дома. Так они дошли до Маската, где паслись конские табуны ширваншаха, и угнали их. Вскоре Кара-Тегин опять осадил Шамахи. Положение города было осложнено тем, что на помощь осаждавшим подошло подкрепление в 2.000 всадников во главе с хаджибом великого султана.

Осада была упорной, но ещё раз доказала неприступность ширванской столицы. Тогда сельджукские предводители пошли на хитрость. Глава вновь прибывшего отряда притворно арестовал Кара-Тегина и дядю ширваншаха, а Фарiburзу I передал через посланца: “Султан прислал нас тебе в помощь и для твоего избавления от Кара-Тегина”. Ему предложили

выйти в поле, чтобы получить “арестованных” из рук в руки. Но ширваншах разгадал эту нехитрую военную уловку; и сельджуки были принуждены продолжить бесперспективную осаду.

Вскоре ширваншах сам предпринял ряд закулисных маневров, чтобы освободиться от сельджукского давления. В феврале 1067 года он тайно переслал хаджибу великого султана, прибывшему под Шамахи, 6.000 динаров, в обмен на которые хотел заполучить своего мятежного дядю. Хаджиб принял взятку и устроил так, что Мамлана наскочил на засаду, устроенную людьми Фарибурза I, которые его тут же прикончили, а тело доставили в Шамахи. Убедившись в действенности своего золота, ширваншах предал земле останки мятежного родственника. Лишённые союзника, знавшего сильные и слабые стороны противника, сельджуки сняли осаду и отступили на юг, за Куру.¹

Затруднениями Ширванского государства решил воспользоваться владетель Казвина эмир Эль-Басан, который брался за ежегодное вознаграждение в 30.000 динаров оберегать владения Фарибурза I от сельджуков. Но дальновидный ширваншах избрал более надёжный путь: он породнился с эмиром Каратегином, отдав за него свою двоюродную сестру. Таким путем Ширванскому государству ещё раз удалось избежать подчинения великим Сельджукидам.

Внешнеполитическая деятельность ширваншаха Фарибурза I свидетельствует, что во главе этого азербайджанского государства стоял тонкий политик и дальновидный дипломат, который верно оценивал ситуацию. Он смог справиться с критическим положением, решительными действиями обуздал своих мятежных родственников, нейтрализовал сельджуков и сохранил владения и независимость.

В конце того же 1067 года на Центральном Кавказе вновь появился великий султан Алп-Арслан. К нему прибыл с подарками ширваншах и сопровождал в военной кампании 1068 года. Истощённое предыдущими рейдами и походами сельджуков, а также мятежами Ширванское государство не имело сил, достаточных для сопротивления. Таким образом, к этому времени

¹ Минорский В.Ф. Указ.раб., с. 58–59.

можно приурочить признание ширваншахами сюзеренитета великих Сельджукидов. В январе 1068 года Алп-Арслан подошёл к Гяндже, где к нему явился эмир Арана и Нахчывана Фадл II Шаддадид (1067–1073). Он подтвердил сюзеренитет великого Сельджукида над собой и преподнёс ему 1.000 верблюдов, 50 коней, 500 различных подарков, отделанных золотом и серебром. Среди подношений более всего поражала изготовленная местными ювелирами модель фруктового сада: деревья были имитированы из золота, плоды на них – из гиацинтов и других драгоценных камней. Модель весила 5.000 мискалей, то есть более 20 кг.¹

Вскоре Алп-Арслан совершил второй поход в Грузию, куда прошёл через Аран. Вначале он с войском подошёл к Тифлису. Владетели этого важного торгово-ремесленного города и военно-стратегического центра – эмиры Джафариды – открыли городские ворота, принесли вассальную присягу великому султану, признали его сюзеренитет и обязались платить ему дань – джизью. А “царь Кахетии, – как пишет грузинский источник, – покинул веру и сотворил обрезание”.² Но царь Картли Баграт IV пытался организовать сопротивление, однако в решающем сражении грузинское войско потерпело поражение. Алп-Арслан завладел рядом ключевых крепостей в Картли и Аргвети. Перезимовав в Картли, весной он ушёл через Гянджу и Барду в Хорасан. Своим атабеком (наместником) в Тифлисе и Рустави Алп-Арслан назначил Фадла Шаддадида.³

Следует отметить, что в XI веке великие султаны Сельджукиды поддерживали на Кавказе позитивные контакты только с Шаддадидским эмиратом, главы которого являлись единственной опорой и проводниками сельджукской политики в регионе. Они наиболее упорно противостояли византийским поползновениям на Кавказе, чем объективно помогли Сельджукидам в их продвижении на запад. Вот почему султаны назначили своими

¹ Minorsky V. Op.cit., p.55.

² Histoire de la Géorgie, p. 331–335; Sadruddin. Ahbar üd-Devlet is-Selçukiyye. Ankara, 1943, s. 24–26, 30–32; Летопись Картли, с. 73.

³ Буниятов З.М. Государство Атабеков Азербайджана.// Избранные сочинения, том 2. Баку, 1999, с. 150.

атабеками в Тифлисе и Рустави Шаддадидов и им же уступили Ани. Вот почему в период сельджукского завоевания Кавказа только эти эмиры с молчаливого согласия султанов имели возможность беспрепятственно расширять свои владения, совершать рейды в Ширванское и Грузинское государства. Поэтому на исходе XI века Шаддадиды находились в зените своей военно-политической деятельности, а их владения превратились в одно из значительных государств Кавказа. Благоволение Сельджукидов к Шаддадидам, возможно, объясняется не только их помощью завоевателям, но также и тем, что они владели важными торговыми и военно-стратегическими путями. В свою очередь, в альянсе с сельджуками кроется одна из причин активной роли эмиров Шаддадидов в истории Кавказа.

Вместе с тем в конце XI века Шаддадиды, как активная военно-политическая сила, изжили себя. Необходимость для сельджуков в них отпала после окончательного завоевания великими султанами Кавказа на рубеже 70–80-х годов того столетия. Поэтому главное владение Шаддадидов – эмират Арана и Нахчывана – было ликвидировано и превращено в сельджукское атабекство (наместничество). Здесь теперь сидел атабек Сельджукидов, с резиденцией в Гяндже. Впоследствии Аран одно время входил в состав Ширванского государства. Уцелели, временно, только Шаддадиды в Ани и Дабиле.

Пока Алп-Арслан был занят подчинением Грузинского царства, ширваншах Фарибурз I присоединил ряд соседних территорий. Так, в 1068 году он захватил Дербенд и его область Баб ал-Абваб, которыми стал управлять его сын Афридун. К концу царствования Фарибурз I установил Сюзернитет над Араном и Муганом, как “владениями присяги”, а также над Байлаканом и Гянджой, укрепил влияние в Южном Дагестане. Хотя ширваншах считался вассалом Сельджукидов, как и другие государи Кавказа, он сумел сохранить в этот период свои основные владения, и сельджукские правители, несомненно, считались с его авторитетом.

Во второй половине XI века Сельджукиды подчинили себе на Кавказе ещё ряд территорий, в том числе азербайджанские

области Зангезур, Арцах, Ути. На исходе 1071 года Алп-Арслан назначил эмира Йагму своим атабеком в области Баб ал-Абваб, то есть в Южном Дагестане. Афридун, сын ширваншаха, невзирая на султанский указ, отказался передать сельджукам область и город Дербенд, которые отец поручил его управлению. Эмир Йагма обратился за содействием к самому Фарибурзу I, и с начала 1072 года Дербенд и его область отошли к Сельджукидам.¹

Вновь появившись на Северном Кавказе, дальше Дербенда сельджуки не прошли. Возможно, это связано с тем, что для их образа жизни больше подходили равнины Центрального и Южного Кавказа, нежели гористые области Дагестана. К тому же, сельджукская экспансия шла преимущественно по дуге Туркменистан–Хорасан–Иран–Кавказ–Малая Азия–Сирия. Во всяком случае, ни один письменный или эпиграфический источник не свидетельствует о пребывании сельджуков севернее Дербендской стены. Это также подтверждает вывод, что главная линия сельджукского завоевания и миграционного движения шла по вектору Восток–Запад. К тому же, о землях, лежащих на запад от Центральной Азии, сельджукским предводителям было известно гораздо больше, нежели о Северном Кавказе. Да и общеизвестные маршруты со времён гуннов шли именно в западном направлении. Так оставалось и после: именно с Востока на Запад пролегал генеральный маршрут Великого шёлкового пути. По нему шли завоеватели и племена, миссионеры и культуртрегеры, странники и путешественники, паломники и караваны. Таким образом, на Северном Кавказе сравнительно много сельджуков было лишь в самом Дербенде и его области. Причём здесь они держали военный пограничный заслон (были уджами) против наездников из-за Дербендской стены. Отметим также, что, насколько известно, лишь в округе Дербенда сохранились средневековые кладбища, которые народная молва связывает с огузами и именует эти некрополи “огузскими”.

Вместе с тем военные кампании Сельджукидов на Кавказе были только составной частью генерального плана поэтапного завоевания ими Центральной и Передней Азии. Захват Кав-

¹ Минорский В.Ф. Указ. раб., с. 61–62, 79.

казского региона был продиктован его военно-стратегическим и экономическим значением. Вот почему он стал одним из главных объектов завоевания, и сельджуки готовились к нему основательно и планомерно.

Вместе с тем в связи с сельджуками и Кавказом надо обратить внимание и на следующее. Завоевание Сельджукидами немусульманских территорий в Кавказском регионе, проходившее под лозунгом джихада, имело определённые экономические, военные и политические цели. Наиболее важной среди них была военная: во-первых, ликвидация антисельджукского и антимусульманского христианского элемента – Грузии и поддерживавшей её Византийской империи. Во-вторых, опираясь на местные мусульманские государства, укрепление своего тыла в борьбе с единственным опасным противником на Кавказе и в Малой Азии – той же Византией. Поэтому состоялась серия сельджукских походов на Центральный и Юго-Западный Кавказ, которые одновременно являлись частью военной кампании по захвату всего региона. По той же причине в 1064 году был завоёван и превращён в основную базу по подготовке решающей схватки на поле боя с Византией город Ани. Неслучайно, что именно после этого года участились рейды и походы сельджуков в византийские пределы. Поэтому окончательное подчинение Кавказа Сельджукидам было временно отсрочено.

Не будучи достаточно подготовленным к ответным мерам, византийский император Роман IV Диоген, одержавший до того локальные успехи над отдельными сельджукскими отрядами, решил выступить в поход против великого султана Алп-Арслана. Его конечной целью был захват Азербайджана. Басилевс намеревался, во-первых, остановить продвижение сельджуков на западном направлении; во-вторых, дойдя до Юго-Восточного Кавказа, лишить их важнейших стратегических военных баз; в-третьих, оказать помощь единоверному Грузинскому царству; в-четвёртых, восстановить византийское влияние в регионе. Таким образом, намерения империи в отношении Кавказа не отличались от целей Сельджукидов: обе эти силы хотели подчинить его, каждая себе.

Византийская армия дошла до Манцикерта на Юго-Западном Кавказе, где 26 августа 1071 года сельджуки нанесли решающий удар по военной машине империи. Роман IV Диоген потерпел катастрофическое поражение и попал в плен. Алп-Арслан продел в оба уха пленённого басилевса кольца, давая тем самым понять, что “повелитель ромеев” является рабом султана. Византия была обязана ежедневной данью – джизьей в 1.000 динаров. Затем императора отпустили, а Алп-Арслан ушёл на отдых в Марагу.¹

Манцикерт стал одним из этапных событий не только для самих сельджуков, Центральной и Передней Азии, но и в мировой истории Средневековья. Исход сражения 26 августа 1071 года оказал влияние на судьбы как Востока, так и Запада. Для сельджуков эта победа имела не меньшее значение, чем Данданакан. Одним из ближайших последствий явился передел Сельджукидами политической карты Передней Азии, после чего уже не существовало достаточно серьёзных препятствий для их дальнейшей экспансии. Сельджуки превратились во владетелей обширной территории от Центральной Азии до Средиземного моря и от Кавказа до Персидского залива. На десятилетия вперёд был решён вопрос о доминирующей геополитической силе и системе в Евразии, в том числе на Кавказе.

После Алп-Арслана великим султаном стал Малик-шах I, правление которого совпало с апогеем военно-политического могущества Сельджукской державы: она достигла максимальных своих размеров. С именем Малик-шаха I связан ряд важных событий в истории многих стран. Одной из первых акций нового султана была военная кампания для укрепления сельджукского присутствия в Азербайджане, обеспечения безопасности северных границ этой страны и путей на Кавказе. В 1074 году в Ширванском государстве появился сельджукский эмир Аргар ибн Буга, которому Фарибурз I преподнёс подарки и деньги, но затем заточил его в темницу. Вскоре ширваншах был вынужден освободить пленника, которого пытался задобрить новыми

¹ Византийские историки. Санкт-Петербург, 1858, с. 37–39; Anonymi Auctoris, p. 46–47; Barhebaei, p. 246–249; Chronique de Michel, p. 577–579; Ravendi. Rahat us-Sudur va Ayet us-Surur. Ankara, 1957–1960, s. 117; Selçukname, Selçukluları Devleti Tarihi. III. Ankara, 1952, s. 80.

подношениями. Но Аргар ибн Буга в 1075 году предал Ширванское государство разграблению. Однако, опасаясь восстания местного населения против сельджуков, Малик-шах I приказал вернуть награбленное. Вероятно, к этому времени относится взыскание с ширваншаха контрибуции в 70.000 динаров в качестве компенсации за попытку Фарибурза I избавиться от сельджуков. Тогда же, возможно, было установлено, что ширваншахи обязаны отправлять Сельджукидам ежегодную дань – харадж в 40.000 динаров в качестве платы за инвеституру.¹

Фарибурз I правил в трудное для Азербайджана, как и остального Кавказа, время, когда Сельджукиды окончательно подчинили себе Кавказский регион. Вместе с тем это были годы территориального роста и усиления Ширванского государства, которое к началу XII века вступило в полосу очередного подъёма и расцвета, а затем перестало признавать сюзеренитет великих султанов.

В 1075 году эмират Шаддадидов Арана и Нахчывана был Сельджукидами ликвидирован, а его территория передана под управление сельджукскому малику Мухаммаду ибн Малик-шаху, который избрал своей резиденцией Гянджу. Он установил личные контакты с местными владельцами, что сыграло свою роль в дальнейшей истории как Азербайджана, так и остального Кавказа и Иракского сельджукского султаната. Затем настала очередь Грузии. Сельджуки вторглись во владения Багратидов, где захватили крепость Самшвилде, сожгли Кутаиси, разгромили ряд других городов, крепостей и монастырей. Об этих событиях очень подробно сообщает автор “Жизнеописания царя царей Давида”, описывающий сельджукское господство в Восточной Грузии, которое запомнилось как “великая туретчина” (по-грузински – “диди туркоба”). Грузинский царь Георгий II (1072–1089) отправился к Малик-шаху I в Исфахан, подтвердил его сюзеренитет над собой и обязательство выплачивать ежегодную дань – джизью в обмен на инвеституру.²

¹ Al-Isfahani, s. 133; Sadruddin, s. 50; Минорский В.Ф. Указ.раб., с. 63; Minorsky V. Op.cit., p. 5, 24.

² Жордания Ф.Д. Хроника абхазских царей. Тифлис, 1903, с. 9; Histoire de la Georgie, p. 343, 345–347.

Таким образом, окончательное завоевание Кавказа и установление в регионе владычества Сельджукидов относятся к рубежу 70–80-х годов XI века. Экономические, социальные, политические и иные последствия этого важного события в истории кавказских стран и народов могут быть отмечены с достаточной ясностью. Произошло тесное переплетение их судеб с Сельджукской державой, а через неё с Центральной и Передней Азией. В результате, Кавказ оказался в геополитической системе Евразии XI–XII веков. Это во многом отразилось на этнической и конфессиональной, языковой и социальной, политической и экономической истории региона. После окончательного завоевания Кавказа и установления здесь временного владычества Сельджукидов в регионе остались только два значительных местных государства: Ширванское и Грузинское.

Такова была ситуация на Центральном Кавказе. Что касается Северного Кавказа, то во второй половине XI века северокавказские степи захватили кыпчаки. К концу того же века они играли здесь активную военную и политическую роль.¹ Кыпчаки заняли обширную территорию от Нижнего Дона до города Дербенд, затем стали интенсивно проникать на Центральный Кавказ. Дербенд оставался вплоть до монгольского нашествия одним из крупнейших ремесленно-торговых, политико-административных, культурных центров Кавказа. Более двух веков он являлся столицей Хашимитского эмирата. В 1068 году город и прилегающие земли попали в зависимость от Ширванского государства, но уже вскоре были захвачены сельджуками.² В итоге, Дербенд и его область Баб ал-Абвab стали северной границей сельджукских владений на Кавказе.

¹ Анчабадзе З.В. Кыпчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI–XIV веков. //В кн.: “О происхождении балкарцев и карачаевцев”. Нальчик, 1960, с. 115–116.

² Минорский В.Ф. Указ.раб., с. 61–63, 184–187; Бартольд В.В. Дербенд. // Сочинения, том III. Москва, 1965, с. 426.

2.3. Дробление Сельджукской державы. Укрепление местных государств

Сельджукская держава была военно-политическим конгломератом с относительно слабыми внутриэкономическими связями, с этнически и конфессионально разнородным населением. Отдельные её части находились на разных уровнях социально-экономического и культурного развития. К тому же, у сельджуков изначально доминировал принцип уделов, переданных в кормление членам династии. Всё это накладывало отпечаток на жизнь государства, в состав которого входили обширные территории Центральной и Передней Азии. Вот почему сильное войско и администрация, личные достоинства султанов и их вазиров в немалой степени оставались определяющими факторами жизнеспособности огромной и мощной Сельджукской державы: степные народы характеризуются мобильностью и военно-политической активностью, но одновременно – нестабильностью расселения и политической организации. Поэтому не случайно, что после 1092 года, когда погибли последний сильный представитель династии великих султанов Малик-шах I и его вазир, выдающийся государственный деятель Низам ал-Мульк, возросли центробежные силы, которые привели к фактическому дроблению формально единой Сельджукской державы. Большую роль в этом сыграли, во-первых, принцип уделов; во-вторых, деятельность Ширванского и Грузинского государств, как и других политических единиц в Центральной и Передней Азии. В результате, на политической карте вместо единой Сельджукской державы появился ряд султанатов и эмиратов со своими династиями, номинально считавшимися вассалами великих султанов Сельджукидов. Теперь, в XII веке, судьба народов Кавказа была связана с Иракским и Конийским сельджукскими султанатами. Но в большей степени история Кавказского региона переплелась в том столетии с Азербайджанским султанатом Ильденизидов. Вместе с тем, Ширванское и Грузинское государства на рубеже XI–XII веков восстановили свою независимость, вновь получили возможность вести самостоятельную внешнюю политику.

В 1092 году, по настоянию вдовы Малик-шаха I – Туркан-хатун, преподнесшей халифу ал-Муктади (1075–1094) 100.000 динаров, великим султаном Сельджукидом провозгласили её пятилетнего сына Махмуда I (1092–1094). Часть эмиров поддержала его, но другие приняли сторону Бёркийарука, сына Малик-шаха I от другой жены, которому Багдад также дал инвеституру. Так впервые в истории Сельджукидов одновременно появились два великих султана, обладавших равными правами: известен золотой динар, битый в 1093 году от имени братьев-соправителей.¹ Но уже в следующем году двоевластие кончилось, ибо Махмуд I и его мать “неожиданно” скончались.

Единоличное правление Бёркийарука было беспокойным и смутным. В 1094–1095 годах подняли мятеж его дяди – эмиры Текиш и Тутуш. В 1095 году на него покушались исмаилиты. Вскоре великий султан попал в руки своих врагов, хотевших его ослепить, но счастливый случай помог ему избежать и этой опасности. В 1096 году поднял мятеж дядя султана Арслан-Аргу, а три года спустя взбунтовалась опора трона – султанская гвардия. Более того, в 1100 году ещё один сын Малик-шаха I заявил о своих правах на трон. Это был малик Мухаммад, отправленный в свое время отцом управлять Араном и Нахчываном. Халиф и ему дал инвеституру. Мухаммад, поддержанный частью азербайджанских эмиров, сумел захватить столицу Сельджукской державы – Исфahan. Так во второй раз в течение короткого времени возникло двоевластие.

Бёркийаруку удалось вернуть Исфahan, а когда в 1102 году Мухаммад повторил нападение на столицу и объявил своего брата низложенным, часть эмиров помогла “законному” султану разбить соперника около Дабиля. Мухаммад ушёл в Ани, а оттуда вернулся в Аран, в свою резиденцию Гянджу. Вскоре братья встретились в сражении у Рея, Мухаммад был разбит и вновь бежал в Азербайджан. Борьба между Бёркийаруком и Мухаммадом продолжалась до 1104 года и завершилась соглашением между братьями: претендент получил Сирию, области по

¹ Longperier A., de. Note sur un Dinar de Barkiaroc. // Journal Asiatique, Paris, 1845, IV ser, t. IV.

Евфрату и Центральный Кавказ. Иными словами, Бёркийарук признал Мухаммада своим соправителем. Оба они считались равноправными великими султанами, причём имя одного не поминалось в хутбе во владениях другого.¹ Так произошел официальный раздел Сельджукской державы, что имело важное значение для судеб Кавказа: возникший в 1118 году Иракский султанат Сельджукидов включал те территории, что достались Мухаммаду I (1105–1118) по соглашению 1104 года.

В борьбе за власть между двумя великими Сельджукидами обращает на себя внимание следующее. Хотя Мухаммад потерпел ряд поражений, и Бёркийарук, казалось, мог объявить своего “соправителя” низложенным и принять против него крутые меры, он не пошёл на это. “Мягкость” Бёркийарука можно объяснить двумя обстоятельствами. Во-первых, за Мухаммадом стоял халиф, давший ему инвеституру и объявивший его в Багдаде великим султаном. Как религиозный сюзерен, он мог в любую минуту выступить против Бёркийарука или освободить его вассалов от присяги, то есть разрешить войну против “законного” султана. Во-вторых, двоевластие в Сельджукской державе было на руку Аббасидам, которые любыми способами стремились ослабить султанов и восстановить своё былое значение и расширить собственные владения. В-третьих, на стороне Мухаммада выступили эмиры Азербайджана, с которыми он был хорошо знаком. Они поддержали претендента на трон Сельджукидов, надеясь в случае успеха получить определённые выгоды.

Таким образом, с начала XII века часть эмиров Азербайджана оказалась в гуще военно-политических событий, которые оказали влияние на историю как Кавказа, так и других регионов. Их участие и роль нарастали во времени, достигнув апогея в период Азербайджанского султаната Ильденизидов.

На рубеже XI–XII веков еще один внешнеполитический фактор сказался на истории Кавказа и сельджуков. В 1096 году начались крестовые походы западно-европейского рыцарства и католической церкви на Восток. Они, в известной степени, были

¹ Al-Isfahani, s. 88–89; Sadrud-din, s. 53–54; Selçukname, s. 13–14.

военно-политической реакцией Запада на успехи сельджуков в борьбе против Византии. Первый крестовый поход (1096–1099) завершился созданием ряда государств крестоносцев и временным спадом сельджукской экспансии. Но уже к середине XII века Конийский султанат Сельджукидов, эмират Данишмендидов и другие тюркские и арабские государства в Передней Азии превратились в непреодолимый для крестоносцев барьер. Сравнительно быстро наступило равновесие сил, а затем влияние западных пришельцев на развитие сельджукской и вообще мусульманской экспансии было сведено на нет. В дальнейшем они добивались лишь тактических успехов, а несколько десятилетий спустя созданные крестоносцами государства были ликвидированы. В целом, крестовые походы заметно отразились на взаимоотношениях мусульманского и восточнохристианского мира: появление “освободителей гроба Господня” на Востоке послужило, в первую очередь, сдерживающим фактором. Не раз весть о выступлении “франков”, как называли мусульмане крестоносцев, пресекала поползновения тюркских и арабских правителей.

Что касается самих крестоносцев, то они быстро забыли о цели, ради которой шли на Восток, и превратились в обычных кондотьеров, служивших тем, кто хорошо заплатит. Поэтому реакция восточных христиан на появление своих западных “единоверцев” была отрицательной. Византийская империя, надеявшаяся с их помощью ликвидировать сельджукскую для себя опасность, была разочарована, а в 1204 году пала от рук участников Четвёртого крестового похода (1202–1204). От крестовых походов выиграла Грузия, царь которой Давид IV Строитель “прекратил платить харадж султану, и тюрки не могли отныне зимовать в Картли”.¹ Вместе с тем он воспользовался ситуацией в Сельджукской империи и активизировал свою внешнюю политику.

¹ Minorsky V. *Caucasica*, p. 33–34.

ГЛАВА III. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КАВКАЗА В XII ВЕКЕ

3.1. Иракский султанат Сельджукидов и Кавказ: первая половина XII века

В 1104 году великий султан Сельджукид Бёркийарук назвал преемником своего четырёхлетнего сына Малик-шаха II (1105) и отправил его за инвеститурой в Багдад. В том же году он скончался, а в январе 1105 года Мухаммад I низложил своего малолетнего племянника-соправителя и стал единоличным великим султаном. Одной из особенностей его правления было дальнейшее дробление Сельджукской державы, слишком обширной и неуправляемой для эпигонов Малик-шаха I. Поэтому было закономерным, что Мухаммад I отдал в удел своему сыну малику Махмуду те земли, которые достались ему по соглашению 1104 года с Бёркийаруком. После кончины этого великого султана в 1118 году, когда его трон занял последний представитель главной ветви дома Сельджука – Санджар (1118–1157), Махмуд провозгласил себя султаном на полученных от отца территориях.

Так в 1118 году появилось новое сельджукское государство – Иракский султанат – со своей династией Сельджукидов и столицей в азербайджанском городе Хамадан. В его состав входили Ирак и Аджам (по которому известен султанат), Азербайджан, Грузия, Фарс и ряд других территорий. Первым султаном стал Махмуд II (1118–1131), сын великого Сельджукида Мухаммада I, то есть прямой потомок представителя главной ветви дома Сельджука. Однако Иракский султанат сыграл заметную роль в истории Кавказа не потому, что во главе его стояли Сельджу-

киды, быстро утратившие реальную власть. Эта роль связана с тем, что его фактическими главами являлись атабеки Азербайджана Ильденизиды.

В 1157 году, скончиной последнего великого султана Санджара, прекратила своё формальное существование Сельджукская держава. Иракские Сельджукиды, как прямые преемники Санджара и потомки его предшественника Мухаммада I, выступили в роли собирателей земель, когда-либо принадлежавших роду Сельджука. Тем самым они заявили о правах на наследство великих султанов, на роль сюзеренов тех, кто прежде признавал себя вассалами Сельджукской державы, а также на то, чтобы их имя было включено в багдадскую хутбу. Заметную роль в этих притязаниях иракских Сельджукидов, как вообще в судьбе Иракского султаната, сыграли азербайджанские эмиры. В немалой степени это связано со значением Азербайджана в системе сельджукских государств XI–XII веков. Он был форпостом и военно-стратегической зоной Сельджукидов на Кавказе. В связи с этим сложилась традиция: управление Азербайджаном доверяли тем, чьи заслуги и преданность сельджукскому трону хотели отметить особо. А тот, кому поручали страну, обычно пользовался предпочтительным правом на занятие высших постов в дворцовом и государственном аппарате Сельджукидов. Не менее характерным было и то, что в Азербайджан атабеками (наместниками) назначали маликов, то есть членов сельджукских династий, либо приближенных к султанскому трону эмиров.

Традиция не забылась в период Иракского султаната: тот, кто возвышался при дворе иракских правителей, получал в управление Азербайджан и вскоре занимал руководящее положение в этом сельджукском государстве. Вместе с тем теперь, в XII веке, появились “новации”: отныне сами азербайджанские эмиры использовали потенциал Азербайджана в своих интересах, а полномочными их представителями стали как в Иракском султанате, так и за его пределами атабеки Ильденизиды. Вот почему созданное этими атабеками государство было выразителем интересов местных эмиров и трансформировалось

в Азербайджанский султанат. Таким образом, налицо качественное изменение, которое подтверждает, что со второй половины XII века на Кавказе, в том числе в Азербайджане, сельджукского владычества не существовало. Вот одно из объяснений того, почему так привлекает история атабеков Ильденизидов и созданного ими государства, почему их судьба интересна и необычна. История Ильденизидов помогает понять, по какой причине во второй половине XII века судьба Иракского султаната оказалась связана с этими атабеками, то есть с Азербайджаном и его эмирами. Ибо не земли атабеков входили в состав Иракского сельджукского султаната, а он сам стал частью государства Ильденизидов, был включён в созданный ими Азербайджанский султанат, включавший Южный Дагестан, весь Азербайджан и прилегающую часть Иранского географического пространства.

В правление султана Махмуда II на Кавказе произошёл ряд значительных военно-политических событий. Для Грузинского царства одним из важнейших стала Дидгорская битва 12 августа 1121 года.¹ В том году Махмуд II отправил в Грузию военный отряд с тем, чтобы подтвердить свой сюзеренитет. Давид IV заманил сельджуков в дефиле, где, как сообщает современник, “занял за ними проходы и всех уничтожил”, но часть сельджуков сумела уйти. В следующем году грузинский царь захватил после 400-летнего владычества эмиров Джаффаридов Тифлис, который стал столицей его государства. Однако ещё в течение долгого времени этот ремесленно-торговый, административный и культурный центр Грузинского царства оставался на Кавказе важным связующим звеном между христианским и мусульманским миром. Так, желая сохранить Грузию в тесном иноверном окружении, Давид IV даровал мусульманам своей новой столицы аман и простил подати за 1122 год. Они получили также определённые гарантии на основе соглашения. В частности, во-первых, в Тифлисе продолжали чеканить дирхемы с именами аббасидского халифа и сельджукского султана на одной стороне, Аллаха и Пророка Мухаммада – на другой. Во-вторых, дозволили проливать кровь обидчиков мусульман, публичное чтение

¹ Histoire de la Géorgie. Ier partie. Saint-Petersbourg, 1849, p. 366–367; Месхиа Ш.А. Дидгорская битва. Тбилиси, 1974.

Корана и намаз, а также упоминание в местной хутбе имен Аббасидов и Сельджукидов. В-третьих, запретили держать в городе и продавать на его базарах свиней. В-четвёртых, ежегодная сумма податей была установлена по принципу: с христианина – 5 динаров, с иудея – 4, с мусульманина – 3 динара. Эти привилегии мусульман Грузинского царства соблюдались не одно десятилетие. А его венценосный глава – Димитрий I – по пятницам присутствовал в тифлисской соборной мечети на хутбе и службе, а однажды подарил ей двести золотых динаров.¹

К началу XII века Ширванское государство занимало территории от реки Самур на севере до реки Кура на юге и от Каспийского моря на востоке до линии Шеки–Мингечаур–Гянджа на западе. В течение этого столетия в состав владений ширваншахов вошли также: на севере – Дербенд с его областью и Зирихгеран; южнее Куры – область Гуштасфи; на западе – земли до Зака-тал и Казаха. “Страна лакзов” на севере находилась в союзных отношениях с Ширванским государством, а в области Гумик (в Дагестане) сидел хаджиб ширваншаха, в казну которого отсюда поступали харадж и бадж.² В правление Аффридуна I (1106–1120) продолжалось укрепление антисельджукского союза Ширванского государства с Грузинским царством. В 30-е годы XII века его преемник Минучехр III (1120–1160) отправил с войском на юг своего главнокомандующего Абу Йакуба Йусуфа, который присоединил к Ширвану часть Арана, принадлежавшего Арслан-Апе ал-Ахмадили (1132–1175). При этом ширваншахе возвели нынешние оборонительные стены Баку, на которых сохранилась пышная титулатура глав Ширванского государства: *“ал-Малик ал-Му'аззам ал-Алам ал-'Адил ал-Музаффар ал-Мансур ал-Муджахид Фахр ад-Даула ва-д-Дин 'Имад ал-Ислам ва-л-Муслимин Хакан ал-Акбар Ширваншах ал-Кебир”* (“Высочайший малик, справедливость Вселенной, не знающий поражений воитель, гордость царства и веры, опора ислама и верующих, величайший хакан, великий ширван-шах”).³

¹ Minorsky V. Caucasia I.// BSOAS, 1951, v. XIII/4, p. 29, 33.

² История Дагестана, том I. Москва, 1967, с. 211–212.

³ Буниятов З.М. Государство Атабеков Азербайджана. //Избранные сочинения, том 2. Баку, 1999, с. 162.

После смерти в 1131 году иракского султана Махмуда II трон занял Дауд (1131–1132), который вскоре был низложен, так как великий Сельджукид Санджар настоял на передаче власти Тогрулу II (1132–1134). Дауду в качестве компенсации предоставили в управление ал-Джибаль и Азербайджан. Там он наладил связи с местными эмирами, что сыграло свою роль в дальнейшей истории Иракского султаната, а также Центрального и Юго-Восточного Кавказа. С этого времени начинается активное участие азербайджанских эмиров в делах Иракского государства Сельджукидов и вообще Кавказа.

В эту беспокойную и смутную пору в истории региона стал известен кыпчак Ильдениз. Он появился в Иракском султанате в качестве гуляма ас-Сумайрами, бывшего в 1119–1122 годах вазиром султана Махмуда II. После убийства этого вазира Ильдениз уже на службе у иракских Сельджукидов. Судя по его военной и государственной карьере, Ильдениз прошёл в течение 8–10 лет обычное для дворцовых гулямов обучение, сочетавшее военную и гражданскую (придворную) службу. По его завершении бывший гулям мог стать хейль-баши, хаджибом, военачальником, атабеком, получить титул эмира.¹ В 1132 году, при Тогруле II, он получил титул *эмира* и пост *атабека* (опекуна-воспитателя) его сына Арслан-шаха. После кончины в 1134 году этого султана часть эмиров поддержала его брата Масуда. Эмиры Азербайджана приняли сторону бывшего султана Дауда, который был им знаком. Халиф дал инвеституру Масуду (1134–1152). Однако, не желая обострять отношений с азербайджанскими эмирами, новый султан пошёл на беспрецедентный для Сельджукидов шаг: объявил Дауда наследником престола и выдал за него свою дочь Джаухар-хатун. Дауд же объявил собственной резиденцией Табриз и в течение семи лет управлял Азербайджаном.

В 1136 году султан Масуд назначил Ильдениза атабеком-наместником Арана с резиденцией в Барде. Одновременно ему вручили *тугру* (печать), *йюзюк* (перстень) и *лакаб* (почетное

¹ Низам ал-Мульк. Сиасет-намэ. Москва-Ленинград, 1949, с. 99, 110, 321, 326–327.

прозвание) “*Шамс ад-Дин*” (солнце веры) – атрибуты, которые полагались по сельджукской табели о рангах наместникам.¹ Тогда же Ильдениз получил право на собственный монетный чекан.

В том же году Ильдениз породнился с иракскими Сельджукидами, женившись на вдове Тогрула II Моминэ-хатун. Несомненно, что султан Масуд содействовал заключению этого брака, тем более, что у Сельджукидов было принято выдавать султанскую вдову за приближённого к трону сановника.²

В связи с именем “*Моминэ-хатун*” небезынтересно мнение ныне покойного учёного, специалиста по истории феодального Азербайджана, кандидата исторических наук Рауфа Мамедова. В частной беседе с автором настоящего исследования он высказал вполне обоснованное предположение, что “*Моминэ-хатун*” – не имя вдовы султана, а её почётное прозвание: “*Госпожа правоверных*”. При этом он опирался на материалы сельджукского периода, свидетельствующие, что несколько жён и матерей царствующих и высокопоставленных персон были известны под тем же именем. Например, в роду как султанов Сельджукидов, так и атабеков Ильденизидов. В Нахчыване сохранился архитектурный памятник XII века – мавзолей “*Моминэ-хатун*”.

От Моминэ-хатун Ильдениз имел двух сыновей – Джахан-Пехлевана и Кызыл-Арслана, которые были сводными братьями сына Тогрула II – будущего иракского султана Арслан-шаха.

Помимо удачной женитьбы, дальнейшему возвышению Ильдениза способствовали ещё два обстоятельства. Во-первых, то, что он владел приграничными землями Арана и Нахчывана; во-вторых, его военная активность во благо султаната, главным образом против Грузинского царства. Благодаря этому спокойствие и безопасность владений иракских Сельджукидов в немалой степени зависели от Ильдениза.

Так началось возвышение Ильдениза, который заложил основы Азербайджанского султаната во главе с династией Иль-

¹ Sadruddin. Ahbar üd-Devlet is-Selçukiyye. Ankara, 1943, s. 90.

² Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии.// Избранные сочинения, том 1. Москва, 1960, с. 87.

денизидов. С самого начала, то есть с 1136 года, как один из высших сановников Иракского султаната, Ильдениз играл важную роль в военно-политической жизни Кавказа и за его пределами.

В период возвышения Ильдениза атабеком (сельджукским наместником) Азербайджана, с резиденциями в Гяндже и Табризе, был могущественный эмир Кара-Сонкур, с которым должен был считаться даже султан Масуд. Так, по его настоянию султан объявил своим наследником Дауда. Только после смерти Кара-Сонкура в 1140 году Дауд не без ведома Масуда был убит исмаилитами. Возможно, что в этом случае султан заручился согласием Ильдениза. Поэтому понятно, почему после Кара-Сонкура его владения были переданы Ильденизу. А когда в 1146 году скончался Чавлы, атабек Сельджукидов в области Нахчыван, то Ильдениз получил и эти земли. В результате, к середине 40-х годов XII века он стал владельцем всего Азербайджана (за исключением зоны Ширванского государства).¹ Здесь Ильдениз имел несколько резиденций – Гянджа, Нахчыван, Табриз, Барда, Марага, Ардабиль и Байлакан.

В сложных военно-политических условиях середины XII века Ильдениз неоднократно доказывал свою преданность трону. Так, в 1142 году эмир Кутлуг поднял мятеж в Гяндже; в начале 1146 года правитель Фарса и Хузистана Боз-Апа выступил против султана вместе с его племянниками Мухаммадом и Маликшахом. К ним примкнул правитель Рея Аббас, с которым был ещё один Сельджукид – дядя султана Сулайман-шах. В столь сложной ситуации Ильдениз направил султану Масуду послание, в котором говорилось: “Если тебе необходима помощь, я соберу множество тюркских воинов”. В ответ Масуд просил атабека по-прежнему служить опорой трона.²

Уже вскоре после этих событий Ильдениз был отмечен новыми милостями султана и получил в награду за верность титул великого эмира. О доверии, которым пользовался Ильдениз у Масуда, свидетельствует его назначение на пост *шихнэ* (личного представителя, наместника) султана в Багдаде, при

¹ Al-Isfahani. Zubdat al-Nusra va Nuhbat al-Ustra. İstanbul, 1943, s. 222–223.

² Sadruddin, s. 90.

дворе Аббасида. Шихнэ назначали из числа близких к трону и доверенных эмиров, ибо он являлся фактическим хозяином столицы Арабского халифата. Тогда же был установлен личный контакт между Ильденизидами и Аббасидами, что сыграло определённую роль в дальнейших событиях, в том числе когда начался процесс трансформации Иракского сельджуцкого государства в Азербайджанский султанат.

В 1152 году на иракском троне появился султан Малик-шах III (1152–1153), который был “любителем удовольствий и развлечений”, и ничем другим не запомнился современникам. Несколько месяцев спустя, он был низложен своим братом Мухаммадом II (1153–1160). Новый султан повёл активную внешнюю политику. В частности, предложил халифу ал-Муктафи (1136–1160), чтобы его, наряду с великим султаном Сельджукидом Санджаром, поминали в багдадской хутбе. Последовал отказ, и тогда в 1155 году Мухаммад II осадил столицу Аббасидов, но неудачно. В ответ халиф дал в 1156 году инвеституру Сулайман-шаху, освободив эмиров султаната от присяги Мухаммаду II.¹ Тем самым он разрешил джихад против “законного” государя и дозволил вассалам султана не вносить в его казну подати.

Известие о мятеже эмиров вынудило Мухаммада II прекратить осаду Багдада. Вскоре он заболел и скончался, после чего произошли события, укрепившие позиции Ильдениза. Поддержанный послушными ему эмирами, он совершил государственный переворот, в результате которого султаном был провозглашён Арслан-шах (1161–1176) – воспитанник Ильдениза и ставленник азербайджанских эмиров. Так завершился *первый этап* (1118–1161) истории Иракского султаната Сельджукидов, Кавказа и атабеков Азербайджана Ильденизидов. Тогда же кыпчаки Северного Кавказа, из которых происходили эти атабеки, начали играть активную военную и политическую роль на Центральном Кавказе. Именно на них опирались Ильденизиды. Даже Грузия. Так, в 1118 году грузинский царь Давид IV Строитель, нуждаясь в военных союзниках, пригласил в своё государство

¹ Ravendi, s. 255; Sadruddin, s. 99.

40 тысяч воинов-кыпчаков, составивших постоянное царское войско. Тогда кыпчаки расселились в Восточной Грузии. Другой грузинский царь Георгий III пригласил в своё войско ещё несколько десятков тысяч кыпчаков.¹ В итоге, на Центральном, а также на Юго-Восточном Кавказе кыпчаки расселились в заметном количестве.

3.2. Азербайджанский султанат Ильденизидов и Кавказ: вторая половина XII века

После государственного переворота 1161 года Иракский султанат Сельджукидов существовал де-юре. Начиная с этого года, де-факто появилось новое государство – Азербайджанский султанат во главе с династией Ильденизидов, составной частью которого стал Иракский султанат. Произошла трансформация сельджукского государства в азербайджанское, которое в 1161–1191 годы, в правление Ильдениза и его сыновей Джахан-Пехлевана и Кызыл-Арслана, переживало апогей могущества. В этот период Азербайджанский султанат и династия Ильденизидов находились в гуще важных событий. Ильдениз и его сыновья вели успешную внешнюю политику, не упуская из поля зрения Грузинское царство и Сирию, Византию и Иран, Арабский халифат и Малую Азию. Ильденизидов считали своими сюзеренами эмиры Дербенда и малики Ахара, эмиры Мугана и атабеки Фарса; в сфере их влияния находились Ширванское государство и Кирманский султанат Сельджукидов, владетели Табаристана, эмиры Мангуджакиды, Артукиды и Зангиды; Хорезмское государство поддерживало с ними дружественные отношения; к их помощи прибегали султаны, халифы и эмиры.

После государственного переворота Ильдениз присвоил себе звание *атабека султана* Арслан-шаха, получил от него титул *великого атабека*, вероятно, со значением “хранитель

¹ Очерки истории Грузии. Том III. Грузия в XI–XV веках. Тбилиси, 2002, с. 133–135, 229; Чхатарайшвили К. Иностранцы в грузинском войске в XII веке. //Сб.ст. “Грузия в эпоху Руставели”, Тбилиси, 1966; Анчабадзе З.В. Кыпчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI–XIV веков. //В кн.: “О происхождении балкарцев и карачаевцев”. Нальчик, 1960, с. 119.

государственных устоев”, и командование войском. Джахан-Пехлеван занял пост *эмир хаджиб-и кебира* (первое лицо в дворцовой администрации), а Кызыл-Арслан стал *эмир сипех-салар-и кебиром* (главнокомандующий). Основная казна обоих государств отныне хранилась в крепости Алинджа-кала, около Нахчывана, а столицей Азербайджанского султаната стал Хамадан.¹

Но вскоре начались конфликты между султаном и великим атабеком, ибо речь шла об обладании реальной властью на обширной территории, включённой в Азербайджанский султанат и подвассальной Ильденизидам. А это были Центральный, Южный и часть Северного Кавказа, а также прилегающие земли. Однако, несмотря на коллизии, Ильдениз укрепил свои позиции как в султанате, так и во взаимоотношениях с другими государствами. Например, он поддерживал связи с халифами Аббасидами и эмирами Бектимуридами, владевшими важным город Хилат; к нему на службу являлись тюркские эмиры Сирии и Месопотамии; ему удалось нейтрализовать Грузинское царство.² Лишь при содействии Ильдениза ширваншах Ахситан I (1160–1196) сумел занять трон, почему признал себя формальным вассалом иракского султана, а фактически – его великого атабека. Этим он обеспечил себе поддержку со стороны соседних мусульманских государств. Современник описанных событий великий азербайджанский поэт Хагани Ширвани, обращаясь к Ахситану I, говорит: “Если Ильдениз подчинил султану Иран в те дни, когда ослабело миродержавие, то султан отдал на твоё сохранение (Ширванское) царство, когда увидел, что сузился круг миродержавия”.³

¹ Ал-Исфахани, с. 264, 266; Равенди, с. 279, 282–283; Садруддин, с. 102, 127.

² Рашид ад-Дин. Джами ат-таварих, том I, кн .2. Москва-Ленинград, 1952, с. 83; Sadruddin, s. 110–114; Minorsky V. Studies in Caucasian History. London, 1953, p. 93–94; Barhebraei Gregorii. Chronion Syriacum. Parisiis, 1890, p. 348; Anonymi Auctoris. Chronicon ad A.C.1234 pertinens. Pars posterior. Parisiis, 1916, p. 174; Chronique de Michel le Syrien, vol. IV. Paris, 1910, p. 710.

³ Вильчевский О.Л. Тюркская тематика в творчестве Хагани.//Сб.ст. “Иранская филология”. Ленинград, 1964, с. 127.

Несмотря на это, Ахситан I вёл активную внешнюю политику. Так, он вновь присоединил Шабран, Дербенд и его область к своим владениям; в 1174 году разбил хазар, которые с грабительскими целями спустились на нескольких десятках судов по Волге в Каспийское море, а затем поднялись по Куре до большого торгового села Лемберан. Тогда же ширваншах изгнал печенегов и алан, разорвавших его земли. После 1191 года, когда погиб султан Кызыл-Арслан Ильденизид, ширваншахи обрели суверенитет, который сохранили вплоть до монгольского нашествия.

В собственных интересах Ильдениз поддерживал христиан Центрального Кавказа. В борьбе с Грузинским царством он и его преемники “делали ставку на привлечение на свою сторону христианскую часть населения Азербайджана и соседних областей. С этой целью они покровительствовали местному духовенству”.¹ Так, албанский епископ азербайджанской области Сюник Степанос I (1168–1214) почитался Ильденизидами, был хорошо принят при их дворе. Он “получил от атабека фирман и сечь на владение своей епархией..., маншур на все собственные поместья..., (атабек) освободил от всех податей и землю, воду, сады, виноградники”. С ведома Ильденизидов сельджукский наместник на Центральном Кавказе оказывал военную помощь феодалам-христианам, предоставлял им убежище.²

Существенную роль Ильденизидов, а значит, и Азербайджанского султаната, в истории Кавказа XII века подтверждает нумизматический материал. Во-первых, у них было несколько монетных дворов. Немалое количество их монет известно в грузинских кладах, в Ширванском государстве и Южном Дагестане.³ В жизни Дербенда, одного из важнейших

¹ Буниятов З.М. Государство атабеков, с. 67.

² Буниятов З.М. Азербайджан в VII–IX веках. //Избранные сочинения, том I. Баку, 1999, гл. III, § 2; Исмаилов Э.М. Предисловие. //В кн.: Гаджиева У. Деэтнизация кавказских албан в XIX веке. Баку, 2004, с. 11–15; Вердиева Х.Ю., Гусейн-заде Р.А. “Родословная” армян и их миграция на Кавказ с Балкан. Баку, 2003, с. 119–120.

³ Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краёв и областей Кавказа, вып. I–IX. Баку, 1926–1966; Раджабли А.М. Нумизматика Азербайджана. Баку, 1997, гл. V/7, 8.

средневековых военно-стратегических и ремесленно-торговых городов Востока, великие атабеки играли определённую роль. Нумизматический материал подтверждает, что атабеков Азербайджана считали своими сюзеренами эмиры Мугана: на их монете указан Абу-Бакр Ильденизид. Вассалами Ильденизидов являлись Пиштегиниды – владетельные малики Ахара: Пиш-Тегин бил монету с именами халифа ан-Насира (1180–1225) и Абу-Бакра Ильденизида; Махмуд ибн Пиш-Тегин на своём чекане выставлял имена ан-Насира и Узбека Ильденизида (1210–1225).¹

Однако внешнеполитическая деятельность Ильденизидов не ограничивалась Кавказом. Так, Шамс ад-Дин вмешивался во взаимоотношения сельджуков и крестоносцев, участвовал в сражениях с западноевропейскими рыцарями.² Он имел влияние в Кирманском султанате Сельджукидов; вассалами великого атабека являлись владетель Хузистана Ай-Догду Шимла, который по его повелению напал на халифа ал-Мустанджида Аббасида (1160–1170); владетель Нишапура Муаййад Ай-Апа, надеявшийся с помощью Ильдениза отразить нападение хорезмшаха Иль-Арслана (1156–1172).

Атабек Азербайджана успешно противостоял попыткам этого хорезмшаха распространить свою власть на восточные области Ирана. В связи с этим в его послании Иль-Арслану говорится: “Хорасан – страна султана, владение его отцов и дедов. Точно так же и Хорезм, где пребываешь ты, – его владение! Если ты двинешься на Нишапур, то моим ответом будет только поход против тебя и война между нами”.³

По словам современника, Ильдениз был “наиболее мощной опорой государства”. Его власть признавали на обширной территории от Табаристана до Персидского залива и от Дербенда до Фарса, то есть далеко за пределами Кавказа. В Мосуле, Кирмане, Фарсе, Хузистане, Хилате, Арзинджане имя великого

¹ Пахомов Е.А. Указ. работы. Раджабли А.М. Указ. раб., гл. V/8.

² Recueil des Historiens des Croisades. Historiens Orientaux, vol. I. Paris, 1872, p. 575.

³ Sadruddin, s. 105, 114–116.

атабека поминали в хутбе после халифов Аббасидов и султанов Сельджукидов, били на своей монете владетельные эмиры. В источниках отмечено: “Этот Ильдениз был гулямом Камал ал-Дина ас-Сумайрами, вазира сельджукского султана Махмуда. Когда вазир был убит, Ильдениз перешёл (на службу) к султану Махмуду. Став главой государства, Масуд сделал его правителем Арана. Ильдениз отправился туда и с тех пор не являлся ко двору султана. Впоследствии он захватил большую часть Азербайджана, города Джибала, а также Хамадан, Исфакан, Рей и соседние места. В мечетях провозглашали в качестве султана имя сына его жены – Арслан-шаха ибн Тогрула II. Его войско достигало 50.000 всадников, не считая гулямов. Его владения простирались от ворот Тифлиса до Кирмана. Султан Арслан-шах не обладал какой-либо властью, он довольствовался только тем, что ему давали в качестве содержания.

В доказательство власти атабека над султаном рассказывают, будто последний, опьянённый однажды ночью вином, раздал всё то, что имелось в его сокровищнице и составляло огромную сумму. Когда Ильдениз узнал об этом, он вновь вернул все деньги и сказал султану: “Если ты растрачиваешь деньги без надобности, то они, действительно, достались тебе легко, и ты притеснял подданных”. Ильдениз был мудр, хорошо управлял, принимал простых людей, выслушивал жалобы и творил справедливый суд”.¹

Эта характеристика позволяет заключить, что Ильдениз был незаурядной личностью. Он сумел в течение 1122–1160 годов пройти путь наверх от рядового гуляма-вольноотпущенника до главы обширного государства, игравшего во второй половине XII века заметную роль в истории Передней Азии и Кавказа. Начав “путь наверх” гулямом в 1122 году, Ильдениз последовательно стал эмиром, наместником, атабеком сельджукского малика, а затем самого султана Сельджукида.

В 1175 году Шамс ад-Дин Ильдениз скончался, оставив после себя обширное, мощное и централизованное государство

¹ Ravendi, s. 272; Recueil des Croisades, p. 589–590; Sadruddin, s. 137; Selcukname. Ankara, 1952, s. 19.

– Азербайджанский султанат, могущественную династию Ильденизидов и послушных вассалов. Симптоматична касыда на его кончину, сочиненная кадийем Рукн ад-Дином, в которой Ильдениз назван “титулованной особой”. Поэтому не случайно мнение русского востоковеда О.Л.Вильчевского, высказанное в личной беседе с автором настоящего исследования, что неоднократно упоминаемый в “Китаб-и дедем Коркут” Шер Шамс ад-Дин, сын Гафлет-ходжи, – это Ильдениз. Та часть эпоса, в которой фигурирует великий атабек, сложилась на территории Азербайджана, и в ней должны были найти отражение реалии периода и места, где происходят события, описанные в памятнике.¹ Естественно, что там фигурирует Ильдениз, известный своей многогранной деятельностью как на Кавказе, так и в других регионах Передней Азии. Не исключено также, что Шермадин в поэме Шота Руставели и один из героев эпоса о Коркуде Шер Шамс ад-Дин, “заставивший изрыгать кровь шестьдесят тысяч гяуров”, – одна и та же личность: Шамс ад-Дин Ильдениз.²

Вместе с тем с деятельностью Ильдениза связано одно из эпохальных событий в истории Азербайджана: при нём эта страна впервые целиком оказалась в составе местного государства. Таким образом, политика Ильдениза, незаурядного полководца и главы государства, была направлена на укрепление его положения, его султаната, его сюзеренитета, а также на расширение подвластной ему территории. Успехи великого атабека несомненны. Верно подмечено, что прошлое и значимость Сельджукидов в сочетании с действительной силой Ильдениза способствовали функционированию сельджукской политической системы во второй половине XII века.³

После Ильдениза великим атабеком стал его старший сын Джахан-Пехлеван (1175–1186). Султан Арслан-шах и часть эмиров выступили против него и пытались завладеть

¹ Книга моего деда Коркуда. Москва-Ленинград, 1962, с. 22, 30, 44, 57–58.

² Шота Руставели. Витязь в тигровой шкуре. Тбилиси, 1966, с. 38, 40, 42–43, 46, 163.

³ Luther K.A. The Political transformation of the Seljuq Sultanat of Iraq and Western Iran: 1152–1187; она же. Unpublished Dissertation. Princeton University. Princeton, 1964, p. 168.

Азербайджаном. Борьба шла с переменным успехом, но во время очередного похода Арслан-шах заболел в Занджане, был доставлен в Хамадан, где скончался в 1176 году. Джахан-Пехлеван объявил новым султаном малолетнего Тогрула III (1176–1194), а себя – его великим атабеком. Как и Ильдениз, он был независим, проводил самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику. Источник сообщает: “Джахан-Пехлеван обладал полным величием и могуществом; так что когда воссел на царство султан Тогрул ибн Арслан-шах, то имя его было (лишь) по (его) султанскому званию, да поминалось в хутбе и чеканилось на монетах. Действительным же правителем был атабек Джахан-Пехлеван”. Поэтому понятна его довольно пышная официальная титулатура, засвидетельствованная нарративными и эпиграфическими источниками: *“Падишах ислама, высочайший правоверный, великий атабек, хакан Аджама, солнце вселенной и веры, опора ислама и верующих”*; его почитали за “истинного владетеля” Азербайджана, ал-Джибала, Хамадана, Рея, Исфохана, а также других стран и областей”.¹

Преемник Ильдениза постоянно держал в поле зрения не только Кавказ, но и прилегающие к нему территории.² Джахан-Пехлеван укрепил традиционные связи с вассалами Ильденизидов на Юго-Западном Кавказе – эмирами Бектимуридами, ибо не мог оставить без внимания принадлежавший им город Хилат, находившийся на важных военно-стратегических и караванных путях, связывавших долину Араза с Месопотамией. Бектимуриды всегда выступали совместно с атабеками Азербайджана против Грузинского царства. Тогда же Джахан-Пехлеван выдал свою дочь за Сёкмена II Бектимурида, что способствовало укреплению их военного союза. В свою очередь, великий атабек для укрепления отношений со своим вассалом на Юго-Восточном Кавказе – эмиром Рея Инанджем Бек-Сонкурором – женился на его дочери Инандж-хатун.

¹ Рашид ад-Дин. Джамии ат-таварих, том III. Москва-Ленинград, 1949, с. 104; Aksarai. Musamerat ul-Ahbar ve Musayerat ul-Ahyar. Ankara, 1943, s. 123; Ravendi, s. 306.

² Minorsky V. Studies, p.148; Sadruddin, s.121; Буниятов З.М. Государство атабеков, с. 77–78.

Джахан-Пехлеван успешно воевал с грузинскими царями Багратидами, причём, как отмечает современник, “грузины заключили с ним мир, приняв его требования”. В сфере влияния этого великого атабека была и Центральная Азия. Хорезмшах Текиш (1172–1200) состоял с ним “в дружественной переписке”, посылал ему богатые подарки. Известны несколько писем Текиша “великому атабеку Шамс ад-Даула ва-д-Дину, Пехлевану Иракскому”, датируемые 1181–1182 годами, в которых ощущается заинтересованность хорезмшаха в мирных отношениях с Ильденизидами. Соперничавший с Текишем его брат Султаншах (1172–1193) также установил дружественные отношения с Джахан-Пехлеваном и посылал ему подарки.

Во время походов на запад Джахан-Пехлеван доходил до Сирии и Малой Азии. Его войско вторгалось в пределы Византийской империи и Арабского халифата. Халиф ан-Насир неоднократно пытался воспрепятствовать столь далёким военным кампаниям Ильденизида, а заодно избавиться от тюркского влияния в Багдаде. Вероятно, эти его действия побудили великого атабека сказать, что халифу “более приличествует заниматься хутбой и религиозными делами. Он должен оставить султану (чит.: Ильденизиду) мирскую власть и вопросы управления”.¹

Джахан-Пехлевану пришлось столкнуться с Аййюбидским султанатом, несмотря на то, что между ними существовали позитивные отношения. Так, Салах ад-Дин Аййюбид (1169–1193) пытался проникнуть в сферы влияния Ильденизидов на Юго-Западном Кавказе. В 1182 году он вторгся во владения атабеков Зангидов; в 1185 году появился около Хилата, где в хутбе провозглашали Джахан-Пехлевана.² Однако успех ему не сопутствовал.

Власть великого атабека признавали атабеки Мосула и Фарса, эмиры Бектимуриды и малики Ахара, владельцы Хузистана и Табаристана. Его считали “властителем Азербайджана, Ирака, ал-Джибаля, Рея, Исфахана, Хамадана и других областей. Это был муж хорошего нрава, правосудный, мудрый правитель,

¹ Ravendi, s. 309.

² Barhebraei Gregorii, p. 366.

(обладавший) терпением. В дни его правления (подвластные ему) страны жили в мире, а подданные – в спокойствии”.

В 1186 году вместо скончавшегося Джахан-Пехлевана великим атабеком стал его брат Кызыл-Арслан (1186–1191), и вновь вспыхнула междоусобная война. Поддержанный вольноотпущенниками Джахан-Пехлевана Ай-Апа и Русом, а также эмирами Табаристана, Абхара, Занджана и Мараги, султан Тогрул III ушёл из столичного Хамадана в Урмию и стал собирать силы для похода против великого атабека. Военные действия продолжались почти пять лет, и торжествовал победу Кызыл-Арслан: в 1186 году он захватил и отправил в темницу “непослушного” Тогрула III. В Хамадане этому Ильденизиду вручили указ халифа ан-Насира о назначении его “наместником” Аббасидов. Терминологически этот акт означал признание Кызыл-Арслана независимым государем. В Багдаде была прочитана хутба с его именем, а в Хамадане состоялась важная официальная церемония: посланец халифа посадил великого атабека на султанский трон. Его облачили в особые почётные одежды; сановники при чтении указа Аббасида о возведении Кызыл-Арслана в султанское достоинство неоднократно целовали перед ним землю. В подчинение новому султану было передано войско халифа.

Основной смысл акта 1186 года – вручение халифом инвеституры Кызыл-Арслану – заключается в признании его султаном де-юре. Вместе с тем это – дата формального провозглашения существовавшего де-факто уже при Шамс ад-Дине Ильденизе Азербайджанского султаната во главе с династией Ильденизидов. Теперь в столице нового султаната – Хамадане – от имени халифа провозгласили хутбу на имя Ильденизида, в которой он был назван “*султаном*”; у ворот его дворца стали отбивать пятикратный *наубат* (барабанный бой) “Зу-л-Карнайн”; Кызыл-Арслан получил право на собственный золотой монетный чекан, что было прерогативой Сельджукидов. Подтверждением такого чекана Ильденизидов служат три золотые динара с именем и пышной титулатурой не обладавшего реальной властью Абу-Бакра – преемника-эпигона и племянника Кызыл-Арслана.

Эти монеты должны были появиться с именем и султанским титулом Кызыл-Арслана, но после его убийства в 1191 году их перечеканили на имя Абу-Бакра.¹

Таким образом, при Кызыл-Арслане была завершена политико-правовая трансформация государства атабеков Ильденизидов и Иракского государства Сельджукидов в единый Азербайджанский султанат. Он получил признание со стороны не только халифа Аббасида, но и соседних государств, которые прислали новому султану традиционные поздравления и подарки, полагавшиеся по случаю восшествия на трон.² О важной роли Кызыл-Арслана и Азербайджанского султаната в истории Кавказа свидетельствует многое. Так, Хагани Ширвани считает, что существовала возможность брака между султаном Ильденизидом и грузинской царицей Тамарой; один из придворных поэтов правителя Табаристана – Фарйаби – сочинил в честь Кызыл-Арслана касыду; великий Низами, создавший одну из поэм своей “Хамсэ” – “Хосров и Ширин” – по заказу Тогрула III, посвятил её Джахан-Пехлевану и Кызыл-Арслану.³

Для укрепления своего положения старшего в роду Ильденизидов Кызыл-Арслан женился на вдове Джахан-Пехлевана – Инандж-хатун. Однако последняя полагала, что власть должна была перейти к одному из её сыновей. Составился заговор, к которому примкнули некоторые эмиры, и в 1191 году Кызыл-Арслан был убит. Главой султаната поставили слабого Абу-Бакра, сына Джахан-Пехлевана от другой жены. Тогрула III Сельджукида выпустили из заточения, и он вновь “воссел на троне своих предков”. В благодарность султан приблизил к себе эмиров-заговорщиков и женился на Инандж-хатун.⁴ Так

¹ Kouymjian D.K. Three Unique Gold Coins of the Eldiquizid Atabeks of Northwestern Iran. // Actes du 8-ème Congres International de Numismatique. New York-Washington, September, 1973, Paris-Basel, 1976, p. 527–541.

² Рашид ад-Дин, с. 104; Aksarayi, s. 123; Al-İsfahani, s. 269; Ravendi, s. 327, 333; Sadruddin, s. 126–127.

³ Низами Гянджеви. Хосров и Ширин. Баку, 1947, с. 244–245; Вильчевский О.Л. Хагани. // Советское востоковедение, 1957, № 4, с. 127–129; Бертельс Е.Э. Низами. // Избранные труды. Москва, 1962, с. 128–131, 134 и сл.

⁴ Ravendi, s. 334–335, 337.

завершился в 1191 году *второй этап* (1161– 1191) в истории атабеков Азербайджана Ильденизидов, Иракского султаната Сельджукидов и Кавказа.

Однако *третий этап* оказался не столь удачным для Ильденизидов. Во-первых, обширный Азербайджанский султанат, включавший почти весь Центральный, Южный и часть Северного Кавказа, для эпигонов Кызыл-Арслана оказался неуправляемым. Во-вторых, не возродился и Иракский султанат Сельджукидов, ибо его главы также оскудели. В-третьих, вследствие этих обстоятельств владения Ильденизидов оказались поделены между Тогрулом III, сыновьями Джахан-Пехлевана – Абу-Бакром, Кутлуг-Инанджем, Амиран-Умаром – и эмирами. Так, Азербайджан вместе с титулом великого атабека, должностью атабека султана и старшинством в роду Ильденизидов перешёл к Абу-Бақру (1191–1210).¹

В итоге, в конце XII века на Кавказе и в соседних регионах произошла дестабилизация геополитических отношений. Этим не замедлили воспользоваться ближние и дальние государства. Так, Ахситан I приблизил Амиран-Умара, женил его на своей дочери и снабдил войском. Царица Тамара также снарядила для него войско.² Амиран-Умар обещал, что в случае успеха передаст им захваченные азербайджанские земли. В июне 1194 года около Шамкира Амиран-Умар победил Абу-Бақра, после чего его воины рассыпались по беззащитной стране, грабя, разоряя, убивая и забирая жителей в плен. В результате, пострадали Шамкир, Байлакан, Ардабиль и Маранд. Только Гянджа оказала упорное сопротивление. Когда Амиран-Умар потребовал сдачи Гянджи, защитники города ответили: “Если бы ты прибыл к нам один, мы сдали бы тебе город. Но ты явился с этим сборищем безбожников, и мы не можем отдать тебе город из страха, что неверные изменят тебе и завладеют им. Тогда мы с нашими детьми будем угнаны в плен, а наши воины и наши семьи будут перебиты”. Тогда Амиран-Умар отвёл от Гянджи грузинское

¹ Al-Isfahani, s. 269; Ravendi, s. 333–334.

² История и восхваление венценосцев. Тбилиси, 1954, с. 57–58; Histoire de la Géorgie, p. 435; Sadruddin, s. 130.

войско, и горожане открыли ему ворота. Однако вскоре он был убит гянджинцами, ибо стал их притеснять.¹

В конце XII века Аййюбидский султанат вновь пытался проникнуть на Кавказ. В 1191 году Салах ад-Дин Аййюбид направил сюда своего племянника Аббаса, но экспедиция была неудачной. Преемники Салах ад-Дина продолжили попытки утвердиться в Кавказском регионе. Султан Малик ал-Адыль I Аййюбид (1200–1218) появился на Юго-Западном Кавказе, но успеха не добился. Притязания Аййюбидов частично были реализованы несколько позднее, когда они утвердились в Хилате, Манцикерте и прилегающих к ним областях.² Военную активность на Центральном Кавказе проявляло также государство Сельджукидов Малой Азии. На рубеже XII–XIII веков конийские султаны временно распространили своё влияние на Азербайджан³, султан Кей-Хосров I (1192–1196, 1204–1210) пытался завладеть Абхазией.

В 1210 году последним владетельным великим атабеком из династии Ильденизидов стал Узбек. Его правление прошло в беспрестанных мятежах и междоусобных войнах, стало временем дальнейшего упадка власти и влияния Ильденизидов. Неслучайно современник отметил: хотя Узбек считался “султаном Азербайджана, власть он имел только в своем вилайете”. Однако гораздо важнее для тех лет было иное: новая, более грозная, опасность нависла над Кавказом и вообще над Передней Азией.

Создав в 1206 году Монгольское государство, его глава – великий каан Чингиз-хан (1206–1227) – отправил свои армии на запад, по тому же маршруту, что до него великие султаны Сельджукиды. В итоге, он завладел Центральной Азией и снарядил погоню за хорезмшахом Мухаммедом (1200–1220), который бежал в направлении Кавказа.

20-тысячное монгольское войско во главе с лучшими полководцами Чингиз-хана – Джэбэ и Субэдэ – двинулось на запад.

¹ Sadruddin, s. 130–132

² Рашид ад-Дин, с. 196; Anonymi Auctoris, p. 217–218; Barhebraei, p. 390.

³ Anonymi Auctoris, p. 212; İbn Bibi. Selçukname. Ankara, 1941, s. 36; Ravendi, s. 212; Selçukname, s. 31.

Кроме преследования хорезмшаха, великий каан поручил им провести глубокую разведку и собрать сведения о прикаспийских территориях Кавказа.¹

В 1220 году передовые отряды монголов появились на Юго-Восточном Кавказе, где осадили Табриз. Находившийся в городе атабек Узбек добился с ними мира, откупившись золотом, тканями и скотом. Затем монголы вторглись на Центральный Кавказ, прошли в Грузинское царство, где разбили Георгия IV Лашу (1213–1222). В том же году они вернулись на Юго-Восточный Кавказ и вновь подступили к Табризу. Город опять откупился, и монголы ушли к Мараге, которую осадили в марте 1221 года, взяли, разграбили, а жителей перебили. Та же участь постигла несколько месяцев спустя Ардабиль, оказавший упорное сопротивление. Осенью 1221 года монголы в третий раз подошли к Табризу, и этот богатый ремесленно-торговый город вновь сумел откупиться. Затем они осадили, захватили и разграбили, перебив жителей, Сараб, Нахчыван и Байлакан.² Гянджа оказала упорное сопротивление, и монголы ушли из-под её стен ни с чем. В Ширванском государстве они осадили Шамаху. Горожане сражались самоотверженно, дав клятву: “От меча всё равно не уйдёшь. Так лучше нам твёрдо стоять, по крайней мере, умрём с честью!” Однако силы были неравны, монголы захватили город и учинили разгром, перебили часть жителей, а других увели с собой. Отсюда захватчики вдоль Каспийского побережья двинулись на Северный Кавказ. Но неприступным Дербендом, входившим в состав Ширванского государства, они овладеть не смогли и пошли на хитрость. Как сообщает Рашид ад-Дин, монгольские полководцы обратились к ширваншаху с предложением мира и просили прислать доверенных лиц. Ахситан I согласился, но монголы под страхом смерти приказали посланцам указать путь через горы, мимо Дербенда.³ Так они прошли на Северный Кавказ через Главный Кавказский хребет,

¹ Рашид ад-Дин, с. 209.

² Рашид ад-Дин, с. 227; Али-заде А.А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII–XIV веков. Баку, 1956, с. 92–100.

³ Рашид ад-Дин, с. 228–229.

то есть через Внутренний Дагестан, где занимались грабежами и убийствами местных жителей.

Кыпчаки и аланы объединились для сопротивления монголам. Однако Джэбэ и Субэдэ сумели расстроить их военный союз и разбили поодиночке аланов и кыпчаков. Возвратившись затем к Чингиз-хану, они обрисовали ему ситуацию на Кавказе.

Кыпчаки же после их разгрома монголами направились к Дербенду, которым сумели завладеть. Отсюда они направились на Центральный Кавказ, где опустошили Азербайджан и Грузию. Однако, встретив организованное сопротивление, кыпчаки ушли на север, за Дербендскую стену.

В 1225 году на Кавказе появился последний хорезмшах Джалал ад-Дин, который сумел временно подчинить себе Центральный и Южный Кавказ, а Азербайджан превратил в основную базу, откуда начинал походы в различные районы Передней Азии. Ему без боя сдалась Марага, жители которой надеялись заручиться покровительством хорезмшаха. Табриз, покинутый Узбеком, оказал упорное сопротивление и в течение недели отражал штурмы. Завладев городом, Джалал ад-Дин даровал жителям аман и направился в Грузию. В том же году он разгромил войско грузинских царей Багратидов; потом захватил ещё ряд азербайджанских городов, в том числе Байлакан и Шамкир. Вскоре ему сдалась Гянджа, а находившийся здесь великий атабек Узбек бежал в крепость Алинджа-кала, около Нахчывана, где вскоре скончался “от горя”.

Так завершился *третий – заключительный – этап* (1191–1225), связанный в истории Кавказа с сельджуками и атабеками Азербайджана Ильденизидами.

3.3. Характер взаимоотношений Азербайджана и Грузии в XII веке

Изучение истории отношений между политическими структурами Центрального Кавказа, то есть между Ширванским государством и Грузинским царством, в XII веке имеет давнюю традицию и различные толкования. В первой половине

XIX столетия Б.Дорн писал о “подчинении” или же о “вассальной зависимости” Ширванского государства от Грузинского царства в течение почти всего XII века.¹ Позднее Е.А.Пахомов повторил тезис, а В.В.Бартольд и В.Ф.Минорский, базируясь на его работах, в принципе приняли ту же точку зрения.² Вместе с тем В.В.Бартольд считал, что во второй половине XII века существовал союз между ширваншахами и грузинскими царями; да и Е.А.Пахомов не отрицал, что “Грузия и Ширван в XII века находились в дружеских взаимоотношениях”.³

Почти все сторонники тезиса о вассальных отношениях Ширвана с Грузией считают первую четверть XII века началом сюзеренитета грузинских царей Багратидов над ширваншахами. К тому же времени приурочивают включение термина “*ширваншах*” в титулатуру грузинских царей.

Авторов, рассматривающих ширвано-грузинские отношения в XII веке с прогрузинских позиций, можно разделить на две группы. Представители одной базируются почти исключительно на “Картлис Цховреба”, вторая группа – на литературных данных. Вместе с тем обращает на себя внимание разнотой в

¹ Dorn B. Beiträge zur Geschichte der Kaukasischen Länder und Völker, aus Morgeländischen Quellen, 1. Versuch einer Geschichte der Schirwanschahe. Memories de l'Academie imp. des Sciences de St.-Petersbourg, Ve serie. Sciences Politiques, Histoire, Philologie, t. IV, 1841, p. 531.

² Пахомов Е.А. Монеты Грузии. Тбилиси, 1970, с. 75, 79; он же. Краткий курс истории Азербайджана. С приложением экскурса по истории ширваншахов XI–XIV вв. (На правах рукописи). Баку, 1923, с. 33, 37; он же. Монетные клады Азербайджана и других республик, краёв и областей Кавказа, вып. VII. Баку, 1957, с. 61; он же. Пайтакаран–Байлакан–Орен-кала.//Труды Азербайджанской (Оренкалинской) экспедиции, том I. Москва-Ленинград, 1959, с. 26; Бартольд В.В. Сочинения, том II, часть I. Москва, 1963, с. 692, 877; Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. Москва, 1963, с. 176-180.

³ Бартольд В.В. Сочинения, том II, часть I, с. 779; Пахомов Е.А. Краткий курс истории Азербайджана, с. 16, 32; он же. Монетные клады, вып. VII, с. 61; он же. О Дербендском княжестве XII–XIII веков.//Известия Азербайджанского государственного научно-исследовательского института. Историческое, этнографическое и археологическое отделение, 1930, т. 1/2, с. 7; он же. Твердыня Ширвана эпохи Низами.//Низами. Сборник I. Баку, 1940, с. 73–74.

работах самих грузиноведов: одни говорят о “вассалитете”, другие – о “захвате части Ширванского государства”, третьи – о его “включении в состав Грузинского царства”, четвёртые – о “войнах Багратидов с Сельджукидами за Азербайджан”. При этом все они имеют в виду одно и то же XII столетие.¹

Однако существует и иная – позитивная – точка зрения на характер взаимоотношений ширваншахов с Багратидами в XII веке. Так, В.М.Сысоев еще в 20-е годы XX столетия пришел к заключению, что ширвано-грузинские отношения в XII веке носили союзнический характер; этого же тезиса придерживается К.И.Чайкин.² Причём оба исследователя рассматривают проблему не только в политическом аспекте, но и экономическом, что позволило им объективно осветить характер взаимоотношений Азербайджана с Грузией в XII веке. На необъективном толковании характера грузино-ширванских отношений акцентировал внимание А.А.Али-заде. Он справедливо полагал, что вывод должен базироваться на свидетельствах не только грузинских хроник, имеющих, как правило, односторонний характер, но и на сведениях других групп синхронных источников. В частности, А.А.Ализаде писал: “Можно с уверенностью сказать, что в X–XIII веках “грузинское влияние” на Ширван (или “прямое подчинение” Ширвана Грузии) не существовало; хотя, вступая в родственные и союзнические отношения с Кесранидами, Багратидами преследовали свои интересы, стремясь использовать значение ширваншахов”.³ С.Б.Ашурбейли акцентировала внимание на политике грузинского царя Давида IV Строителя,

¹ Асатиани Н.Ш. Грузино-ширванские политические отношения в XII веке (Статья первая. Первая половина XII века).//Труды ТГУ, т. 125, 1968, с. 7–54; Лордкипанидзе М.Д. История Грузии XI – начала XIII веков. (Научно-популярный очерк). Тбилиси, 1974, с. 173; Очерки истории Грузии. Том III. Грузия в XI–XV веках. Тбилиси, 2002, с. 162, 167, 171.

² Сысоев В.М. Краткий очерк истории Азербайджана. Баку, 1925, с. 62; Чайкин К.И. Из грузино-иранских связей.//Сборник статей “Руставели”, с. 22.

³ Али-заде А.А. От ответственного редактора.//В книге: В.Ф.Минорский. История Ширвана и Дербенда X–XI веков, с. 8–12; он же: К вопросу об освещении ширвано-грузинских отношений в XI–XII веках (статья первая).// Известия АН Азерб. ССР. СИФП, 1977, № 4, с. 73–85.

который стремился жить “в мире и дружбе” со своим мусульманским окружением.¹

Выше мы отметили, что, завладев Тифлисом в 1122 году и сделав его своей столицей, этот царь пошёл на беспрецедентные уступки мусульманскому населению этого города. В связи с Ширванским государством добавим, что Давид IV Строитель породнился с ширваншахами, выдав свою дочь Тамару за Минучихра III, чем “укрепил политическое положение Грузии”.² Вот почему З.М.Бунятов счёл нужным отметить: “Общие интересы борьбы за освобождение от сельджукского господства обусловили сближение Грузии и Ширвана, в результате чего возникает династический брак. Безопасность страны была обеспечена со стороны Ширвана”.³ И.А.Бердзенишвили заметил, со своей стороны, что этим династическим браком Давид IV Строитель пытался прийти к соглашению с ширваншахом и заручиться его поддержкой в борьбе против сельджуков.⁴

Отрицая зависимость Ширванского государства от Грузинского царства, А.А.Ализаде вместе с тем считает, что, когда речь идёт о влиянии на ширваншахов, следует иметь в виду характер их взаимоотношений с иракскими султанами Сельджукидами и атабеками Азербайджана Ильденизидами; причём “после Кызыл-Арслана (то есть после 1191 года. – *Р.Г.*), воспользовавшись создавшимся положением, ширваншахи перестали признавать над собой верховную власть государства Ильденизидов и становятся самостоятельными. Эту самостоятельность ширваншахи сохранили до окончательного завоевания Азербайджана монголами (то есть до начала 40-х годов XIII века. – *Р.Г.*)”.⁵

¹ Али-заде А.А. От ответственного редактора.//В книге: В.Ф.Минорский. История Ширвана и Дербенда X–XI веков, с. 8–12; он же: К вопросу об освещении ширвано-грузинских отношений в XI–XII веках (статья первая).// Известия АН Азерб. ССР. СИФП, 1977, № 4, с. 73–85.

² Ашурбейли С.Б. Государство ширваншахов. Баку, 2006, с. 116.

³ Бунятов З.М. Грузия и Ширван в первой половине XII века.//Сб.ст. “Грузия в эпоху Руставели”, с. 282.

⁴ Бердзенишвили И.А. Из прошлого Восточной Кахетии.//Журн. “Мимомхилвели”, 1953. с. 69 (на груз.яз.); Histoire de la Géorgie, p. 334.

⁵ Али-заде А.А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII–XIV веков, с. 357.

Ряд грузиноведов не принимает во внимание роль и значение государства атабеков Ильденизидов в истории Кавказа XII века. Однако взаимоотношения Азербайджана с Грузией в том столетии нельзя рассматривать изолированно от этого государства и вообще в отрыве от военно-политической и торгово-экономической обстановки как на Кавказе, так и в Передней Азии в целом, то есть абстрагируясь от общего характера взаимоотношений между миром ислама и миром христианства. Поэтому лишь основываясь на комплексе различных данных и только после оценки совокупности реалий, можно судить об истинном характере взаимоотношений Азербайджана с Грузией, в том числе ширваншахов с Багратидами в XII веке, о чём рассказано в специальной публикации.¹

При Давиде IV Строителе Грузинское царство превращается в одно из значительных восточно-христианских государств; это было следствием ряда событий внутри- и внешнеполитического характера. Во-первых, ему удалось временно нейтрализовать собственных крупных владетельных феодалов. Во-вторых, Первый крестовый поход (1096–1099) временно отвлек внимание Сельджукидов от Кавказа. В-третьих, Византийская империя, обессиленная в борьбе с сельджуками, не могла оказывать прежнего влияния и давления на Грузинское царство (особенно после Манцикерта, 1071 год). Чтобы продемонстрировать свою независимость от неё, Багратиды теперь именовали себя весьма пышно: “Величие мира и религии, царь великий, меч Мессии, царь царей, царь Востока и Запада, шаханшах, царь абхазов, картлов, ранцев, кахов”.²

В связи со сказанным следует обратить внимание на следующее немаловажное обстоятельство. Хотя Е.А.Пахомов считал, будто при Давиде IV Строителе грузинские цари присвоили титул “ширваншах”, однако он сам же писал об отсутствии документального подтверждения сказанного как для этого Багратида, так и для его ближайших преемников.³ Не подтверждается фик-

¹ Гусейнов Р.А., Алияров С.С. Из истории союзных отношений Азербайджана и Грузии в XII веке. // “Ученые записки” Министерства высшего и среднего специального образования Азерб. ССР, 1977, № 4, с. 23–31.

² Капанадзе Д.Г. Грузинская нумизматика. Москва, 1955, с. 60–64.

³ Пахомов Е.А. Краткий курс истории Азербайджана, с. 33, 47.

сация титула “ширваншах” даже для царицы Тамары, правление которой считается “блестящей эпохой” в истории феодальной Грузии. Термин “ширваншах” появляется в титулатуре Багратидов лишь со времени Георгия IV Лаши¹, то есть с началом очередного упадка Грузинского царства. В связи с отмеченным интересно заключение М.Ф.Броссэ о том, что почти все титулы, фиксированные для Багратидов XIII века, сохранялись ими, с некоторыми перерывами, вплоть до XVII века. Но характерно: когда даже было утрачено понимание значения ряда из них, в том числе “ширваншах”, по традиции, их продолжали включать в титулатуру Багратидов.²

Для сравнения можно отметить, что не менее внушительной и пышной была в том же XII веке титулатура глав Ширванского государства, приводимая тем же Е.А.Пахомовым и рядом других учёных: “*Ширваншах, хакан, великий хакан, высочайший малик, помощник эмира верующих* (то есть халифа. – Р.Г.), *царь премудрый, справедливый, вспомоществуемый (Аллахом), победоносный, воитель за веру, гордость религии и державы, опора и царь ислама и мусульман, величие мира и религии, воитель за веру, защитник религии, венец царей и султанов*”.³ Другой вопрос, насколько столь громкие титулы соответствовали истинному положению как Багратидов, так и ширваншахов. В связи с этим стоит напомнить, что в том же XII веке византийский базилевс Мануил I Комнин в официальном документе именовал себя императором многих стран, в том числе “императором Грузинским”.⁴

¹ Джанашвили М.Г. Царица Тамара. Тифлис, 1900, с. 127.

² Brosset M.F. Rapports sur un Voyage arheologie dans la Georgie et dans l'Armenie execute en 1847–1848. Saint-Petersbourg, 1851, p. 50.

³ Пахомов Е.А. Старинные оборонные сооружения Апшерона. //Труды Института истории АН Азерб.ССР, 1947, т. I, с. 56; Алескер-заде А.А. Написи архитектурных памятников Азербайджана эпохи Низами. //В кн.: Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами. Баку, 1947, с. 379–380, 383, 385; Бартольд В.В. Сочинения, том II, часть I, с. 877; Ашурбейли С.Б. Указ. раб., с. 114, 115, 117; Буниятов З.М., Нейматова Н.С. Новый документ по истории Ширвана начала XII века. //ДАН Азерб.ССР, 1973, том XIX, № 11–12, с. 86.

⁴ История Византии, том II. Москва, 1967, с. 330.

Известно, что в обиходе грузинского общества в XII веке доминировала арабская, персидская и тюркская политическая, социальная, придворная терминология: “амкар”, “амид”, “аснаф”, “баззаз”, “амиль”, “устад”, “сипех-салар”, “амир-и ахур”, “дарбази”, “амир-и сипех-салар”, а также титулатура: “вазир”, “амир”, “атабек”. Значит, имелись достаточно веские реальные мотивы для того, чтобы христианское государство и его главы ввели в свой обиход мусульманскую терминологию и титулатуру. В связи с этим необходимо напомнить о следующем.

В XII веке Грузинское царство являлось единственным на Кавказе государством, чья конфессиональная принадлежность отличалась от остальных. В Передней Азии, как и в самом Кавказском регионе, ему не на кого было опереться по религиозной линии, в то время как конфессия играла важную роль в жизни феодального общества. В то же самое время Грузинское царство находилось в окружении и “под прицелом” таких значительных мусульманских государств, как Иракский и Конийский султанаты Сельджукидов, государство атабеков Ильденизидов, эмираты Данишмендидов, Зангидов, Артукидов, Сёкменидов, Мангуджакидов. В таких форсмажорных условиях Багратидам следовало уцелеть любым доступным и достойным образом, для чего они должны были вести гибкую внешнюю и внутреннюю политику, чтобы не вступать в невыгодную и неблагоприятную для себя конфронтацию с мусульманским миром. Вот почему грузинские цари обязаны были найти если не единоверцев, то венценосцев-иноверцев, которые в определённой степени могли помочь им выстоять в столь сложной ситуации.

Ближайшими оказались ширваншахи, и Багратиды верно оценили столь важный для себя фактор. К тому же Ширванское государство граничило с владениями атабеков Ильденизидов и иракских Сельджукидов, представляя собой своеобразную буферную зону между мусульманским и христианским лагерями на Кавказе. Да и враги у Ширванского государства и Грузинского царства в XII веке являлись общими, и обе политические системы Кавказского региона должны были, помогая друг другу, отстаивать свою независимость. Вот почему ещё в первой четверти

XII века общие интересы способствовали сближению этих двух государств.¹ Вместе с тем династический брак – женитьба наследника ширваншаха Афридуна I на дочери Давида IV Строителя – “должен был иметь благоприятное влияние на политическое положение Грузии”, которая обеспечила таким путём свою безопасность со стороны Ширвана.² Вообще для этого Багратида была характерна политика, одной из важнейших черт которой являлось “более тесное сближение со странами мусульманского Востока”.³ Впоследствии грузинский царь Димитрий I по той же причине искал союза с ширваншахами.⁴ Симптоматична также политика Давида IV Строителя в отношении Тифлиса, когда правившие там арабские эмиры Джаффарида открыли в 1122 году перед ним городские ворота, и он вступил в этот крупнейший грузинский город. Так, после 400-летнего мусульманского владычества Тифлис стал столицей Грузинского царства. Учитывая, что в городе по-прежнему сохранялись роль и значение мусульман в ремесленном производстве, торговле и в городском управлении, царь даровал его жителям аман и простил подати за 1122 год. Более того, здесь продолжали чеканить дирхемы с именами султанов Сельджукидов и халифов Аббасидов; было дозволено публичное чтение Корана, поминание в местной хутбе Сельджукидов и Аббасидов; запретили держать и продавать в городе свиней; ежегодную подушную подать с мусульман определили в три динара, а с грузин – в пять. Тот же Багратид пригласил на военную службу 40 тысяч кыпчаков, переселившихся в Грузию вместе с семьями и игравших важную роль в царском войске; грузинский царь Георгий III пере-

¹ Буниятов З.М. Грузия и Ширван в первой половине XII века, с. 282; Лордкипанидзе М.Д. Указ.раб., с. 106–107.

² Буниятов З.М. Ширван в XII – первой половине XIII веков.//Известия АН АзССР, СИФП, 1975, № 1, с. 36–37.

³ 61. Очерки истории СССР. Период феодализма, том I. Москва, 1953, с. 654; Жордания Ф.Д. Хроника абхазских царей. Тифлис, 1903, с. 10; Пахомов Е.А. Как отражались исторические события на монете Грузии. Б.м., б.г., с. 55; Капанадзе Д.Г. Грузинская нумизматика, с. 58; он же. Медная монета грузинского царя Давида, сына Георгия.//Эпиграфика Востока, 1958, № XII, с. 42; Лордкипанидзе М.Д. Указ.раб., с. 115.

⁴ 62. Жордания Ф.Д. Указ.раб., с. 10; Капанадзе Д.Г. Указ.раб., с. 58.

селил в свои владения ещё несколько десятков тысяч кыпчаков. Их потомки до сих пор компактно проживают в заметном количестве в Восточной Грузии. Преемник Давида IV Строителя – Димитрий I, продолжая его политику посещал соборную мечеть Тифлиса и присутствовал при хутбе; и в его время здесь по-прежнему находился *шихнэ* (личный представитель) иракского султана Сельджукида Тогрула II при грузинском царе.¹

В связи с характером взаимоотношений Азербайджана с Грузией в XII веке следует обратить внимание на нумизматический материал, который является одним из важных и объективных показателей истинного политического и экономического статуса государства и его правящей династии. Так, монета Багратидов в соседнем Азербайджане, в том числе в Ширванском государстве, неизвестна. Монета же ширваншахов и атабеков Ильденизидов имела хождение на рынках Грузинского государства.² К тому же, чекан ширваншахов не имеет каких-либо отклонений от традиционных мусульманских норм. Иными словами, “неравноправность” взаимоотношений Азербайджана с Грузией в XII веке не находит подтверждения и в таком важнейшем показателе, каким является монета.

С другой стороны, насколько документально точно монетный чекан “регистрирует” положение государства и его правящей династии, можно усмотреть, в частности, в следующем. При великом султани Сельджукиде Малик-шахе I его имя на монете ширваншахов стоит рядом с именем главы Ширванского государства, но без указания титула последнего. Это отражало степень реальной зависимости ширваншахов от Сельджукидов во второй половине XI века. После гибели Малик-шаха I в 1092 году в течение примерно одного года зависимость Ширванского государства от Сельджукидов стала эфемерной настолько,

¹ Очерки истории Грузии, том III, с. 133–135, 229; Чхатарайшвили К. Иностранцы в грузинском войске в XII веке. //Сб.ст. “Грузия в эпоху Руставели”; Месхиа Ш.А. Дидгорская битва, с. 34 и сл.; Amedroz H.F. Three Arabic Manuscripts on the “History of the City of Mayyafarīqin”.// “Journal of the R.Asianic Society”, 1902, p. 791; Minorsky V. Caucasica, I. Caucasica in the “History of Mayyafarīkin”. //BSOAS, 1948, vol. XII/4, p. 29, 32–31.

² Пахомов Е.А. Монетные клады, вып. I–IX.

что этого оказалось достаточным для выпуска монеты только от имени ширваншахов. Причем на чекане указана и часть их титулатуры: “*ал-малик*” (царь). Но с 1096 года на монете вновь, наряду с именем ширваншаха, появляется имя великого султана Сельджукида. Такое положение сохранялось де-факто в течение всего XII века: при Минучихре II (1096–1107), Минучихре III, Ахситане I, то есть и в период Иракского султаната Сельджукидов, ставшего наследником части земель Сельджукской империи, в том числе на Кавказе. Поэтому де-юре до 1160 года ширваншахи считались вассалами иракских Сельджукидов, а с этого года де-факто зависели от реальных властителей в Иракском султанате: от атабеков Ильденизидов, трансформировавших к тому же свои и зависимых от них султанов владения в единый Азербайджанский султанат. Лишь после гибели в 1191 году султана Кызыл-Арслана Ильденизида ширваншахи окончили со своей зависимостью от его эпигонов и вновь чеканили монету только с собственной титулатурой: “*ал-малик ал-азам ширваншах*” (царь, великий ширваншах).¹

Таким образом, тот важнейший “синхронный материал”, в данном случае нумизматический, который является необходимым для решения вопроса о статусе Ширванского государства в XII веке, признаков какой-либо его зависимости от Грузии в том столетии не содержит. Впрочем, таких данных нет ни для предшествующих, ни для последующих веков. Что же касается Грузии, то она “в силу своего положения постоянно подвергалась опустошениям вследствие вторжений с севера и с юга, и её монетная система демонстрирует удивительное разнообразие, носит двуязычный характер. Сперва это подражание Сасанидам, затем – Византии (с легендами) на греческом и грузинском, впоследствии – на грузинском и арабском”.² При Давиде IV Строителе происходит очередная смена монетных типов: грузинский чекан становится близок к мусульманскому по смыслу (содержанию) надписи, её языку, графике, титулатуре, орнаментике, металлу, фактуре. Теперь, в XII веке, грузинская монета была снабжена

¹ Раджабли А.М. Нумизматика Азербайджана, с. 58–59.

² Codrington O.A. Manual of Musulman Numismatics. London, 1901, p. 15.

“преимущественно арабскими надписями; грузинской легенде уделено самое незначительное место: шрифтом “мтаврული” выставлялись лишь инициальные буквы имен грузинских царей (Димитрия I или Георгия III)”;

на монетах Димитрия I и Георгия III в арабской легенде содержатся имена султанов Сельджукидов и халифов Аббасидов. Титулатура грузинских царей на них передана арабицей и по-арабски. Этот факт связывают с тем, в частности, что Димитрию I пришлось признать зависимость от иноверных венценосцев, а у Георгия III – с желанием выставить себя “другом мусульман”.¹ Монеты Давида IV Строителя и Тамары также содержат надписи на арабском и грузинском языках. Даже сами христианские символы переданы на грузинской монете по-арабски и арабицей: “меч Мессии” – “хусам ал-масих”, “опора Мессии” – “захир ал-масих”, “полнолуние Мессии” – “бадр ал-масих”.²

Политическая и военная картина XII века как Кавказа, так и вообще Передней Азии, мусульманских по преимуществу, а вместе с тем характер взаимоотношений Азербайджана с Грузией будут неполными, если не принять во внимание ту важную роль, которую играло в истории периода государство атабеков Ильденизидов. Последние сумели не только воспрепятствовать военно-политической активизации грузинских царей в Кавказском регионе, но и вмешивались во внутренние дела Грузинского царства и отняли у Багратидов ряд территорий.³ В целом, во второй половине XII века Ильденизиды положили конец воен-

¹ Капанадзе Д.Г. Грузинская нумизматика, с. 58, 65; он же. Медная монета грузинского царя Давида, с. 41–42; D.M.Lang. Studies in Numismatic History of Georgia in Transcaucasia. New York, 1959, p. 20, 21, 23–24, 26.

² Пахомов Е.А. Монеты Грузии, с. 81–89; он же. Как отражались исторические события на монете Грузии, с. 55–56; он же. Загадочные грузинские монеты на побережье Каспия.//Вопросы истории народов Кавказа, Тбилиси, 1966, с. 167; Быков А.А. Грузинские монеты XII–XIII веков.//Сборник “Памятники эпохи Руставели”, Ленинград, 1938, с. 78–81; Капанадзе Д.Г. Грузинская нумизматика, с. 59–65; он же. Медная монета грузинского царя Давида, с. 39.

³ Гусейнов Р.А. Сельджуки и Закавказье. Автореф. докт. дисс. Баку, 1969; он же. Иракские Сельджукиды, Ильденизиды и Закавказье.//ПС, 1970, вып. 21; он же. Титулатура и тамга Ильдегизидов.//СТ, 1970, № 4.

ным походам грузинских царей в пределах Кавказа. Поэтому закономерно и то, что именно Ильденизиды, а не грузинские Багратиды играли заметную роль в истории Ширванского государства, о чём говорится в сочинениях современников. Эта сторона деятельности атабеков Азербайджана довольно подробно освещена выше.

Здесь в связи с проблемой взаимоотношений Азербайджана с Грузией достаточно напомнить, что лишь благодаря содействию Шамс ад-Дина Ильдениза ширваншах Ахситан I сумел занять трон своих предков, почему и признал себя формальным вассалом иракского султана Сельджукида, то есть фактически Ильденизидов. Тем самым он обеспечил себе поддержку со стороны могущественных мусульманских соседей. Поэтому, как мы цитировали выше, поэт Хагани, обращаясь к Ахситану I, говорит: “Если Ильдениз подчинил Иран султану в те дни, когда ослабло миродержавие, то султан на твоё сохранение отдал царство (Ширванское), когда увидел, что сузился круг миродержавия”.¹ Вот почему нереально, будто Ширванское государство зависело от Грузинского царства. Если бы Багратиды действительно являлись сюзеренами ширваншахов, то Ахситан I, чья мать, к тому же, была грузинского царского рода, мог обратиться за помощью к Георгию III, приходившемуся ему дядей по материнской линии.

Подтверждение мусульманской доминанты на Кавказе в XI–XII веках, как вообще в Передней Азии тех столетий, содержится не только в нарративных письменных памятниках, но и в художественных. Так, главный герой огузского эпоса “Китаб-и дедем Коркуд” Байындыр-хан получал дань с девяти тюменей Грузии. Другой герой эпоса – Эмран – одержал верх в единоборстве с грузинским богатырём, и его люди, преследуя бегущего неприятеля, овладели богатой добычей. Ещё один персонаж того же эпоса – Сегрек – успешно одолел врагов на грузинской территории. Шер Шамс ад-Дин, сын Гафлет-ходжи,

¹ Хагани. Диван, с. 504 (Тегеранское издание, 1960). // Цит. по книге: Вильчевский О.Л. Тюркская тематика в творчестве Хагани. // Иранская филология, Ленинград, 1964, с. 127.

в котором нетрудно узнать Ильдениза, “заставил изрыгать кровь шестьдесят тысяч гяуров”.¹

Таким образом, зная реалии периода и опасность, исходящую от мусульманского мира, в первую очередь от государства атабеков Азербайджана Ильденизидов, Грузинское царство должно было вести в XII веке не только толерантную религиозную внутреннюю, но и гибкую, осторожную внешнюю политику. Поэтому Багратиды могли находиться с ширваншахами лишь в позитивных отношениях.

С другой стороны, Грузия зависела от мусульманского мира, в том числе от Азербайджана, не только политически, но и экономически. В частности, как отметил К.И.Чайкин, “со второго десятилетия XII века между Грузией и Ширваном устанавливаются на долгое время союзные отношения, скрепляемые как взаимной военной помощью, так и браками между династиями грузинских Багратидов и ширваншахов. Экономическая сторона этих отношений не изучена, но нельзя не указать на хозяйственное значение Ширвана с его нефтью и распространённой шёлковой торговлей”.² А.А.Али-заде также пришел к заключению, что грузинские цари стремились использовать в своих интересах экономическое значение Ширванского государства.³ Вообще, в XII веке Азербайджан и Грузия, как и другие страны Кавказа, находились в тесном экономическом общении как между собой, так и со странами Передней Азии, ибо торговля, как и другие формы экономических связей, не знала государственных и профессиональных границ. Права М.Д.Лордкипанидзе, считающая, что льготы Давида IV Строителя мусульманскому населению своего государства и столицы являлись следствием большой роли мусульман в местной и международной торговле.⁴

О торгово-экономических связях Азербайджана и Грузии между собой и с другими странами свидетельствует нумизма-

¹ Книга моего деда Коркуда. Огузский героический эпос. Перевод, вступительная статья и комментарий В.В.Бартольда. Москва-Ленинград, 1962, с. 30, 57–58, 83, 84, 88–89, 92–93.

² Чайкин К.И. Указ.раб., с. 22.

³ Али-заде А.А. От ответственного редактора, с. 12.

⁴ Лордкипанидзе М.Д. Указ.раб., с. 115.

тический материал. Наличие этих связей подтверждается и объясняется как внутренней потребностью государств, так и тем, что они являлись, независимо от своей политической и конфессиональной принадлежности, составными частями общей политической и экономической системы Передней Азии. Не случаен вывод В.В.Бартольда о том, что в Средневековье христианская Грузия входила в состав мусульманской Азии если не в политическом, то в экономическом и культурном отношениях.¹ Этот основополагающий для грузинской истории исследуемого периода тезис впоследствии был развит грузиноведами, подтвердившими своими исследованиями существование в XI–XII веках тесных политических и экономических связей Грузии с мусульманским миром.²

Наличие этих торгово-экономических связей и зависимость Грузии от мусульманского переднеазиатского мира подтверждается также тем, что царство Багратидов, как и государства мусульманского Востока, было охвачено в XI – начале XIII веков серебряным кризисом. В.В.Бартольд писал: “О тесной связи всей экономической жизни Грузии с жизнью мусульманского мира свидетельствует, между прочим, факт вовлечения Грузии в монетный кризис, охвативший в XI и XII веках почти всю мусульманскую Азию, ...во всяком случае ясно, что кризис, захвативший обширный район, в котором Грузия составляет только небольшую часть, должен быть объяснён причинами не местного, а более общего характера”.³ Этот тезис также подтверждён для грузинской истории исследуемого времени в трудах грузиноведов.

В заключение стоит напомнить, что азербайджано-грузинские взаимоотношения в XII веке на фоне мировой истории носили, естественно, сугубо локальный, внутрикавказский, характер. Они могли оказать влияние на политическую жизнь только двух

¹ Бартольд В.В. Сочинения, том II, часть I, с. 255.

² Шенгелия Н.Н. Сельджуки Малой Азии и Грузия. Резюме. Тбилиси, 2003, с. 481; Лордкипанидзе М.Д. Указ. раб., с. 12; Месхиа Ш.А. Дидгорская битва, с. 58.

³ Бартольд В.В. Сочинения, том VI. Москва, 1966, с. 385.

субъектов: Ширванского и Грузинского государств. Однако эти взаимоотношения существовали в контексте доминирующей в Передней Азии военно-политической, торгово-экономической и конфессиональной ситуации, а еще масштабнее – в геополитической ойкумене, понятийно объемлющей формулу “мусульманский Восток – христианский Запад” эпохи классического Средневековья. XII столетие – время разгара крестовых походов западноевропейского рыцарства на мусульманский мир. Будучи военно-колониционными предприятиями, они способствовали усилению и расширению контактов между Западом и Востоком. Вместе с тем имело место взаимное заметное влияние на историю как Передней Азии, так и Западной Европы. Одновременно XII столетие – время активизации сельджукских султанатов и государства атабеков Азербайджана Ильденизидов, влиявших на военно-политическую ситуацию как в Передней Азии, так и на Кавказе. К тому же XII столетие – время военно-политической стабильности на мусульманском Востоке и одновременно период дестабилизации в восточнохристианском мире, в том числе – время слабости самого значительного и обширного государства этого мира – Византийской империи. Последняя утратила свои позиции под ударами как крестоносцев, олицетворявших собой наступление христианского Запада на единоверный Восток, так и мусульманских государств Передней Азии, доминировавших в этом обширном и важном мегарегионе.

Существовали и иные факторы, определявшие либо влиявшие на ситуацию как в Передней Азии, так и в более широком ареале. Тем не менее для тех событий, что связаны с характером отношений между Азербайджаном и Грузией в XII веке, важными являлись, в первую очередь, очерченные выше силы и государства мусульманского Востока. В такой конкретной ситуации взаимоотношения Ширванского государства и Грузинского царства могли развиваться в строго определённом направлении. В связи с этим принципиально важно заметить, что в XII веке ситуация в Передней Азии, в том числе в её составной части – на Кавказе – контролировалась мусульманскими государствами,

и события здесь разворачивались и шли под знаком мусульманской доминанты.

Таким образом, комплекс данных свидетельствует, что в XII веке военно-политические и торгово-экономические реалии переднеазиатского, в том числе кавказского, мира коренным образом изменились. Это привело к переориентации Грузинского царства и правящей династии Багратидов с ослабевшей восточнохристианской Византийской империи и вообще с христианского Запада на мусульманский Восток, в первую очередь на соседнее Ширванское государство и ширваншахов. В таких условиях между этими двумя значительными политическими системами Кавказа могли существовать лишь позитивные и паритетные, то есть союзные, взаимоотношения.

ГЛАВА IV. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА КАВКАЗЕ В XI–XII ВЕКАХ

4.1. Вводные замечания

Сельджукское нашествие и господство на Кавказе, как вообще в Центральной и Передней Азии, нарушили естественный ход социально-экономического развития, внесли существенные изменения в общественно-политическую жизнь завоёванных стран. Пострадали местное население и сельское хозяйство, ремесло и города, селения и торговля. Произошло перераспределение земель и доходов между различными группами местной и пришлой элиты. На первое место среди них выдвинулись султаны, за ними следовали местные династы, эмиры, военачальники и высшие должностные лица гражданской администрации. Вместе с тем следует отметить, что в дальнейшем, даже в условиях временного сельджукского владычества, наблюдается поступательное развитие региональной экономики. Причиной тому были, с одной стороны, закономерности процесса позитивной трансформации общества, с другой, – ускорение эволюции самих сельджуков под влиянием более развитой оседлой среды. Это способствовало переходу от режима военной оккупации к социально-экономическому управлению захваченными странами, то есть фактически к упорядочению социально-экономических отношений на Кавказе, что более соответствовало изменившимся реалиям. Действительно, часть пришлых эмиров во главе с султанами, тесно связанная с местными ремесленно-торговыми кругами, проявила заинтересованность в экономическом развитии тех территорий, что оказались под их властью. В экономической жизни земледельческое хозяйство

местного оседлого населения и скотоводческое новых поселенцев дополняли друг друга и даже стимулировали товарное производство. Неслучайно синхронные источники замечают, что “огузы торговали в своих городах” и всячески содействовали ремесленному производству, причём большинство основанных или восстановленных сельджуками городов локализируются на Юго-Западном и Центральном Кавказе. Таким образом, происходило сближение интересов в сфере как политической, так и экономической, и в этом случае две разные силы – местная и внешняя – действовали в одном направлении.

Вот почему, хотя на рубеже XI–XII веков Сельджукская держава политически раздробилась, экономические связи между её составными частями почти не нарушились. В первую очередь, объяснение этого явления кроется в том, что подобные связи существовали ранее, имели многовековые традиции, выдержали испытание временем и были получены сельджуками в наследство. Вместе с тем надо отметить, что при сельджукском господстве уже во второй половине XI века наблюдался относительный порядок на обширных территориях от Центральной Азии до Средиземного моря и от Кавказа до Персидского залива. К тому же были ликвидированы таможенные и пограничные барьеры; различные по уровню развития страны оказались вовлечены в русло общей экономической эволюции в рамках единого государства. Всё вместе взятое в XI веке и особенно в XII столетии помогло переходу на более высокую ступень социально-экономического развития отдельных государств, вовлечённых в экономическое пространство Сельджукской державы. В итоге, уже к исходу XI века наметился экономический подъём, который нарастал в следующие десятилетия, особенно по мере ослабления сельджукского военно-политического присутствия и консолидации местных государств – консолидации не только политической, но также экономической. Иными словами, происходил объективный процесс дальнейшего развития сельского хозяйства и ремесленно-торговой деятельности, роста и расцвета городов, позитивных изменений в товарно-денежных отношениях. Всё это – характерные черты экономики периода,

присущие в равной мере Кавказу. Причём, учитывая уровень развития городов и вообще хозяйства в Кавказском регионе, следует говорить о заметной роли здесь, как и в остальной Передней Азии, денежной формы ренты.

В XI–XII веках основой экономической жизни стран Кавказа были сельское хозяйство, ремесленное производство и горно-пастбищное отгонное скотоводство. Вместе с тем различные районы имели специфику хозяйствования, что являлось следствием разных факторов. Но следует подчеркнуть, что страны Кавказа издревле славились своим культурным хозяйствованием. Здесь занимались хлебопашеством и скотоводством, хлопководством и виноградарством, шёлководством и рыболовством, пчеловодством и льноводством, рисоводством и садоводством. Издавна были хорошо известны природные богатства региона. Земледелие, скотоводство и полезные ископаемые являлись базой, на которой процветали города, городское ремесло и торговля.

Во второй половине XI–XII веках для стран Передней Азии, в том числе кавказских, характерным было позитивное развитие хозяйства. Вновь стали обрабатывать заброшенные земли; построили плотины и другие ирригационные сооружения, в том числе каналы; существовали товарное земледелие и скотоводство. Сравнение сопоставимых данных позволяет заключить, что в XI–XII веках, как и прежде, Кавказ оставался важным звеном экономической системы Передней Азии. Поэтому можно говорить о достаточно высоком уровне развития Кавказского региона в целом. Одним из подтверждений можно считать всё большее распространение земледелия в горных и предгорных районах Северного Кавказа.¹ Здесь увеличивалась зона террасного земледелия. Рост продукции сельского хозяйства и ремесла, расцвет городов и городской жизни, торговли и товарно-денежных отношений способствовали повышению доходности и денежных поступлений в казну как местных государств, так и Сельджукидов и эмиратов. Например, госу-

¹ История народов Северного Кавказа. С древнейших времён до конца XVIII века. Москва, 1988, с. 144.

дарства Кавказа ежегодно давали Сельджукской державе 3.200 туманов. Из этой суммы на долю Азербайджана приходится 2.700 туманов, Грузии – 500 туманов.¹ Один туман равнялся 10 тыс. сер. дирхемов, каждый из которых весил 4,2 г сер.² Таким образом, 1 туман составлял 42 кг серебра. Значит, в исследуемый период общая сумма поступлений в сельджукскую казну с Кавказа составляла по весу 134 тонны серебра ежегодно, в том числе из Азербайджана – 113 тонн, из Грузии – 21 тонна.

4.2. Характер экономической жизни Кавказа в XI–XII веках

Вышеизложенное о типологических чертах социально-экономических отношений позволяет дать конкретный ответ на принципиально важный вопрос о характере экономической жизни региона в исследуемый период.

Относительный порядок, установленный при Сельджукидах в Центральной и Передней Азии со второй половины XI века, объективно способствовал развитию сельского хозяйства и ремесленно-торговой деятельности, росту и расцвету городов, позитивным изменениям в товарно-денежных отношениях. Это – характерные экономические признаки развитого восточного феодализма, присущие также Кавказу XI–XII веков. Поэтому высказываемые иногда мнения о замкнутом натуральном хозяйстве в регионе, возможно, навеяны натуральным характером самой феодальной ренты, а не хозяйства непосредственных производителей или феодалов. Ибо и в период заметной роли денежной формы феодальной ренты (как это наблюдается по всей Передней Азии, в том числе на Кавказе) условия хозяйствования в подавляющем большинстве случаев возмещались и воспроизводились из валовой продукции крестьянского хозяйства без содействия рынка. В деньги превращался не весь

¹ Петрушевский И.П. Хамдаллах Казвини как источник по социально-экономической истории Восточного Закавказья.//ИАН СССР, ООИ, 1937, № 4, с. 897– 898.

² Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. Пер. с нем. Москва, 1970, с.11.

крестьянский продукт, а лишь та его часть, которая составляла ренту (“ренту-налог”). Собственно, в сумме феодальное хозяйство считается натуральным даже при полном господстве денежной ренты, ибо большая часть земледельческой продукции по-прежнему не попадает на рынок.

Можно ли говорить о повороте к замкнутому натуральному хозяйству в XI–XII веках, если здесь была активная городская жизнь, а города предполагают переход к денежной ренте, её заметную роль. История денежной ренты связана с историей феодального города – очага товарного производства. С другой стороны, переход к денежной ренте был связан с ростом нормы эксплуатации. Сам процесс роста и расцвета городов должен быть связан с развитием рыночных отношений, с заметной ролью денежной формы ренты. Если учесть к тому же, что на Востоке, в том числе на Кавказе, города существовали с самого начала появления феодального строя, то для исследуемых столетий никак нельзя принять тезис о замкнутом натуральном хозяйстве. Таким образом, наблюдавшиеся в течение XI–XII веков рост и расцвет городов должны быть связаны с развитием рыночных отношений, а вместе с этими процессами могло происходить увеличение удельного веса денежной ренты. Возможно, это – одна из особенностей экономики периода. Заметная же роль денежной ренты предполагает уже более значительное развитие торговли, городского ремесла, а вместе с ними и денежного обращения.

Значит, процессы экономической эволюции Кавказа в XI–XII веках сопоставимы с формой хозяйствования, весьма далёкой от натуральной с её примитивным товарообменом. Поэтому не случайно, что доминирование в регионе земельного института *икта*, то есть условного (первоначально) держания не нарушило в XI–XII веках товарно-денежных отношений, ибо на Востоке образование крупного феодального землевладения не способствовало в те столетия возникновению поместья как формы хозяйствования, а значит, – не привело и к замкнутому натуральному хозяйству.

Таким образом, в XI–XII веках основой экономической жизни Кавказа оставались сельское хозяйство, ремесленное производство и горно-пастбищное отгонное скотоводство. Следует акцентировать внимание и на следующем. Учитывая темпы воспроизводства промышленных и людских ресурсов в средние века, трудно представить, чтобы за короткий исторический срок удалось преодолеть якобы характерные для Кавказа в результате сельджукского завоевания и господства экономический упадок и ослабление товарообмена, замкнутое натуральное хозяйство и значительное увеличение кочевого элемента, то есть восстановить потери, а затем вступить в полосу столь присущего XI–XII векам относительно высокого развития сельского хозяйства и ремесла, городов и торговли. Таких глубоких негативных явлений не было. К тому же произошло сближение интересов верхушки местного феодального общества с той частью пришедшей военно-кочевой знати, которая выступала за контакты с ремесленно-торговыми слоями. Причем совпадение интересов касалось не только сферы политической, но и экономической, почему и произошёл переход от режима военной оккупации к упорядоченным социально-экономическим отношениям на завоёванных территориях. Вместе с тем имело место определённое обновление состава феодалов за счёт военно-кочевой знати, следствием чего стали известные изменения в поземельных отношениях.

Конечно, на местную фискальную систему была наложена ещё иноземная, что усугубило положение податного сословия, но и это не означало экономического, политического или культурного упадка либо застоя. Во всяком случае, в XI–XII веках такого нет в ярко выраженной форме. Более того, хотя в продолжение тысячи лет, с III по XII века, Кавказ последовательно подвергался нашествиям крупных военно-политических сил, неоднократно был ареной военных столкновений, пережил сасанидское, византийское, арабское, сельджукское иноземное господство, регион не отстал в своем развитии от других зон Передней Азии. Экономическая эволюция шла в одном направлении, в усилении взаимодействия и взаимозависимости

стран как на самом Кавказе, так и с другими регионами, независимо от политической и конфессиональной ориентации. Если сравнить уровень развития Кавказа с другими восточными и западными зонами, вряд ли удастся обнаружить в регионе какие-либо особые отклонения от оптимальной феодальной модели. В течение второй половины XI века и особенно в XII столетии Кавказ находился на экономическом, политическом и культурном подъёме. Не имело места и поголовное уничтожение местного населения: до сих пор страны Кавказа, пережившие в течение III–XII веков не одно иноземное нашествие и господство, сохранили в основном свои коренные, автохтонные этносы, каждый из которых обладает собственным языком и территорией, материальной и духовной культурой, историей и менталитетом, этнопсихологией и исторической памятью, самосознанием. То есть автохтоны сохранили по сей день свою индивидуальность и неповторимость, позволяющие отличить один народ Кавказа от другого.

4.3. Поземельные отношения

Период XI–XII веков был временем полного развития форм феодальной иерархии, что проявилось также в сфере поземельных отношений. Происходившие на Кавказе в те столетия изменения фиксированы в двух аспектах, бывших конкретной формой экономических отношений сельджуков со странами региона. Во-первых, произошло перераспределение земельного фонда; во-вторых, – обновление состава крестьянства и феодалов. Одна часть земель образовала фонд сельджукских государств, тюркских эмиратов и доменов династий Сельджукидов. Другая часть перешла во владение сельджукских беков и эмиров, принимавших участие в завоевательном движении. Созданные сельджуками государства недолго владели всеми захваченными землями. Из их состава, в первую очередь из государственного фонда, выдавались пожалования. Это хорошо известно из истории Кавказа XI–XII веков. Для наглядности можно отметить, что в начале XIV века во владениях вазира

Хулагидов – знаменитого Рашид ад-Дина, автора “Джами ат-таварих” (“Всемирная история”) – обрабатываемых земель на Кавказе имелось: в Азербайджане – 1.190 федданов (7.578 кв.км); в Грузии – 300 федданов (1.910 кв.км). Всего же – 1.490 федданов или 9.488 кв.км.¹

Перераспределение земель, обновление состава крестьянства и феодалов представляют собой два параллельных процесса, проходивших в два этапа. Они связаны с особенностями социально-экономического развития на средневековом Востоке, в первую очередь со спецификой структуры сельджукских и ряда других государств. Имеются в виду: (а) принцип уделов, (б) формы управления на местах и в приграничных областях, (в) распространение институтов *икта*, *уджей* и *атабеков*. Первый этап приходится на вторую половину XI – начало XII веков, когда перераспределение земель происходило путём захвата территорий силой оружия. Так составилась земельный фонд султанов и эмиров. Этот этап характерен распространением или возникновением различных категорий землевладения и землепользования: государственной (сельджукской, эмирской), *икта*, *йайлагов* (летовок) и *кишлагов* (зимовок) сельджуков, земель *уджей*.

Второй этап приходится на XII – начало XIII веков, когда оба процесса протекали в основном мирным путем. Тогда сложились земельные фонды Азербайджанского султаната Ильденизидов и их вассалов, Шаддадидского эмирата, кыпчаков в Грузии. Особенностью второго этапа стало появление крупного землевладения – например, *атабеков*, *тюркских маликов* и *эмиров*; а также распространение новой формы – земель *уджей* и рост земельных владений *икта*. Это характерно для Иракского султаната Сельджукидов, Ширванского и Грузинского государств, Азербайджанского султаната.

На втором этапе произошло определённое обновление состава местного крестьянства за счёт оседавших на землю огузов,

¹ Рашид ад-Дин. Переписка. Перевод, введение и комментарий А.И.Фалиной. Москва, 1971, с. 269–271. 1 *феддан* равен в средние века 6,368 кв.м (Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему, с. 74).

кыпчаков и других тюркских племён. Это – переселившиеся на Кавказ племена, наделяемые землёй; воины с их семьями, получавшие за службу условные земельные держания – наделы; уджи, поселённые на границе. Одновременно для XI–XII веков характерен рост крупного землевладения. Но это не привело, как в средневековой Западной Европе, к возникновению поместья и натурализации экономической жизни. Поместье, как форма хозяйствования, не характерно для мусульманского Востока XI–XII веков, потому что здесь доминировали активная городская жизнь, городское ремесло, товарное производство, товарно-денежные отношения. Это заключение верно и для Кавказа.¹

Другой особенностью мусульманского Востока в XI–XII веках было доминирование монопольной собственности феодалов на землю. Иными словами, фактическим владельцем земли являлся не тот, кто её обрабатывал, а кто получал доходы с неё в форме ренты. Поэтому формула “Земля и народ принадлежат государю”² являлась выражением политического могущества, подтверждением существования социально-политической иерархии. Наличие частной собственности на землю на мусульманском Востоке, в том числе на Кавказе, подтверждается также одноступенчатым характером иерархии: господствовал принцип “Вассал моего вассала – не мой вассал”. В доминировании этой формулы убеждают взаимоотношения Сельджукидов, Ильденизидов, ширваншахов, а также Багратидов с их вассалами.

Государство, как земельный собственник, неохотно расставалось с землёй, которая была основой могущества и независимости того, кому она принадлежала. Поэтому, даже уступив

¹ Шихсаидов А.Р. Дагестан в X–XIV веках. Махачкала, 1975, с.109–110; Якубовский А.Ю. Кавказ и Иран в эпоху Руставели.//Сб.ст. “Памятники эпохи Руставели”. Ленинград, 1938, с.27, 29; История народов Северного Кавказа, с.144; Гусейнов Р.А. О городской жизни и товарно-денежных отношениях в Азербайджане XI–XII веков.//Сб.ст. “Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке” в эпоху Средневековья. Москва, 1979.

² Сиасет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька. Пер., введ. в изуч. памятника и прим. проф. Заходера Б.Н. Москва-Ленинград, 1949, с.34.

права на землю, государство старалось сохранить власть над её новым владельцем. В этом смысле одним из удивительнейших проявлений государственности в XI–XII веках представляется форма управления землями и земельное право. Вот почему изменения в сфере поземельных отношений, столь характерные для периода, не могли не повлиять на государственный строй. В свою очередь, метаморфозы этого последнего сказались в сфере землепользования и землевладения. В этом аспекте типологически характерными являются для Кавказа XI–XII веков удельная система и военно-феодальный институт уджей. Новый подход к вопросам землепользования и землевладения, в частности, форма компенсации за службу государству или сюзерену, связанная с землей или с доходами с неё, был выработан во второй половине XI века, при великих Сельджукидах. Он практиковался до начала XIII века везде, где вследствие развития местных обществ, а также сельджукского господства произошли изменения в сфере поземельных отношений.

В XI–XII веках по принципу податного обложения и принадлежности земельные фонды подразделялись на несколько категорий. Каждая из них имела свои особенности, в различных странах и государствах они могли терминологически именоваться по-своему. Но общность или сходство касается всех категорий земель. Например, в Азербайджане, Грузии, Дагестане могут быть отмечены как формы, которые существовали и ранее – *общинная, государственная, крестьянская, частнособственническая, родовая (фамильная), вакуфная, доменная, церковная*, так и новые, типологические для XI–XII веков, получившие тогда наибольшее распространение – *йайлаги, кишлаги, земли уджей, икта*. Ниже дана характеристика этих последних.

4.3.1. Йайлаги и кишлаги

Это – пастбища и часть возделываемых земель, конфискованных у местного оседлого населения или полученных тюркскими кочевниками-скотоводами в обмен на военную службу. Сюда относились также земли местных жителей, которые, наряду с

земледелием, занимались отгонным скотоводством. Поскольку турки сохраняли племенную организацию как форму общественного устройства, йайлаги и кишлаги считались совместным владением племени, но фактическим их собственником являлся глава племени – эмир.

4.3.2. Земли уджей

Это – территории, занятые тюркскими пограничниками (уджами). Вместе с тем они – новая, ранее неизвестная земельная категория, появившаяся в связи с изменившимися функциями родоплеменного ополчения после военной реформы, проведённой Сельджукидами во второй половине XI века. Первоначально земли уджей являлись коллективным условным держанием племени с обязательством несения военной службы на границе. Дело в том, что система уджей стала не только формой существования родоплеменного ополчения в рамках военно-феодалного института уджей (о нем дальше), но и способом обеспечения уджей, ибо государство не платило им жалованья. Уджи жили за счёт полученной земли и военной добычи. Земли уджей появились в последней четверти XI века одновременно с образованием войска уджей и были характерны для сельджукских государств, Азербайджанского султаната и тюркских эмиратов. Ареал распространения земель уджей был велик, известны они и на Кавказе XI–XII веков. Фонд земель уджей сложился за счёт конфискации у местного населения. Формальным получателем земель уджей было племя, поселённое на границе для её охраны. Фактически, они передавались эмиру племени, который был ответственен перед государством-жалователем за безопасность пограничной полосы. Теперь он именовался удж-беем, то есть эмиром уджей – тюркских пограничников, а также эмиром уджа – территории, которую племени было поручено охранять.¹ Такой эмир превращался в начальника определённой терри-

¹ Barhebraei Gregorii. Chronicon Syriacum. Parisiis, 1890, p. 418; Ibn Bibi. Selçukname. Ankara, 1941, s. 41, 50, 76, 90, 94, 239, 267, 298, 302; Selçukname. Ankara, 1952, s. 33, 50, 61.

тории, где обладал военной и гражданской (административной) властью. Впоследствии это обстоятельство, наряду с другими, способствовало дроблению тюркских государств на бейлики (территориальные княжества) и эмираты. По отношению к государству-жалователю удж-бей и члены его племени пользовались фискальным иммунитетом: они не платили подати, ибо несли военную службу (“повинность кровью”), за которую не получали от казны вознаграждения. Но надо полагать, что удж-бею, как своему эмиру, члены племени были обязаны взносами и повинностями. Таким образом, податной иммунитет касался только удж-бея, как фактического получателя земель уджей.

Категория земель уджей в своей эволюции прошла ряд этапов: от условного военного икта до безусловного (“чистого”) мюлька. На первом этапе – последняя четверть XI века, когда земли уджей только появились, – они были коллективным условным держанием племени и связаны не с лицом, а с обязанностями, хотя ответственность перед государством-жалователем нес удж-бей. Он не имел права отчуждать эту землю или же лишать членов племени возможности пользования ею. Однако она могла переходить по наследству в его роду вместе со званием эмира племени и удж-бея. Вот почему уже на первом этапе своей эволюции земли уджей могли трансформироваться из условного держания племени в личное владение эмира.

На втором этапе – в течение XII века – категория земель уджей получила наибольшее развитие и широкое распространение как в сельджукских владениях, так и в тех, что были связаны с сельджуками. Тогда же шёл процесс превращения этих земель в собственность удж-бея, хотя формально они продолжали считаться коллективным держанием племени.

На третьем этапе – рубеж XII–XIII веков – земли уджей стали фактически личной собственностью удж-бея. Он лишил членов племени права на землю и старался обособиться от государства-жалователя.

На четвертом этапе – XIII век – удж-бей трансформировался в независимого собственника земель уджей, превратив их в безусловное владение мюльк. Одновременно территория уджей превратилась в самостоятельное владение – бейлик или эмират.

4.4. Институт икта

Категория земель икта существовала на Кавказе ещё в VII–VIII веках, когда значительная часть региона была включена в состав Арабского халифата. Сельджуки познакомились с ней в Центральной Азии, когда получили разрешение поселиться в Хорасане в качестве иктадаров (владельцев икта) Газневидского султаната. После создания Сельджукской державы они широко распространили систему икта в своих владениях.¹ В XI–XII веках икта являлся доминирующей категорией землепользования и землевладения, главным способом получения доходов с земли и сидевших на ней крестьян. В первой половине XI века владельцы икта на территориях, подвластных Сельджукидам – иктадары всех категорий: воины, эмиры, атабеки, военачальники, чиновная бюрократия – обязаны были службой жалователю. В обмен они получали фиксированную долю доходов с обрабатываемых земель или с селений. Некоторое время спустя икта включал уже право на владение землёй, но опять-таки за службу. Иными словами, первоначально икта был связан не с лицом, а с должностью, обязанностями. Это правило не распространялось только на иктадаров – членов сельджукских династий.²

Таким образом, в первой половине XI века икта у Сельджукидов являлся правом лишь на доходы: “Мукта, у которых икта, пусть знают, что по отношению к народу им не приказано ничего, кроме как собирать добрым образом законную подать, что им препоручена; когда они это собрали, пусть будут у народа безопасны тело, имущество, жёны и дети, пусть будут безопасны их вещи и владения, пусть не будет у мукта к ним никакого пути... Любому, кто сделает иначе, пусть укоротят руки, пусть от него отберут икта и накажут, чтобы показать пример другим”.³

¹ Мунтаджаб ад-Дин Бади Атабек ал-Джувайни. Ступени совершенствования катибов (Атабат ал-катаба). Пер. с перс., введение и коммент. Курпалидиса Г.М. Москва, 1985, с. 42, 55, 64, 98, 103, 107, 115, 116.

² Сиасет-намэ, с. 34, 106, 108, 140.

³ Сиасет-намэ, с. 34.

Начало широкого распространения икта в Сельджукской державе приходится на вторую половину XI века и связано с военной реформой. По этой же причине икта впервые отмечен у сельджуков как условное держание за военную службу, то есть как военный икта. На исходе XI века он превратился из формы обеспечения только воинов также в форму вознаграждения гражданских чинов. Одновременно проявилась тенденция к трансформации икта в безусловное держание за счёт прав жалователя: в качестве доменов-уделов он был весьма широко распространен у Сельджукидов. Но, вероятно, какой-то надзор за иктадаром существовал. Во всяком случае, в указах о пожаловании икта специально отмечалось, что иктадар должен хорошо обращаться с населением и заботиться о нём, чтобы оно имело возможность выплачивать подати. В свою очередь, жителям предписывалось подчиняться распоряжениям иктадара, его представителям, чиновникам и уплачивать положенное.¹

Икта был на Кавказе трёх видов: военный, личный и административный.

4.4.1. Военный икта

Это – условное пожалование за военную службу сюзерену, предоставляемое из фонда государственных доходов либо земель в размере области или одного-двух селений. Он известен в нескольких формах: а) икта великих эмиров и военачальников, которых называли иктадарами; б) икта ординарных эмиров, именуемых мукта; в) икта рядовых воинов, которых также называли мукта.² Разновидностью военного икта являлись земли уджей. В конце XI века военные икта эмиров и военачальников начали разрастаться. В следующем столетии эволюция икта приобрела

¹ Сиасет-намэ, с. 48; Horst H. Die Staatsverwaltung des Grosseilguken und Horazmschahs. Wiesbaden, 1964, s. 140–141.

² Сиасет-намэ, с. 34, 43, 140; Мунтаджаб ад-Дин, с. 115, 116; Horst H. Op.cit., s. 108, 138, 140–141; Al-Isfahani. Zubdat al-Nusra va Nuhbat al-Usra. Istanbul, 1943, s. 266; Lambton A.K.S. The Administration of the Sandjar's Empire as Illustrated in the "Atabat al-Kataba". //BSOAS, 1957, vol. XX, p. 373; Курпалидис Г.М. Государство великих Сельджукидов. Москва, 1992, с. 110–115.

настолько необратимый характер, что теперь отобрать его у иктадаров или воинов-мукта было уже невозможно.

Предоставление военного икта было связано, наряду с реорганизацией войска, с намерением увеличить площадь обрабатываемых земель, следовательно, – со стремлением обеспечить дальнейший рост доходов казны. Вместе с тем военный икта снимал с государства бремя огромных военных расходов, а также обеспечивал безопасность трона: своевременная выплата жалованья в форме икта гарантировала от недовольства и солдатских бунтов.

Военный икта в местных государствах Кавказа отмечен уже в первой половине XI века. Тогда Раввадидский и Шаддадидский (Арана и Нахчывана) эмираты предоставили землю огузам в обмен на военную службу. Впоследствии военный икта в регионе жаловали великие и иракские Сельджукиды, а также атабеки Ильденизиды. В Грузинском царстве его получили в первой четверти XII века кыпчаки, приглашённые на военную службу. В целом, в исследуемое время военный икта получил распространение на Кавказе в Азербайджане, Грузии и Южном Дагестане.

4.4.2. Личный икта

Это – безусловное, наследственное, неделимое владение на правах собственности, имевшее фискальный иммунитет. Первоначально к личным икта относились домены-уделы, владение которыми в XI–XII веках предполагало: (1) обязательство не выходить из состава государства-жалователя, (2) участие в военных кампаниях сюзерена, (3) упоминание его имени на монете и в хутбе. Эти условия соблюдались непродолжительное время. Личный икта быстро приобрел характер “чистой” частной собственности на землю и трансформировался в свободно отчуждаемое владение, независимое от государства-жалователя. Вот почему в конце XI – первой половине XII веков личный икта послужил основой для возникновения новых политических единиц. На Кавказе это – владения малика Мухаммада Сельджу-

кида с центром в Гяндже; Азербайджанский султанат; эмираты Мангуджакидов, Салтукидов, а также Шаддадидов Ани; владения членов династий ширваншахов в Баб ал-Абвабе (Дербенд) и атабеков Ильденизидов, а также вассалов последних – маликов Ахара, эмиров Мугана.

Личный икта должен был обеспечить его держателя средствами без каких-либо условий. Освобождая владельца такого икта от обязательств, государство как бы переуступало ему свои права на землю, но только временно, на определённый срок.¹ Однако когда владение превращалось в пожизненное, а тем более в наследственное, жалователю утрачивалась власть над пожалованием, которое трансформировалось в частную безусловную собственность.

Личный икта предоставляли из фонда государственных доходов или же из государственных земель в размере области, города, одного-двух селений. Он был пожалованием, доменом-уделом или подарком в форме пожизненного либо наследственного владения. Личный икта мог быть отобран в течение жизни получателя, но это правило на практике почти не соблюдалось.

Предоставление личного икта производилось специальным указом: в стандартный формуляр вписывались имя получателя и полученное им конкретное пожалование. Обычно в нём отмечалось также, что иктадар “должен хорошо обращаться с подданными и проявлять о них заботу с тем, чтобы представитель податного управления, согласно прежнему обычаю, мог взимать подати. Знать, шейхи, землевладельцы, земледельцы, ремесленники и другие жители обязаны признавать иктадара в качестве владельца этого места, а представителей его дивана признавать управляющими тех земель. Райя (подданные) должны повиноваться этим представителям и чиновникам так же, как и настоящему указу. Они обязаны без промедления и целиком передавать им арендную плату (мал-и муамалат)”.²

¹ Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии.//Избранные сочинения, т. I. Москва, 1960, с. 102; Lambton A.K.S. Landlord and Peasant in Persia. London, 1954, p. 61, 64.

² Horst H. Op.cit., s. 140–141; Курпалидис Г.М. Указ.раб, с. 111.

В начале XII века к разряду личных икта, наряду с доменами и уделами членов правящих династий, эмиров и атабеков, стали относить также менее значительные пожалования. Так, Низами за свою поэму “Хосров и Ширин”, преподнесённую Кызыл-Арслану Ильденизиду, получил от него селение Хамдунийан в Азербайджане в наследственное, безусловное, необлагаемое владение. По свидетельству поэта, в указе было сказано:

“Полностью мы даровали это
С потомством Низами – до окончанья света.
И всё бесплатно мы вручили Низами
В его владение, – ему с его детьми”.¹

Личные икта были характерны для Грузии, связанной в XI–XII веках с мусульманским миром.² Например, в 60-е годы XI века Баграт IV пожаловал своим феодалам места для домов и лавок (то есть землю) в полную родовую (то есть наследственную) собственность. В 1088 году он же дарственной грамотой передал Шио-Мгвимской лавре в Арагвинском ущелье местность Бурцумс-джвари “со всеми её границами, горою, равниною, водою, лесом, скалою, мельницей и со всеми её годными и негодными местами”; Давид IV в 1123 году подтвердил эти пожалования и перечислил всё то, что было ранее отказано лавре или куплено монахами до того года: “Все вотчины, пожертвованные этой пустыни по дарственным грамотам отцов и дедов моих..., отошедшие от монастыря (в частные руки), я возвратил монастырю, обновив его сигели. Кроме того, все вотчины, как пожертвованные царями и разными владетелями, так и купленные монастырём в незапамятное время, я уже совершенно освободил от податей и пошлин и отдал отцу Шио свободными от всяких повинностей. Кроме того, все имения,

¹ Низами Гянджеви. Хосров и Ширин. Баку, 1947, с. 245–246.

² Такайшвили Е. Сигель грузинского царя Баграта IV.//ЗВОРАО, 1896, том IX, с. 61–62; Жордания Ф.Д. Завещание царя Давида Возобновителя, данное Шио-Мгвимской лавре в 1123 году. Тифлис, 1895, с. 15–32; Какабадзе С.Н. Грамота грузинского царя Георгия III по поводу восстания князей Орбели в 1177 году.//ИКИАИ, 1926, том IV, с. 125; он же. Грамота царицы Тамары Великой на имя Гелат от 1193 года.//ИКИАИ, 1925, том III, с. 115–120.

купленные (монастырём) в городе Тифлис во время нахождения этого города в руках персов (т.е. арабов. – **Р.Г.**), или ныне, или же мною пожертвованные, равно как и те, которые впредь будут приобретены (монастырём), я освобождаю от всяких пошлин и податей в пользу царской казны... Монастырь имеет издревле приобретённое по особому акту право беспошлинной пастьбы 3.000 овец в горах и долинах (принадлежащих государству). Ныне жертвую ещё 2.000 овец. Эти 5.000 овец пусть пасутся беспошлинно, как царское стадо, наряду с государственными стадами, совершенно свободно... Жертвую монастырю 100 коров, которые пусть пасутся в Триалетских горах... Никто да не осмелится отчуждать сии вотчины!"; в грамоте Георгия III от 1177 года говорится об освобождении грузинских церквей и монастырей от обложения; в грамоте Тамары Гелатскому монастырю от 1193 года сказано, что этой обители навеки передано "имение с горой и равниной, лесами, полями, водой, мельницей и со всеми справедливыми границами и причитающимися (угодьями)", это имение закреплялось за монастырём как наследственное владение, свободное от поборов и взыскания доходов, "подобно тому, как и другие имения сего монастыря состоят свободными".

4.4.3. Административный икта

Это – условное пожалование наместнику за службу сюзерену, которое одновременно являлось как военным, так и гражданским держанием. Вероятно, поэтому административный икта стал довольно распространённой категорией крупного землевладения, способствовал увеличению фонда личных икта. Иными словами, он привёл к росту необлагаемой, безусловной, наследуемой и свободно отчуждаемой земельной собственности – мюлька. Административный икта предоставляли из фонда государственных земель в размере страны, области, города.

В государствах Сельджукидов и Ильденизидов административное и военное деление обычно совпадали. Получив в управление территорию, наместник султана или атабека вместо жалованья из казны пользовался частью доходов с земель

административного икта на правах военного икта, то есть был обязан военной службой и выставлял отряд установленной численности. Таким образом, сочетание в одном лице наместника и иктадара (то есть гражданского и военного начальника, этого своеобразного генерал-губернатора XI–XII веков), иными словами, слияние административного и военного икта являлось одним из объективных условий дальнейшего роста личных икта.

Этот процесс особенно заметен в XII веке, когда произошло ослабление центральной (султанской и атабекской) власти, что способствовало превращению административного икта в личный. Наместник-иктадар присваивал себе функции государственной администрации на вверенной ему управлению территории и трансформировался в территориального эмира – главу бейлика или эмирата. Государство-жалователь теряло права на такие территории, которые отчуждались из-под его юрисдикции и со временем выходили из его состава. Неслучайно, что развитие административного и военного икта привело к падению военного могущества Сельджукидов в конце XI века и Ильденизидов в конце следующего столетия. Речь идёт об изменении размеров двух основных комплекствующих элементов военной организации: постоянное войско династа-сюзерена стало сокращаться, и тяготы военных кампаний теперь несли отряды наместников-иктадаров. Соответственно, возросло их значение, и таким путём территориальные владетели стали независимы от центральной власти. В отличие от владений султанов и атабеков, в Грузинском царстве подобного не произошло, так как здесь, особенно при Давиде IV Строителе, военные задачи исполняло царское войско, состоявшее почти исключительно из кыпчаков, наделённых царской же землёй.

На Кавказе административный икта появился во второй половине XI века.¹ Это – города Тифлис и Рустави в Грузии, переданные великим султаном Алп-Арсланом Сельджукидом эмирам Шаддадидам Арана и Нахчывана. В первой поло-

¹ Histoire de la Géorgie. Saint-Petersbourg, 1849, p. 328, 331, 335; Садруддин. Ашбар ил-Девлет ис-Селчукиййе. Анкара, 1943, с. 24–26, 30–32, 90; Буният-ов З.М. Государство атабеков Азербайджана. // Избранные сочинения, том 2. Баку, 1999, с. 221–222.

вине XII века это – южные области Азербайджана, переданные иракскими Сельджукидами эмиру Кара-Сонкуру; Нахчыван с его областью – эмиру Чавлы. Затем Аран и Нахчыван были административным икта Ильдениза, который впоследствии стал атабеком (наместником) иракских султанов всего Азербайджана, переходившего по наследству от одного Ильденизида к другому, без каких-либо султанских указов или условий. Таким образом, административный и военный икта Ильденизидов трансформировался в личный икта, а вместе с тем – в ядро Азербайджанского султаната.

ГЛАВА V.
ГОРОД. ТОРГОВЛЯ. СИСТЕМА ФИСКА.
ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ КАВКАЗА
В XI–XII ВЕКАХ

5.1. Расцвет города

Одними из закономерных последствий экономического развития в XI–XII веках были численный рост и расцвет городов, что характерно для Передней Азии вообще и для Кавказа в частности. Города являлись центрами ремесленно-торговой деятельности, культуры и основными покупателями продукции сельского хозяйства. В них практиковали все известные на средневековом Востоке ремёсла. Города Кавказа были связаны как между собой, так и с наиболее значительными городскими центрами Востока и Запада двусторонними торговыми отношениями, имевшими довольно прочную экономическую базу и многовековые традиции. “Одной из особенностей восточного феодализма было именно то, что города сохраняли свою жизнь, не глохли, что хозяйство не повсеместно приобретало натуральный характер, что на Востоке могут быть отмечены товарно-денежные отношения, городское ремесло, торговля и рынки продолжали существовать, а в ряде случаев создались новые центры или были обновлены старые, которые были пунктами обмена. Этому способствовала не только местная торговля, но и широкие торговые связи”.¹

На Кавказе в XI–XII веках существовало немало крупных городов, которые являлись средоточием как экономической, так и политической, административной, культурной и духовной жизни. Это были густонаселённые центры с многоотраслевым

¹ Пигулевская Н.В. Города Ирана в раннем средневековье. Москва-Ленинград, 1956, с. 130.

ремеслом и общественным разделением труда при наличии простой кооперации (цеха) мелких производителей-ремесленников, купечеством, объединённых в товарищества. Это были города, окружённые оборонительными стенами и рвами, с цитаделями и ремесленными кварталами, базарами, ярмарками, торговыми рядами и комплексом общественных сооружений, с жилыми домами в три-четыре этажа, водопроводом и канализацией, мощёными улицами и площадями, устоявшимся бытом и контингентом населения. Расцвет городов Кавказа находился в тесной связи с общим развитием городской жизни в Центральной и Передней Азии.

Невзирая на сельджуков, кавказские города не утратили присущей им индивидуальности. Даже Тифлис, несмотря на 400-летнее мусульманское господство, сохранял свою специфику. Города Кавказа составляли важную часть экономического, политического и культурного потенциала Передней Азии XI–XII веков. Наиболее значительными и хорошо известными на Востоке ремесленно-торговыми центрами были Байлакан и Гянджа, Барда и Нахчыван, Табриз и Шамахи, Марага и Баку, Дербенд и Ардабиль, Тифлис и Дманиси, Рустави и Гори, Жинвани и Кутаиси.

5.2. Городское управление

Расцвет города XI–XII веков на Кавказе находит подтверждение в структуре его администрации, которая представляла собой хорошо разработанную систему управления. Об этом чётко и довольно подробно изложено в “Атабат ал-катаба” Мунтаджиб ад-Дина, составленном в правление последнего великого Сельджукида Санджара.¹ Кавказские города имели сложившийся уклад жизни, установившийся контингент населения. Этим объясняется также то, почему и при сельджуках городская администрация по-прежнему находилась в руках местного

¹ Мунтаджаб ад-Дин Бади Атабек ал-Джувайни. Ступени совершенствования катибов (Атабат ал-катаба). Пер. с перс., введение и коммент. Курпалидиса Г.М. Москва, 1985.

аппарата должностных лиц, который сохранился и как система. Вот почему даже там, где сидели сельджукские малики, атабеки и эмиры, городская жизнь протекала без их участия, ибо “естественный рост городов был возможен только при участии местного населения”¹.

В XI–XII веках в городах Кавказа существовала типологически сходная система управления как следствие их развития в формационно общих экономических, политических, социальных и культурных условиях. Вместе с тем эта система управления имела свои локальные особенности; различия сказывались порою в терминологии, но суть от этого не менялась. В исследуемый период наиболее важную роль в городской администрации играл *раис* (или *вали*) – глава городской общины и тяготевшей к городу сельскохозяйственной округи, составлявшей с ним единое целое. Он обладал широкими полномочиями, вплоть до контроля над конфессиональными делами. Часто его избирали из числа местной знати. Раис являлся связующим звеном между провинциальной (областной, территориальной) или центральной администрацией и населением города, представителем интересов горожан. Раис должен был разбираться в делах *амиля*, *кадия* и *мухтасиба*.

Городским управлением по сбору податей ведал *мустоуфи*. Ему подчинялись *амили* (сборщики податей), имевшие своих помощников. *Факих* ведал судопроизводством, *кадий* исполнял функции городского судьи. *Мухтасиб* следил за точностью мер и весов, устанавливал цены на продукцию ремесла и наблюдал за торговлей; другими словами, он был тесно связан с ремесленно-торговыми слоями и экономической жизнью города, с цехами ремесленников и объединениями купцов. Имелись специальные начальники городского войска (ополчения), глава городской полиции – *шурта*. В обязанности *мюшрифов* входило доносить обо всём, что происходило в городе. Известны были также *назиры* – младшие контрольные чиновники-смотрители, и *аишары* – сборщики *уиры* (десятины в пользу мусульманского

¹ Пигулевская Н.В. Ближний Восток, Византия и славяне. Ленинград, 1976, с. 73.

духовенства). Так было в Дербенде и Гяндже, Тифлисе и Баку, Табризе и Байлакане, Рустави и Барде, Шамахи и Ардабиле, Мараге и Хое, Артануджи и Дманиси.

Для торгово-экономической и политико-административной жизни Грузии и её городов, городского ремесла, купеческих объединений была характерна мусульманская терминология. Так, в Тифлисе были известны *раус*, *амид*, *шурта*, *мух-тасиб*. Бытование в обиходе городской жизни этого и ряда других грузинских городов мусульманской по происхождению ремесленной и торговой терминологии объясняется “главным образом длительным господством арабов в Восточной Грузии и существованием Тбилисского эмирата”.¹

5.3. Торговля. Торговые связи и пути

Экономические, в том числе торговые, отношения составляли одну из характерных черт развития стран и городов Передней Азии, в том числе Кавказа в XI–XII веках. Местная торговля объединяла области и города стран Кавказа, способствуя расширению местного рынка, который является главным показателем уровня экономической эволюции.

Вместе с тем торговля являлась тем мостом, который сближал и связывал различные страны и государства. Кавказские города принимали активное участие в традиционных торговых операциях за пределами региона. В XII веке купцы из Азербайджана в обмен на оружие приобретали в Волжской Булгарии бобровые шкурки. Существовали торговые связи между Кавказом и Сирией. Сирийский автор-современник заметил, что за Курой и Аразом имеются виноградники, оливковые плантации, культивируют хлопок и кунжут. Для первой половины XII века он отметил огромный торговый караван, который отправился после завершения операций в Константинополе в

¹ Лордкипанидзе М.Д. История Грузии XI–XIII веков. Тбилиси, 1974, с. 41–42; Месхиа Ш.А. Города и городской строй феодальной Грузии XVII–XVIII веков. Тбилиси, 1959, с. 65, 68, 78, 80, 262, 322, 324; Очерки истории Грузии. Том III. Грузия в XI–XV веках. Тбилиси, 2002, с. 45–64.

обратный путь на восток.¹ Малую Азию пересекали караванные пути, сходящиеся, с одной стороны, в Константинополе, а с другой, – расходящиеся в направлении Сирии, ал-Джазиры и Кавказа.² Среди важнейших торговых маршрутов были Конья–Аксарай–Кесария–Себастья–Арзинджан–Эрзерум и далее на Кавказ, Иран и Центральную Азию. Чрезвычайно выгодное положение Кавказа на стыке Европы и Азии, между Средиземным, Чёрным, Азовским, Каспийским морями способствовало увеличению важности региона в международных отношениях и торговле, в обмене культурными ценностями и идеями. Через Дербенд, Дербендский и Дарьяльский проходы кавказские, а также арабские, византийские и другие купцы попадали в Восточную Европу. Двусторонние сухопутные и морские маршруты соединяли страны и города Кавказа с Сирией и Малой Азией, Индией и Ираном, Египтом, Русью и Европой, Северной Африкой и Аравийским полуостровом. Благодаря археологическим раскопкам в различных зонах Кавказа обнаружены китайские селадон, фарфор и фаянс XII–XIII веков, что позволяет твёрдо датировать торговые связи со странами Дальнего Востока. В эти столетия фаянс и другую керамическую посуду ввозили также из Месопотамии и Ирана.³

Города Кавказа развивались, росли и достигли наивысшего расцвета, что подтверждается мощностью и богатством их культурного слоя. Они поставляли на местный и внешний рынок разнообразную продукцию сельского хозяйства и городского ремесла, минеральное сырьё. Большую известность приобрели нефть и шёлк, хлопок и оружие, соль и естественные красители кирмиз и марена, шафран и различные ткани, ковры и ювелирные украшения, квасцы и драгоценные камни, высокохудожественная полихромная керамика и деревянная

¹ Chronique de Michel le Syrien, vol. IV. Paris, 1910, p. 613, 701.

² Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии.//Избранные сочинения, том I. Москва, 1960, с. 57; История народов Северного Кавказа. С древнейших времён до конца XVIII века. Москва, 1988, с. 161–162.

³ Кверфельдт Э. Китайская керамика XII–XIII веков на Кавказе.//Сб.ст. “Памятники эпохи Руставели”. Ленинград, 1938, с. 189, 191, 192; История народов, с. 162.

посуда, благородные и цветные металлы и изделия из них. При всём разнообразии сельскохозяйственной и ремесленной продукции каждая страна славилась определёнными товарами, которые успешно конкурировали с иноземными. Поэтому можно говорить об известной их специализации, то есть о присущем периоду разделении труда.

Для характеристики организации городского керамического производства важно отметить, что мастер являлся одновременно владельцем мастерской, в которой работало обычно несколько человек. Та же структура была присуща другим отраслям ремесла. На высоком уровне находилось производство изделий из металла.

О совершенстве местных ювелирных изделий можно судить по модели фруктового сада, преподнесённой в XI веке в Гяндже великому султану Сельджукиду Алп-Арслану. Деревья и ветви были имитированы из золота, плоды на них из гиацинтов и других драгоценных камней.¹ Известными центрами ремесла являлись Зирихгеран, где изготавливали кольчуги, панцири и шлемы, стремена и уздечки, сабли, кинжалы и копья; Кубачи славился изготовлением котлов, сабель и кинжалов; из Дербенда вывозили полотняные одежды, марену и шафран.² Овцеводство стимулировало широкое распространение ковроткачества, которое в XII веке достигло большого развития на всём Кавказе.

Ардабиль был известен изящными чёрными парчовыми тканями, деревянной посудой и другими товарами, в том числе гребнями, чашками, музыкальными инструментами и повозками. Байлакан превратился в один из значительных городов Востока, достиг своих максимальных размеров и наибольшего богатства, вполне оформился как развитый ремесленно-торговый центр с характерными чертами ремесленного производства (цеховая система), купечества (торговые товарищества) и административного устройства (самоуправление). Здесь было возведено множество зданий, среди которых – дворцы, пави-

¹ Minorsky V. *Studies in Caucasian History*. London, 1953, p. 23.

² История народов, с. 159–161.

льоны, загородные резиденции. В городе имелось большое количество базаров. Он славился своими вышитыми шёлковыми тканями, плодами, птицей и рыбой. Торговля производилась как местными, так и привозными товарами, в том числе из Ширванского государства и Дербенда. Байлакан, ввиду своего хозяйственного значения, относился к числу значительных политических центров, в частности, здесь находилась одна из резиденций атабеков Ильденизидов. Шедевры местного керамического искусства были технически совершенны и вместе с тем глубоко своеобразны. Найденная здесь художественная полихромная керамика подтверждает, что Байлакан находился в широких культурных и экономических связях с соседними и дальними городами, областями и странами. Его поливная керамика входит в круг прикладного искусства Передней Азии.

Баку был известен главным образом своей нефтью – чёрной, белой и зелёной, а также солью. Ежедневный доход казны только от одного из нефтяных источников составлял 1.000 дирхемов.¹ Город быстро богател, что было связано с расширением морских перевозок по Каспию, на котором он превратился в наиболее крупный порт, а также с интенсификацией торговых сношений со странами Востока и Восточной Европы, ростом его политической роли в истории Азербайджана: в XII веке Баку стал второй столицей Ширванского государства. Он имел прочные экономические связи с городами и областями Передней Азии, ибо представлял собой один из значительных центров ремесла, морской и сухопутной торговли. Особенно большое развитие в городе получило керамическое, ткацкое, строительное, ювелирное, оружейное и кожевенное дело, здесь велось интенсивное строительство.

Табриз являлся одним из крупнейших городов Передней Азии. Здесь имелось множество базаров, практиковали почти все известные ремесла. Начало роста и расцвета средневекового Табриза, как центра местных и международных торговых операций и ремесленного производства, относится к XII столетию. Учитывая его значение, атабеки Ильденизиды превратили

¹ Вторая записка Абу Дулафа. Москва, 1960, с. 36.

Табриз в столицу своего обширного государства, ибо город находился на важных караванных и военно-стратегических путях Востока. Современник отметил, что в XII веке Табриз “приобрёл полное величие и сделался столицей; в нём поселились иноземцы. Нет ремесла, которое не практиковали бы в Табризе”.¹ Город и тяготевшая к нему сельскохозяйственная округа славились многочисленными садами и плодами, атласом и златотканой “китайской” парчой, коврами, покрывалами и мужской одеждой, печатями и переплётками. Табриз играл большую роль не только в политической истории, но, что не менее важно, являлся значительным звеном в переднеазиатской ремесленно-торговой системе. Среди вывозимых его товаров славились абрикосы сорта “мусул”, ткани, в том числе “этаби”, “сиклатун”, “хитаби”.²

Крупным ремесленно-торговым и культурным центром Востока была Гянджа, населенный и процветающий город с множеством базаров. Он славился хлопком и атласом, шёлком и шёлковыми тканями, садами и фруктами, парчой и производством луков и стрел, ювелирными изделиями. Продукция ремесла шла на местный и кавказский рынок, вывозилась далеко за пределы региона. В частности, известно, что дворцовые гулямы в Саманидском государстве носили каба, сшитую из “гянджийской ткани”.³

Барда являлась одним из значительных городов, “полным благ, плодов и зелени”; среди её товаров наиболее важное место занимал шёлк, вообще бывший значительной статьёй азербайджанского экспорта на средневековый мировой рынок.⁴

Нахчыван был хорошо укреплённым, большим и населённым городом. Около него находилась одна из неприступнейших крепостей Средневековья – Алинджа-кала, где в минуту опас-

¹ Миклухо-Маклай Н.Д. Географическое сочинение XIII века на персидском языке. // УЗ ИВ АН СССР, 1954, том IX, с. 203–204.

² Миклухо-Маклай Н.Д. Указ. раб., с. 132–133.

³ Миклухо-Маклай Н.Д. Указ. раб., с. 208; Сиасет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька. Пер., введение в изучение памятника и прим. Заходера Б.Н. Москва-Ленинград, 1949, с. 111, 327.

⁴ Миклухо-Маклай Н.Д. Указ. раб., с. 199, 201.

ности укрывались атабеки Ильденизиды и их подопечные султаны Сельджукиды. Здесь же хранилась их основная казна. В Нахчыване практиковали почти все известные ремёсла, и его товары предлагали на многих базарах Востока: тонкие покрывала и “китайские” ткани, войлок и мужскую одежду, ткани на чалму и пояса, чашки и блюда. Местную деревянную посуду развозили во многие страны в качестве подарков, настолько она пленяла изяществом и художественностью исполнения. На базарах города можно было встретить купцов и товары из разных стран. Нахчыван стал резиденцией Ильденизидов, которые заботились о его благоустройстве и процветании. При них в городе возвели дворцы и павильоны, загородные дома и замки из алебастра и жжённого кирпича. В городе имелись здания в три-четыре этажа. Современник сообщает: “Во всём мире нет лучше и полезнее винограда, чем в Нахчыване... В августейшее время Ильдениза [город] получил полное величие. Там сделали царскую резиденцию и [построили] правительственные здания”.¹

В Грузии создались благоприятные условия для дальнейшего развития сельского хозяйства и ремесла, наблюдался рост и расцвет городов, местной и внешней торговли. Вместе с тем следует отметить, что общий подъём местной городской жизни был обусловлен в те столетия тесными торгово-экономическими связями страны с мусульманским миром. Возросло значение Тифлиса, Самшвилде, Рустави, Дманиси, Кутаиси; выросли Жинвани, Баралети, Гори, Атени, Сурами, Али, Зоврети. Большое развитие в них получили почти все отрасли средневекового ремесла, в том числе изготовление металлической и керамической посуды, благовоний, стекольное, оружейное, текстильное, дерево-обделочное, сапожное, кожевенное дело, ювелирное и чеканное искусство. Города поставляли на местный и внешний рынок продукцию сельского хозяйства и ремесленного производства, в частности, шерсть и ткани, одежду и ковры, меха и керамику, лошадей и мулов. Наибольшего расцвета и распространения достигло керамическое дело, изделия которого были разнообразны и хорошо известны.

¹ Миклухо-Маклай Н.Д. Указ. раб., с. 209–210.

Тифлис остался крупным ремесленно-торговым центром и после присоединения в 1122 году к Грузинскому царству, хотя в его жизни по-прежнему важную роль играло местное мусульманское население, бывшее, по свидетельству современника, “дружественным к иноземцам”. Город весьма отстроился, здесь возвели множество зданий, в том числе дворцы. Он переживал расцвет и занял важное место в экономической системе Передней Азии как поставщик на внешний рынок продукции сельского хозяйства и ремесла, как торговый узел, связанный с восточными и северными городами и странами. В городе и его области было много садов, обильных благами. Здесь имелось множество базаров, дворцов, мечетей и церквей, бань, плавучих мельниц на Куру. Значительная часть торговых операций производилась около моста через Куру, где было сосредоточено большинство базарных мест. Товары города были разнообразны: сёдла и уздечки, колчаны и футляры для стрел, мёд и сладости, воск и гранаты, изделия из хрусталя, керамики и стекла, невольники и меха.¹

Дманиси славился деревообработкой, керамическим делом, стеклоделием, продукцией садоводства, особенно виноградарства. Гори превратился в значительный экономический центр, который находился на стыке торговых артерий. Вырос Жинвани, принимавший активное участие в торговле с Восточной Европой. Рустави переживал расцвет, здесь возвели жилые и хозяйственные постройки, обновили оборонительные стены. Он был известен своей разнообразной и богатой керамикой, стеклянной и металлической утварью.²

Дербенд, имевший общекавказское значение, был связан со многими странами Востока и Запада. Большое развитие получило местное ремесло; в городе существовали объединения ремесленников, и современник сообщает, что здесь имелись многочисленные мастера, работавшие на рынок. Он отмечает среди них изготовителей бумаги (*варрак*), шёлководов (*хаззаз*),

¹ Миклухо-Маклай Н.Д. Указ.раб., с. 202–203; Очерки истории Грузии, с. 47, 55.

² Месхиа Ш.А. Указ.раб., с. 43–44; Очерки истории Грузии, с. 46, 55–56.

рыболовов (*саммак*), мыловаров (*сабуни*), портных (*хаййат*), лекарей (*табиб*), работорговцев (*наххас*). В Дербенде имелось множество базарных мест, было возведено немало общественных сооружений и больших жилых домов, принадлежавших состоятельным горожанам. Будучи одним из известнейших и важнейших средневековых ремесленно-торговых и военно-стратегических центров Востока, Дербенд и его область Баб ал-Абваб славились продукцией многоотраслевых сельского хозяйства и ремесленного производства: это – писчая бумага и шёлк, фрукты, виноград и скот, марена и шафран, мёд и полотняная одежда, шёлковые ткани, ковры и рыба. Город лежал на главных торговых маршрутах, открывавших восточным товарам путь на север, а северным – дорогу на восток. На его базарах можно было встретить купцов из различных стран и городов, приобрести местные и привозные изделия. Здесь же находился один из крупнейших средневековых невольничьих рынков, на котором предлагали славянских, греческих, печенежских и кыпчакских рабов. Экономическому росту Дербенда в немалой степени способствовали интенсификация морской и сухопутной караванной торговли со странами и городами Восточной Европы, Центральной и Передней Азии, усиление экономических взаимоотношений с земледельческими зонами Дагестана. Через этот город осуществлялись связи со многими районами Северного Кавказа.¹

5.4. Система обложения

В период сельджукского завоевания для жителей захваченных стран наступило определённое ослабление податного бремени. Это было следствием как стремления Сельджукидов нейтрализовать местное население, так и обильной военной добычи, отсутствия собственной развитой государственности,

¹ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. Москва, 1963, с. 163; Шихсаидов А.Р. Дагестан в X–XV веках. Махачкала, 1975, с. 21–24, 35–37, 57–58, 124; История народов, с. 161; Кудрявцев А.А. Древний Дербенд. Москва, 1982, с. 135–155.

а значит, – малыми расходами на аппарат управления и султанский двор. Но уже вскоре обложение возросло. Для населения Кавказа экономические тяготы увеличились с 70–80-х годов XI века, когда Азербайджан, Южный Дагестан и Грузия были включены в Сельджукскую державу, а местные династы обязаны ежегодными взносами в казну великих султанов. Это не привело к уменьшению доходов правящих домов Кавказа, но способствовало на рубеже 70–80-х годов XI века установлению двойной эксплуатации непосредственных производителей. Современник отметил: “Теперь с одной области взимали путем притеснения и насилия столько же, сколько прежде не собирали с целой страны”.¹

Главная линия эксплуатации осуществлялась путём взимания податей – ординарных и экстраординарных, прямых и косвенных, а также исполнения повинностей. Система обложения, практиковавшаяся в XI–XII веках, во многом сохранила установления и нормы предшествующего периода и в целом была довольно устойчивой. Основное место в системе обложения принадлежало ординарным поборам. Среди них *харадж* – земельная, подоходная подать, которая взималась долей урожая или деньгами. Во второй половине XI века она поступала в казну ежегодно в два срока. Хараджем называлась также дань, которую должны были вносить в казну Сельджукидов вассальные мусульманские династы и владетельные эмиры. Она являлась платой за инвестирующую и военную контрибуцию. Например, великий султан Малик-шах I наложил на Ширванское государство контрибуцию в сумме 70.000 динаров в качестве компенсации за попытку ширваншаха Фарибурза I избавиться от сельджукского владычества. Одновременно была установлена ежегодная дань – харадж в размере 40.000 динаров за предоставленную ширваншахам инвестирующую.² Эти взносы носили нерегулярный характер, ибо зависели от конкретной военно-политической ситуации. Достаточно отметить, что ни в одном доступном

¹ Ravendi. Rahat us-Sudur ve Ayet us-Surur. Ankara, 1957–1960, s. 30–32

² Sadruddin. Ahbar üd-Devlet is-Selçukiyye. Ankara, 1943, s. 21, 50; al-İsfahani. Zubdat al-Nusra va Nuhbat al-Usra. İstanbul, 1943, s. 132–133.

источнике нет упоминаний об уплате ширваншахами султанам Сельджукидам или каким-либо иным государям дани – хараджа. Наоборот, можно отметить сообщение о том, что в XI веке они сами собирали “силой харадж” с жителей Восточного и Западного Лакза в Дагестане.¹

Джизья – подушная подать деньгами с *зиммиев* (немусульман). Джизьей именовали также дань, которую вносили в казну Сельджукидов вассальные восточно-христианские династы и владетельные феодалы. Она являлась платой за инвестицию и военной контрибуцией. Так, грузинский царь Георгий II признал сюзеренитет Сельджукидов и был обязан вносить в их казну дань – джизью.²

Существовали также арендная плата за пользование землёй и водой; военная подать, обязательная милостыня; “сбор тканей” – поборы в форме подарков и подношений; “улуфэ” – фураж для конницы, находящейся на постое в мирное время.

К косвенным видам обложения относились поборы с изделий ремесла и торговых операций, за провоз товаров (таможенные пошлины) и различные восточные баналитеты: плата за пользование мельницами и маслобойнями, пекарнями, караван-сараями и другими сооружениями, принадлежавшими государству или феодалам.

Среди повинностей большое распространение получили *бигар*, *бегара*, *сухра*: отработочная, дорожная, мостовая, возведение ирригационных сооружений; обслуживание войска на походе транспортом и вьючными животными; постой чиновников или представителей фиска в домах податных; деньги на вино и подкову. Процветали ростовщичество и взяточничество, что также налагало дополнительные экономические тяготы на податное сословие. Его положение было усугублено лихоимством сборщиков податей, которых современник сравнил с разбойниками.³ Практиковалась система откупов,

¹ Минорский В.Ф. Указ. раб., с. 63.

² Жордания Ф.Д. Хроника абхазских царей. Тифлис, 1903, с. 9; *Historie de la Géorgie*. Saint-Petersbourg, 1849, p. 343–347

³ Al-Isfahani, s. 101, 118, 143, 152; Ravendi, s. 32, 173.

которая открывала широкие возможности для различного рода злоупотреблений.

Государственный доход складывался из податей, дани, контрибуций и военной добычи. Подати и дань поступали в казну деньгами и натурой, как правило, осенью, после сбора урожая, иногда в два срока. Известна раскладка некоторых сумм на различные категории податного сословия в XII веке. В сельджукских владениях ежегодно взимали: с каждого селения – по 100 динаров, с мясников на базаре – по 50, с зеленщиков и бакалейщиков – по 100, с торговцев тканями – по 500 динаров с каждого.¹ В Грузинском царстве при Давиде IV Строителе с христиан ежегодно взимали по 5 динаров, с иудеев – по 4, с мусульман – по 3 динара с каждого.²

Военная добыча состояла из денежных контрибуций, продукции сельского хозяйства и ремесла. В понятие “военная добыча” входили также военнопленные, мирные жители, утварь, материальные ценности.

5.5. Денежное обращение

Денежное обращение XI–XII веков, связанное с Сельджукской державой, составляет один из этапов истории монетного дела как Кавказа, так и более обширного ареала Востока.³ Его характерные признаки были зависимы, в первую очередь, от общих изменений в экономике Центральной и Передней Азии, в том числе Кавказа, приведшими к нововведениям в чекане местных государств. Вместе с тем “новации” можно считать следствием военно-политических событий, имевших место в результате сельджукского завоевания, создания Сельджукской державы и других новых мусульманских государств.

В течение XI–XII веков в обращении находились золотые (динар), серебряные (дирхем) и медные (фелс) монеты,

¹ Ravendi, s.32.

² Minorsky V. *Caucasica I*//BSOAS, 1948, vol. XII/4, p. 33–34.

³ Раджабли А. Нумизматика Азербайджана. Баку, 1997, гл. IV и V; Капа-надзе Д.Г. Грузинская нумизматика. Москва, 1955, гл. III.

которые нельзя отождествлять с номиналами предшествующего периода, хотя и употреблялась прежняя терминология. Изменилось количественное соотношение находившихся в обращении различных по фактуре металлических денег. Отличительным признаком стало доминирование медного чекана. Наряду с ним, в обороте находилось некоторое количество золотых динаров, серебряных и посеребренных (биллоновых) дирхемов; медный фельс “арабского” типа в XI–XII веках почти неизвестен. Вместе с тем следует отметить, что серебро фактически исчезло из обращения в связи с серебряным кризисом, который пришёлся преимущественно на эти столетия. Целые государства имели в обороте только медную монету. Точно так же было на Кавказе, хотя здесь можно отметить серебряный чекан Ширванского государства до 1120 года, биллоны Грузинского царства и золотую монету Азербайджанского султаната.

Таким образом, суммарная масса денежных средств, находившихся в обороте в XI–XII веках, качественно отличалась от той, что характерна для предшествующего периода. И хотя базисом денежной системы по-прежнему являлось золото, основную монетную массу в обращении составляла медь. Иными словами, необходимое количество монетных средств складывалось в XI–XII веках из денег разного металла, включая монеты с принудительным курсом (то есть легальный государственный фальсификат монетной регалии). У каждого вида монет была своя сфера обращения, хотя и здесь наблюдались исключения.

Особенности денежного обращения периода позволяют заключить, что изменения в монетном деле носили принципиальный характер. Так, право на золотой чекан на мусульманском Востоке в XI–XII веках имели только сельджукские султаны, начавшие его выпуск в первой половине XI века. В Сельджукской державе выпускали два вида золотой монеты: *динар-и сорх* – высокопробные и *динар-и рукни* – из электра (с 10% содержанием золота). Основной золотой денежной единицей в Сельджукской державе являлся, по крайней мере, на начальном этапе её выпуска, первый вид. Но более характерен динар-и рукни: во второй половине XI века его выпускали в массовом количестве, то есть

имел место легальный государственный фальсификат монетной регалии. Выпуск такой монеты продолжался и в XII веке: неслучайно источники приводят цены в пересчёте на динар-и рукни.¹ Золотой чекан выполнял роль как денежного средства, так и донатива.

На Кавказе была известна золотая византийская монета – *солид*, что служит подтверждением широких экономических связей региона с государствами Передней Азии, его активного участия в международной торговле. Местный золотой чекан в исследуемый период появился в последней четверти XII века. Это связано с завершением политической трансформации Иракского султаната Сельджукидов в Азербайджанский султанат Ильденизидов. В 1191 году Кызыл-Арслан, как султан, получил от халифа право на выпуск золотых динаров. Однако эта монетная регалия появилась при его преемнике Абу-Бакре с именем последнего и с титулатурой: *ас-султан ал-азам шаханшах ал-муаззам (великий султан, шаханшах высочайший)*.

В целом же, в сфере золотого обращения в XI–XII веках чаще других встречаются динары Сельджукидов и солиды Византии. Причем на Кавказе основная масса византийской золотой монеты найдена в кладках XI века, в том числе и на азербайджанской земле. В следующем столетии её приток сократился.² Это было результатом ослабления и военно-политических неудач Византийской империи, почему она утратила свои позиции на Кавказе.

Серебряную монету в XI–XII веках чеканили многие государства. Но доминирующую роль в обращении внутри государств и между ними играли сельджукское и отчасти византийское серебро, что свидетельствует о широких торговых связях региона. Судя по топографии кладов, приток полновесной и высокопробной сельджукской серебряной монеты характерен для Кавказа от Баку на востоке до Сухума на Чёрном море, от Дербенда на севере до Хамадана на юге. Её обращение в

¹ Chronique de Michel, p. 583.

² Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР. Москва, 1962, с. 14; Раджабли А. Указ.раб., гл. V/5–6.

регионе, как и вообще в Передней Азии, было обусловлено главным образом отсутствием местного высокопробного серебряного чекана, а также тем, что Кавказ входил в состав Сельджукской державы.¹ Так, серебро Ширванского государства в действительности представляло собой посеребренную медь правильного чекана; в Грузинском царстве вообще били медные монеты, часть которых имела отметку “это – серебро”, они обращались по принудительному курсу и являлись, следовательно, кредитными деньгами; в Дагестане находились в обращении дирхемы разного достоинства.

Выпуск серебряных монет в XII веке был значительным. Но их не хватало для обеспечения сферы денежного обращения. Поэтому возросло значение меди, которая захватывала сферу серебра во внутрисоциальном обращении. Вот почему на Кавказе, как и в других регионах Передней Азии, в сфере серебра основу обращения составляли разные знаки стоимости: полновесная и высокопробная серебряная монета, посеребренные (биллоновые) или просто медные деньги, в том числе монета с принудительным курсом. Но за пределами государства роль денежного средства могла выполнять только высокопробная серебряная монета.

Вместе с тем, как правило, обилие медной монеты свидетельствует о развитии местного рынка – главного показателя торгово-экономического состояния государства. Медь – это мелкая разменная монета, которой платили самые широкие и наименее обеспеченные слои населения.

Сельджукский медный чекан появился на рубеже XI–XII веков и известен в кладах Кавказа.²

В целом, в Передней Азии в XI–XII веках, в том числе на Кавказе, функционировало несколько монетных систем. Но у всех у них была единая основа – золото. Вот почему, несмотря на преобладание меди, письменные источники приводят цены в пересчете на золотые динары, реже – на серебряные дирхемы.

¹ Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краёв и областей Кавказа, вып. I–IX. Баку, 1926–1966.

² Пахомов Е.А. Указ. работы.

Это было связано с возросшей ролью золота, как основного стандарта периода, когда серебро почти исчезло из обращения и его место заняла медная монета.

Для XI–XII веков отмечены колебания денежного курса. Причины его в значительной мере связаны с серебряным кризисом. Но неустойчивость денежного курса могла быть и результатом военно-политических событий периода, а также одним из симптомов перехода при Сельджукидах на новую денежную систему, отличную от предшествующей – халифатской. В целом, в течение XI–XII веков эти колебания вели к обесценению денег, к снижению их реальной покупательной способности, которая, можно полагать, упала тогда примерно вдвое.

Одновременно для исследуемого периода характерен “серебряный кризис”, охвативший в XI–XII веках многие регионы Востока и Запада.¹ Однако он не повлиял существенным образом на торговые связи государств, входивших в восточную феодальную систему. Объяснение этого, ещё до конца не изученного феномена, следует искать, в первую очередь, в росте продуктивности сельского хозяйства и городского ремесла, в расцвете городов и развитии торговли, товарно-денежных отношений и товарного производства. В таких условиях серебра оказалось недостаточно для выпуска полноценной высокопробной серебряной монеты. Поэтому “серебряный кризис” можно считать “болезнью роста” восточного феодализма в области экономики в целом, конкретно – в сфере денежного обращения.

¹ Раджабли А. Указ.раб., гл. V/1–4, 7–8; Капандзе Д.Г. Указ.раб., гл. III.

ГЛАВА VI. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА КАВКАЗЕ В XI–XII ВЕКАХ

Новый этап в развитии переднеазиатского общества, связанный с сельджуками, ознаменован заметными изменениями и в области государственного устройства. Типологическим эталоном стала сельджукская государственность, вобравшая в себя то, что было накоплено в период Сасанидской и Византийской империй, Арабского халифата и других, и оказавшая влияние на государственно-политические структуры мусульманского и отчасти христианского Востока. Поэтому устройство государств Кавказа было схоже с общепринятой политической системой. Как правило, разница заключалась в терминологии, хотя и здесь можно обнаружить много сходного.

6.1. Принцип федерализма

В основе сельджукской государственности лежала военно-феодалная организация (военно-ленная система), в которой заметную роль играл принцип федерализма. Так, сельджукские держава и султанаты, Азербайджанский султанат Ильденизидов, эмираты и бейлики были едиными по формальному признаку: главы этих политических единиц поминали в хутбе и били на монете имена своих сюзеренов, но в действительности такие политические структуры являлись федерацией, объединением уделов. Поэтому во внутренних делах глава удела был самостоятелен. Чиновники центральных диванов не могли распоряжаться здесь, а порой были лишены даже права доступа на территорию, изъятую из-под прямой юрисдикции центрального

правительства.¹ Местные государства, сохранившиеся с предшествовавшего времени, не изменили заметным образом своей структуры, однако, не утратив традиционного централизованного устройства, они должны были бороться против возросших центробежных сил.

Характерное для XI–XII веков государственно-политическое устройство по принципу уделов (федерализм) имело несколько конкретных причин: (1) рост центробежных сил, (2) господство земельного института икта и (2) военно-феодалная система уджей. Но главная причина заключалась в относительно слабой экономической базе вновь образованных государств. Вследствие этого отдельные их части представляли собой сравнительно обособленные владения эмиров и атабеков. Так, после ослабления Сельджукская держава на рубеже XI–XII веков раздробилась на несколько самостоятельных султанатов. Великий султан Санджар почитался сюзереном лишь по положению. Атабек Ильдениз, став владельческим эмиром, только формально признавал сюзеренитет иракских Сельджукидов. Когда в 1191 году раздробился Азербайджанский султанат, то Абу-Бакр Ильденизид лишь по положению старшего в роду считался сюзереном. То же заключение о фактической самостоятельности отдельных частей формально единого государства верно относительно эмиратов Мангуджакидов, Бектимуридов, Шаддадилов, маликов Ахара, Дербендского эмирата.

Итак, государства, появившиеся в XI–XII веках, были едиными по формальным признакам: одна династия, единая хутба и монета, центральный аппарат управления. Например, уже первый великий султан Тогрул-бек I пожаловал Кирман в качестве удела своему племяннику Кавурду. Тогда же этот последний превратил его в самостоятельный Кирманский султанат с собственной династией, и великий Сельджукид довольствовался здесь хутбой на своё имя. Другой племянник Тогрул-бека, будущий великий султан Алп-Арслан, управлял территориями от

1 Horst H. Die Staatsverwaltung des Grosselguken und Horazmschahs. Wiesbaden, 1964, s. 108, 140–141.

Азербайджана до Сирии с титулом “эмир Хорасана”, то есть домена главной ветви Сельджукидов.¹

Уже при великом султани Малик-шахе I наблюдалось если не ослабление центральной власти, то усиление центробежных тенденций среди его вассалов. Это конкретно проявилось в широких земельных пожалованиях. Правда, получатели обязывались признавать сюзеренитет великих султанов. Но впоследствии государство Сельджукидов Малой Азии, Кирманский и Сирийский султанаты со своими династиями Сельджукидов лишь номинально считались частями Сельджукской державы. Ряд областей перешёл под управление вольноотпущенников Малик-шаха I. Так, Хорезм достался эмиру Ануш-Тегину, будущему хорезмшаху и создателю Хорезмского государства. Великий султан Мухаммад I назначил в качестве удела своему сыну Махмуду Ирак-и Аджам, Азербайджан, Южный Дагестан, Грузию, Фарс и ряд других территорий, на которых впоследствии возник Иракский султанат Сельджукидов. Таким образом, уже с момента создания Сельджукской державы система уделов, то есть принцип федерализма, стала нормой государственно-политического устройства. В течение XII века федерализм получил широкое распространение в Центральной и Передней Азии. В этом кроется объяснение того, почему Сельджукиды не тронули на Кавказе Ширванское государство и Грузинское царство, ограничившись вассальной присягой и обязательством уплаты ширваншахами и Багратидами символической дани. В этих кавказских государствах сохранились свои династии, собственная администрация, монета и другие атрибуты суверенности. При Сельджукидах и Ильденизидах на Кавказе же существовали эмираты Шаддадидов Ани и Дабиля, Салтукидов, Мангуджакидов, Бектимуридов. Хотя Раввадидский (на Юго-Восточном Кавказе) и Шаддадидский (Арана и Нахчывана) эмираты были ликвидированы, в XII веке на Юго-Восточном Кавказе появился новый эмират ал-Ахмадили, который считается преемником Раввадидов.

Вместе с тем на Кавказе воплощением сельджукской государственности и принципа федерализма стал Азербайджанский

¹ Selçukname. Anadolu Selçukları Devleti Tarihi. III. Ankara, 1952, s. 7.

султанат Ильденизидов. Так, во главе отдельных частей собственно Азербайджана стояли члены династии с титулом малика. Например Ильдениз передал Рей, Ардабиль и их области под управление своего сына Джахан-Пехлевана. Последний, став великим атабеком и главой султаната, поручил своим детям управление отдельными территориями: Абу-Бакру – Азербайджан; Кутлуг-Инанджу и Амиран Умару – Рей, Исфahan и области в Ирак-и Аджаме; в Хамадане сидел Узбек; Нахчываном и его областью управляла его дочь – малика Джалалийя.¹ Составными частями Азербайджанского султаната считались также Дербендский эмират, маликство Ахарское, атабекство Салгуридов Фарса и эмират Табаристана. По положению, даже после фактического дробления Азербайджанского султаната владельцы уделов, эмиратов и маликств были обязаны признавать сюзеренитет великих атабеков Ильденизидов.

Вместе с тем вассалы Сельджукидов и Ильденизидов предпринимали попытки отложиться от государства-сюзерена. Столкновения на этой почве принимали характер войн и мятежей. Так, после гибели в 1092 году великого султана Маликшаха I дробление Сельджукской державы приняло почти официальный характер. Формальное единство зиждилось на власти правителей уделов и областей, усилившихся по мере ослабления центральной власти. Фактически же на исходе XI века на месте единой Сельджукской державы появились независимые султанаты, эмираты и атабекства. Одновременно возросла политическая самостоятельность местных государств, например, Ширванского и Грузинского. После гибели в 1191 году султана Кызыл-Арслана Ильденизида дробление Азербайджанского султаната стало свершившимся фактом. Его племянники Абу-Бакр, Узбек, Кутлуг-Инандж, Амиран Умар, а также иракский Сельджукид Тогрул III и эмиры поделили между собой земли этого государства.²

¹ Al-İsfahani. *Zubdat al-Nusra va Nuhbat al-Usra*. İstanbul, 1943, s. 257; Sadruddin. *Ahbar üd-Devlet is-Selçukiyye*. Ankara, 1943, s. 90, 104, 108, 110, 121.

² Al-İsfahani, s. 269; Sadruddin, s. 121; Ravendi. *Rahat us-Sudur va Ayet us-Surur*. I-II. Cilt. Ankara, 1957–1960, s. 333–334.

6.2. Управление на местах

Сельджукиды обычно сохраняли структуру местного управления с её сложившимся аппаратом чиновников и отлаженной системой администрации. Поэтому можно говорить о сотрудничестве между завоевателями и бюрократией, об альянсе между сельджуками и местными династами. Этот принцип до известной степени упрощал сельджукский завоевательный процесс и способствовал управлению завоёванными территориями с наименьшей затратой сил. Собственно, у сельджукских султанов не было своих кадров чиновников: сохраняя местную власть и администрацию, они поручали им управление территориями на определённых условиях. Так было везде, куда пришли сельджуки, в том числе на Кавказе. Местный династ превращался в наместника-вассала и обязывался вносить в казну Сельджукида-сюзерена дань. Но во внутренних делах он пользовался самостоятельностью, то есть сохранял атрибуты своей государственности, хотя его монета носила признаки зависимости. На таких условиях продолжали существовать Ширванское государство, Грузинское царство, Раввадидский и Шаддадидские эмираты.

Управление пограничными территориями было иным и имело две формы, выработанные сельджуками под влиянием народов, обладавших многовековыми традициями государственности и создавших эффективные методы охраны рубежей. В одном случае сельджукские султаны оставляли прежних правителей на положении вассалов с определёнными обязанностями, например, уплата дани и обеспечение безопасности границ. В частности, так было на Кавказе, где великий султан Алп-Арслан принял в 1067 году вассальную присягу грузинского царя Баграта IV и ширваншаха Фарибурза I. При Маликшахе I местные династы получили подтверждение своих прав и несли прежние обязанности.¹ В связи с этим отмечу, что на

¹ Жордания Ф.Д. Хроника абхазских царей. Тифлис, 1903, с. 9; Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. Пер. с англ. Москва, 1963, с. 60–61; Ал-Исфашани, с. 133; Садруддин, с. 30–32, 50; Minorsky V. Studies in Caucasian history. London, 1953, p. 23; Histoire de la Géorgie, depuis l'antiquité jusq'au XIXe siecle. Ier partie. Saint-Petersbourg, 1849, p. 331–332, 343, 345.

Кавказе сельджуками были оставлены лишь два государства: одно мусульманское – Ширванское; другое христианское – Грузинское, а также несколько мелких мусульманских владений: Шаддадидский эмират с центром в Гяндже; Дербендский и Тифлисский эмираты. Такая практика отвечала принятой у Сельджукидов системе управления пограничными территориями.

6.3. Сюзеренитет и вассалитет

Феодальные отношения зиждились на индивидуальной (личной, частной), а не государственной собственности. С этим обстоятельством непосредственно связана система сюзеренитета и вассалитета. Первым вассалом Сельджукидов на Кавказе стал в первой половине XI века аббасидский наместник, который признал сюзеренитет великого султана Тогрул-бека I и преподнёс ему 100 тыс. динаров. В 60-е годы того же столетия эмир Арана и Нахчывана Шавур I Шаддадид подчинился великому Сельджукиду Алп-Арслану, обязался уплачивать ему дань – харадж и выступать с ним для джихада. Тогда же грузинский царь Баграт IV принёс великому султану Сельджукиду вассальную присягу с обязательством уплаты дани – джизьи – и отдал в жёны Алп-Арслану свою племянницу.¹

Когда в 1067 году этот великий султан появился со своим войском в Азербайджане, эмир Арана и Нахчывана Фадл II и ширваншах Фарибурз I прибыли к нему с подарками. Затем ширваншах сопровождал его в походе 1068 года в Малую Азию, что терминологически было выражением вассальной зависимости. Когда же Фарибурз I пытался проявить самостоятельность и вторгся в область Дербенда Баб ал-Аббаб, великий султан наложил на него контрибуцию.² Тогда же сельджукское войско прошло из Азербайджана в Грузию, где местные владетельные феодалы признали Алп-Арслана своим сюзереном и обязались платить ежегодную дань – джизью, а Баграт IV подтвердил свои вассальные обязательства.³

¹ Histoire de la Géorgie, p. 328–330; Al-İsfahani, s. 31.

² Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда, с. 60–63, 79; Minorsky V. Studies, p. 23.

³ Histoire de la Géorgie, p. 331–332; Sadruddin, s. 24–26, 30–32.

Таким образом, хотя великие Сельджукиды считались сюзеренами Кавказа, в регионе продолжали функционировать местные этнополитические единицы, сохранявшие основные атрибуты своей суверенности – самостоятельность во внутренних делах и систему администрации, казну и войско, династию, монетный чекан и двор. Это заключение верно в отношении Ширванского, Раввадидского и Грузинского государств, Шаддадидских эмиратов. Выплата ими дани носила нерегулярный характер, зависела от конкретной военно-политической ситуации и являлась в первую очередь символическим выражением того, что местные династы должны получать инвеституру от Сельджукидов. На владение территорией выдавался специальный указ, который было необходимо возобновлять каждый раз после смерти жалователя или получателя.¹ Но с ослаблением центральной сельджукской власти в указе только отмечалось, что такие владения являются наследственными и не требуют возобновления письменного подтверждения султана Сельджукида.

Вассалы султана присягали только ему; вассалы местного династа, эмира или атабека – давали клятву верности лишь своему непосредственному сюзерену.² Не исключено, что возобновление указов на земельную собственность и иные пожалования, пока оно практиковалось, являлось своеобразной формой перерегистрации земельного фонда и воинских контингентов вассала.

Важнейшей составной частью процедуры инвеституры было принесение клятвы. Она содержала изложение основных обязанностей обеих сторон³, заключавших между собой юридическое соглашение, выгодное как для сюзерена, так и для вассала. Первый обязывался соблюдать статус зависимой от него территории-владения, а последний – платить за право владения ею и участвовать в военных акциях жалователя. Нарушение усло-

¹ Chronique de Michel le Syrien, v. IV. Ed. par J.-B. Chabot. Paris, 1910, p. 620; Ибн Биби. Селчукнаме. Анкара, 1941, с. 42.

² Chronique de Michel, p. 711.

³ İbn Bibi, s. 63–64.

вий одной из сторон освобождало другую от принятых на себя обязательств. Таковы были взаимоотношения великих султанов Сельджукидов с их кавказскими вассалами: ширваншахами, Багратидами, эмирами Шаддадидами и Раввадидами; иракских султанов – с атабеками Ильденизидами; ширваншахов – со своими эмирами; грузинских царей – с их вассалами; Ильденизидов – с маликами Ахара и другими. В связи с этим отметим, что, когда во второй половине XII века, Ильденизиды стали полными руководителями Иракского сельджукского султаната, вассалы Сельджукидов считали своими сюзеренами Ильдениза, Джахан-Пехлевана и Кызыл-Арслана. Так, атабек Фарса Занги Салгурид, прибывший ко двору султана Арслан-шаха, вначале явился к Ильденизу, которому принёс вассальную присягу, и лишь потом был допущен к своему формальному сюзерену – иракскому Сельджукиду.¹

Отношения между сюзереном и вассалом в XI–XII веках немногим отличались от тех, что существовали в предшествующие столетия. Вместе с тем особенности вассально-ленной системы исследуемого периода позволяют говорить о дальнейшей эволюции структуры сюзеренитета и вассалитета. В частности, эти особенности привели к созданию ряда феодальных учреждений, оказавших влияние на реалии XI–XII веков. Среди них – *институт атабеков и военно-феодальный институт уджей*.

6.4. Институт атабеков

Эта структура стала одним из важнейших достижений восточного феодализма и повлияла на жизнь как отдельных государств, так и всего переднеазиатского, в том числе кавказского, феодального общества. Институт атабеков, как и сам термин, – тюркский по происхождению. Он существовал ещё до сельджуков и был возрождён во второй половине XI века, после образования Сельджукской державы, в качестве одной из политико-государственных и управленческих структур. Основная его идея заключалась в создании корпуса наместников для

¹ Al-Isfaxani, s. 264; Sadruddin, s. 102, 127.

управления отдельными частями обширного государства. Вместе с тем появление этого института диктовалось необходимостью опеки и воспитания членов династий и наследников трона Сельджукидов. Поэтому, по сельджукской табели о рангах, титул и должность атабека, вручаемые доверенным эмирам, следовали за султаном и маликом. Вот почему атабек занял видное место в феодальной иерархии, а внутривосточная жизнь государств, где он бытовал, протекала под знаком борьбы между атабеками и сельджукскими султанами. Классическим примером реализации и развития института атабеков является история Ильденизидов, связанная с Иракским султанатом Сельджукидов.

На должность атабека назначали высокопоставленного владетельного, но незнатного происхождения тюркского эмира из ближайшего окружения государя. Обычно это – вольноотпущенники из бывших дворцовых гулямов, возвысившиеся благодаря личным способностям и заслугам и обязанные трону приобретёнными благами и милостями. Они обычно не имели прочных связей с эмирами государства, являя собой прослойку, лично преданную сюзерену и чуждую его окружению. Но с изменением политической ситуации, после установления контактов с сановниками, приобретения влияния при дворе и превращения во владетельных феодалов атабеки вошли в силу. В результате, государь-сюзерену довольствовались теперь лишь громким титулом, а атабеки превратились во всемогущих временщиков, в наиболее опасных врагов трона, угрожавших целостности и безопасности государств, на службу которым были призваны.

Институт атабеков в своём развитии прошёл ряд этапов: *во второй половине XI – начале XII веков*, после появления на исторической сцене, атабеки являлись верными слугами трона и зависели от государя; *с середины XII века* процесс эволюции института и деятельность атабеков вышли из-под контроля государства, атабеки превратились в грозную силу, стремились освободиться от любых признаков зависимости; появились династии атабеков с доменом, подопечными сельджукскими маликами и султанами; в итоге, *со второй половины XII века*

наблюдается расцвет этого учреждения как фактически независимой структуры, когда институт оказал большое влияние на государственную и военно-политическую жизнь Передней Азии, в том числе Кавказа. В итоге, на протяжении XI–XII веков должность атабека, будучи одной из важнейших, оставалась постоянным атрибутом государственного устройства. Это был институт наместников и опекунов-воспитателей.

Назначение на пост атабека-наместника оформлялось специальным султанским указом. Ему вручали регалии его достоинства: *тузру* (печать), *йюзюк* (перстень) и присваивали лакаб *Шамс ад-Дин* (“солнце веры”). У него имелись личные хаджибы. Атабек-наместник получал под своё управление важные в военном отношении пограничные территории, где представлял сюзерена в качестве военного и гражданского начальника, то есть своеобразного средневекового генерал-губернатора. Нередко он создавал собственную династию, чеканил свою монету, заводил постоянное войско. Финалом подобной метаморфозы являлось превращение полученной территории в самостоятельное владение. Так в Передней Азии появились эмираты бывших наместников Сельджукидов – среди них Артукиды, Зангиды, Салгуриды, Буриды.

Сельджукские атабеки-наместники назначались также в города и области Кавказа. Первыми среди них здесь стали эмиры Шаддадиды Арана и Нахчывана, которые управляли также городами Тифлис и Рустави. Среди атабеков-наместников, превративших впоследствии доверенные территории в собственные владения, следует назвать династии Бегтегинидов в Шахразуре и Бектимуридов в Хилате. Атабек Кара-Сонкур в первой половине XII века представлял иракских Сельджукидов в ряде областей юга Азербайджана с резиденцией в Табризе.

Наиболее значительными и влиятельными атабеками-наместниками были Ильденизиды. Начав карьеру в качестве атабека Арана, родоначальник династии Ильдениз, затем его сыновья и преемники Джахан-Пехлеван и Кызыл-Арслан стали всемогущими временщиками в Иракском султанате Сельджукидов. Они создали собственный Азербайджанский султанат, в состав которого входили территории на Кавказе и в Иране.

Другая категория атабеков была связана с опекой и воспитанием членов династий Сельджукидов – маликов, а также наследников сельджукского трона. Впоследствии появилась почётная должность атабека султана. Стало правилом, что атабек-опекун и воспитатель, вступая в должность, одновременно получал власть над уделом своего подопечного. А атабек наследника трона или самого султана владел наиболее важной областью государства. Среди атабеков этой категории также наибольшее значение получили Ильденизиды в связи с их ролью в Иракском султанате Сельджукидов. Будучи первоначально только наместниками, Ильденизиды затем стали атабеками сельджукских маликов, то есть их опекунами. Возможно, сочетание в одном лице должности атабека-наместника и опекуна способствовало тому, что Ильденизиды остались уникальной плеядой эмиров, сумевших расширить и трансформировать своё владение в Азербайджанский султанат и сыграть заметную роль в истории Передней Азии, в том числе Кавказа.

Возникновение института атабеков в немалой степени связано с господством удельной системы (принцип федерализма). Первоначально термин “атабек” означал “хранитель государственных устоев”. Впоследствии так именовали наместников, военачальников, опекунов и воспитателей. Но широкое распространение термин получил в двух формах: “наместник” и “опекун-воспитатель”. Со временем атабеком стали называть за заслуги перед троном, и должность превратилась в почётный титул. В итоге, сфера деятельности атабека ещё более расширилась.

Основные этапы эволюции института атабеков связаны с историей Азербайджана и Ильденизидов. Так, только они достигли высокого положения в государстве своих номинальных сюзеренов, оказали заметное влияние на историю Кавказа, узурпировали султанский трон и создали свой султанат. Причём в тесной связи с метаморфозами династии Ильденизидов как атабеков находится эволюция их Титулатуры и тамги. Она помогает проследить поэтапную трансформацию и возвышение Ильденизидов от дворцового гуляма до султана – через титулы и должности эмира, атабека, великого эмира, великого атабека,

атабека малика, атабека султана, высочайшего малика. Вместе с тем эта трансформация свидетельствует о личных достоинствах Ильденизидов, а также о специфике феодальных порядков в XII веке: об одноступенчатости системы сюзеренитета и васалитета, о доминировании индивидуальной собственности на землю и господстве институтов икта, уджей, атабеков, а также удельной системы.

Институт атабеков удачно вписался в структуру как мусульманских государств, так и восточнохристианских, например, Грузинского. Сюда он попал из Азербайджанского султаната. В конце XII–XIII веках “атабек” фиксирован в феодальной иерархии и военно-политической жизни Грузии. По табели о рангах, его приравнивали здесь к титулу “эмир эмиров”, который также был воспринят от мусульманского окружения, и почитали за “султанскую должность, которая подразумевает отца и воспитателя царей и султанов”. Званием атабека жаловали военачальников и крупных владетельных феодалов. В конце XII века существовала должность грузинского царского наместника – “атабека Иверии”. Таким образом, и в Грузинском царстве атабек был как наместником, так и опекуном-воспитателем членов царствующего дома. О том, насколько такая структура оказалась важной и жизнеспособной, свидетельствует бытование на Северном Кавказе института аталычества вплоть до XIX века.¹ В форме реминисценции он бытовал у абхазов, адыгов, кабардинцев, карачаевцев, грузин, осетин. Согласно обычаю аталычества, княжеских и дворянских детей отдавали в чужую семью на воспитание аталыку (букв. отчиму). Он обучал их верховой езде, умению владеть оружием, красноречию, горскому этикету. Воспитанник вместе с аталыком совершал поездки к соседям, участвовал в набегах и военных играх, скачках. После завершения процесса воспитания юноша возвращался в отчий дом, но между аталыком и его воспитанником навсегда устанавливались родственные отношения и обязательства взаимной защиты и помощи.

¹ Косвен М.О. Аталычество.//Советская этнография, 1935, № 2; Народы Кавказа, том I. Москва, 1960, с. 94, 179, 289; Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев, вып. I. Одесса, 1882, с. 276.

6.5. Военно-феодальный институт уджей

Это в сельджукский период – одна из форм управления пограничными территориями. Она получила распространение в XI–XII веках на землях, подвластных Сельджукидам, а от них перешла к Ильденизидам и другим правителям. Институт уджей представлял собой систему рекрутируемых из состава тюркского родоплеменного ополчения и местного населения конных отрядов для охраны границ государства. Члены таких отрядов получали в обмен за службу землю и создали поселения в приграничной полосе. Институт уджей являлся характерным для исследуемого периода, почему органически вписался в структуру ряда государств Передней Азии, в том числе Кавказа.

Идея военных заслонов на границах государства, принявшая у Сельджукидов форму уджей, вероятно, возникла под влиянием нескольких факторов. Во-первых, они могли воспринять её из сасанидской государственности, включавшей в себя институт *марзбанов* (наместников пограничных провинций). Во-вторых, в Византийской империи существовала система *акритов* (пограничников), которая также могла послужить образцом для Сельджукидов. В-третьих, в Арабском халифате вдоль границ был создан ряд крепостей и военных поселений, откуда пограничная стража вела наступательно-оборонительные действия против Византии. Вместе с тем система пограничных заслонов была известна тюркам уже в Центральной Азии, где в первые десятилетия XI века сельджуки выступали в роли военных наёмников на границах мира ислама, служа тем, кто обещал им пастбища и военную добычу.

Войны являлись неизбежным спутником государств Сельджукидов, Ильденизидов и некоторых других, почему для них были характерны единство войны и политики, постоянное войско. Поэтому во второй половине XI века в Сельджукской державе провели военную реформу, в результате которой наиболее приемлемой и полезной формой дальнейшего существо-

вания своевольного и не поддающегося дисциплине тюркского родоплеменного ополчения стала система уджей. В последней четверти XI века она превратилась в военно-феодальный институт многоцелевого назначения, получившего распространение и в других государствах исследуемого периода. Вместе с тем система уджей помогла обеспечить родоплеменное ополчение делом, направить его энергию в выгодное для государства русло, обезопасив от него области и города. Тюрки охотно шли на границу, где занимались своим традиционным хозяйством и совершали набеги.

История уджей начинается с появления подконтрольных султанам пограничных сторожевых постов и завершается возникновением *бейликов* (территориальных княжеств). Институт уджей прослеживается в истории Кавказа в XII веке, где он получил распространение в Азербайджанском султанате, откуда затем попал в Грузинское царство.

Главными задачами уджей были военные. Войско уджей исполняло наступательно-оборонительные функции в приграничных областях государства. Например, в Азербайджанском султанате уджи были сосредоточены на северной, западной и южной границах, ибо Ильденизидам приходилось отражать набеги различных племён с севера, из-за Дербендской стены; на западе вести войны против Грузинского царства и других государств; на юге надо было противостоять нападениям различных владетельных эмиров.

Современник отметил, что тюрки, именуемые уджами, в бою мужественны.¹ Военные обязанности уджей были сходны с задачами византийских акритов, мусульманских гази, славянских порубежников, воинов западноевропейских маркграфств и членов рыцарских орденов. Вместе с тем уджи должны были исполнять и другие функции: укреплять власть на местах; подавлять выступления населения; обеспечивать сбор податей; сопровождать посольства: “Для защиты посольства от пося-

¹ Дондуа В.Д. Басили, историк царицы Тамары.//“Памятники эпохи Руставели”. Сборник статей. Ленинград, 1938, с. 61.

гательства или насилий в пути почётный конвой отбирался из войск, стоявших на границе”.¹

Уджи являлись составной частью военной организации государства. Они относились к вспомогательному роду войск – пограничной или сторожевой лёгкой коннице. В составе уджей имелись и местные жители, которых рекрутировали в войско Сельджукидов и Ильденизидов. В Азербайджане к категории уджей принадлежала часть горожан Гянджи, Нахчывана и Хоя, о которых известно как о “храбрых воинах и хороших стрелках из лука”, как о “воителях за веру”, то есть как о *гази*. Из этих же городов обычно начинались походы и рейды Сельджукидов и Ильденизидов на соседние территории. Эмир племени, стоявший во главе отряда уджей, именовался *удж-беем* или *удж-эмиром* (эмиром уджа – территории, которую следовало охранять; или же эмиром уджей – пограничников). Удж-бей подчинялись *удж-бейлербею* или *удж-умера*, командовавшему объединённым войском уджей. В сражениях уджи не участвовали. Их функции во время военных действий являлись вспомогательными: разведка и короткие рейды, набеги и грабежи, беспокойство неприятеля на марше и на отдыхе, временное преследование бегущего противника и караулы. Военное снаряжение уджей было обычным для легкой конницы. Они пользовались боевыми порядками родоплеменного ополчения. В мирное время уджи совершенствовали военное мастерство: занимались охотой или военными играми в специальных охотничьих заповедниках, участвовали в состязаниях в стрельбе из лука, владении саблей и конём.

Когда в первой половине XI века огузы и следом сельджуки появились в государствах Кавказа – Раввадидском, Шаддадидском и Ширванском, не исключено, что они получали разрешение селиться здесь в качестве пограничной стражи и как военная сила, направленная против внешней и внутренней опасности, то есть являлись уджами и военными наёмниками. Свидетельство

¹ Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии.//Избранные сочинения, том I. Москва, 1960, с. 184. 16. Cahen Cl. La première pénétration turque en Asie Mineure.//Byzantion, t. XVIII, 1948, p. 11.

тому – связанная с уджами топонимия Азербайджана: города Уджар, Уджарлы, Уджан, селения Уджан (ныне в области Арагацотн, Республика Армения), Удж-булаг, Удж-кенди. Аналогичные топонимы отмечены и в других зонах Кавказа: Уджа-баури, Уджан-абас, Уджанис, Уджарма.

Под названием “земли уджей” в XI–XII веках стали известны области или территории расселения уджей, а вместе с тем – новая категория землепользования (разновидность военного икта). Подробно об этом сказано выше (см. раздел “Земли уджей”).

6.6. Сельджукская военная организация

Войны стали неизбежным спутником Сельджукской империи, которая родилась благодаря важной победе над Газневидами в 1040 году у местечка Данданакан, близ Мерва, в Туркменистане. Впоследствии завоевателям неоднократно приходилось отстаивать захваченные территории и утверждать своё владычество в новых областях. Кавказ и Малая Азия, Византийская империя и государства крестоносцев, Фатимидский Египет и другие регионы и страны не раз испытали на себе их военную мощь. Армия играла большую роль в жизни Сельджукского государства; война и военная добыча были одними из краеугольных камней не только политической доктрины, но и экономической политики: “Структура сельджукской армии и общества требовала завоевательной деятельности, потому что расходы на содержание этой армии могли быть изысканы только на основе территориальных отчуждений, бесконечных по своей сути, которые невозможно было предоставить в государстве, чтобы не лишиться себя жизни”. Поэтому для эпохи великих султанов Сельджукидов, в первую очередь для времени Тогрул-бека I, Алп-Арслана и Малик-шаха I, характерно единство войны и политики. Несомненно, что этот важный момент сыграл роль в реорганизации сельджукской военной системы, способствовал переходу от родоплеменного ополчения к армии нового типа. Изменение политических целей войны (завоевание, установление господства) вело к усложнению тактических и стратегических приёмов; родоплеменное ополчение для этого оказалось непригодным. Вот почему

сельджуки уделяли исключительное внимание армии, не меньшее, чем финансовым делам. Низами Гянджеви упоминает правителя, который

“Понял, что казна и войско слиты,
Казна и войско – нет другой защиты”.¹

Равенди следующим образом характеризует причины, в силу которых сельджуки вели войны: “Первая – надежда войска, воина на военную добычу; вторая – чувство возмездия, которое владеет войском в высшей степени; третья – чувство страха, овладевающее войском противника; четвёртая – надежда на мир, смягчающая намерения (врагов) и уменьшающая их ненависть”.² Вместе с тем: “Нас поражает громадный размах войн, которые велись тогда (в XI–XII веках. – *Р.Г.*), и ничтожество достигнутых результатов”.³

Военная реформа. На начальном этапе завоеваний (первая половина XI века) сельджукская армия оставалась по преимуществу родоплеменным ополчением, которое комплектовалось по принципу “от каждого племени – воинская единица”; это имело свои преимущества и недостатки. Новые задачи широкой завоевательной политики, развернувшейся после 1040 года, требовали пересмотра военной системы; появилась необходимость в регулярной армии, построенной на иных началах, воины которой, в отличие от ополченцев, были бы готовы воевать вдали от дома. Уже в “Сиасет-намэ” содержатся совет и предупреждение: “Когда всё войско одного рода, возникает от этого опасность, не бывает большого старания, происходят беспорядки. Надо, чтобы войско было составлено из разных племён”.⁴

¹ Низами Гянджеви. Семь красавиц. Перевод Ивнева Р. Баку, 1959, с. 328.

² Ravendi, s. 208–209.

³ Крачковский И.А. Усама ибн Мункыз и его воспоминания. // В кн.: Усама ибн Мункыз. Книга назидания. Перевод Салье М.А. Москва, 1958, с. 33–34.

⁴ Сиасет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-мулька. Перевод, введение в изучение памятника и примечания проф. Заходера Б.Н. Москва-Ленинград, 1949, с. 107.

Начало военной реорганизации было положено великим султаном Тогрул-беком I, который провёл ряд реформ.¹ Теперь армия состояла из следующих частей: *личное войско султана* – ядро военной организации, наиболее надёжная опора трона; *муффриды* – дворцовые гвардейцы – отборные воины, составлявшие личную охрану султана; гвардия играла немалую роль в государстве; неслучайно все династии, одну за другой, губила одна и та же болезнь – преторианство²; *вспомогательное войско* – отряды вассалов, членов сельджукской династии и родоплеменное ополчение. В армии великого султана Алп-Арслана, при котором военная реорганизация продолжалась, имелись отряды его тюркских, арабских и курдских вассалов, а также воины кавказских правителей. При новой системе комплектования феодалы получали от сюзерена владения на правах условного военного держания (икта), за что были обязаны являться с отрядом установленной численности, снаряжённым за свой счет³; *наёмное войско* – у великого султана Малик-шаха I, при котором реорганизация была завершена, служило 7 тыс. иноверных воинов, экипированных в “тюркские одежды”.⁴

Воин новой армии получал в обмен за службу условное военное держание, бывшее правом на часть доходов с земли; когда в понятие “икта” была включена земля, он стал обрабатывать её сам со своей семьёй, а феодал дробил такое условное держание между своими воинами.⁵ Так воин стал зависим от сюзерена; он порывал с родоплеменным ополчением и превращался в профессионального солдата, живущего за счёт земледельца и военной добычи. Теперь вместо формулы “от каждого племени – войско” действовал принцип “от каждого феодала – военный отряд”. Армия стала регулярной, но разноязычной и разноплеменной; и теперь её сплачивала общая надплеменная военная

¹ Rice T. The Seljuks in Asia Minor. London, 1961, p. 34; Cahen Cl. Op.cit., p. 11.

² Сиасет-намэ, с. 99; Массэ А. Ислам. Очерк истории. Пер.с франц. Москва, 1961, с. 177.

³ Sadruddin. Ahbar üd-Devlet is-Selçukiyye. Ankara, 1943, s. 39, 51, 112; İrak ve Horasan Selçukluları tarihi. İstanbul, 1943, s. 48, 92; Minorsky V. Studies, p. 23.

⁴ İrak ve Horasan Selçukluları, s. 70.

⁵ Sadruddin, s. 46; İrak ve Horasan Selçukluları, s. 59.

организация. Отныне в боевом построении отряды занимали места не по племенам, а по принципу подразделений, получавших конкретные задания. Это помогло внести в армию значительный элемент дисциплины, управлять ходом боя, в период военных кампаний действовать по единому плану. Тем не менее военная система сельджуков оставалась “смешанной феодально-племенной организацией войска”.¹

При Малик-шахе I 45 тыс. всадников были внесены в реестры военного дивана (управления), наделены икта и составили войско этого великого султана. Там, где они были размещены, им предоставили также право на *улуфэ* (фураж для государственной конницы, находящейся на постое в мирное время), и *нафак* (чрезвычайные поборы на содержание воинов или чиновников, прибывших на постой).² Существовали дополнительные расходы, достигавшие порой огромных сумм: тот же Малик-шах I ежегодно тратил на армию из казны 600 тыс. динаров. Но в целом система военных икта снимала с государства непосильное бремя и, что не менее важно, обеспечивала безопасность трона: своевременная выплата жалованья в форме доходов с земли гарантировала от недовольства и солдатских бунтов. С другой стороны, обеспечение воинов примерно одинаковым содержанием явилось попыткой получить армию с унифицированным снаряжением.

В Сельджукском государстве понятия административной области и военного округа совпадали. Наместник султана являлся одновременно начальником воинской единицы: он получал область на правах административного икта и обязан был как держатель-иктадар военной службой жалователю. Такое положение было чревато для центральной власти рядом негативных моментов; в частности, одной из причин падения эпигонов Малик-шаха I после 1092 года явилось изменение соотношения двух элементов армии: войско султана сокращалось, основная тяжесть военных кампаний легла на наместников областей (своеобразных генерал-губернаторов). Соотношение изменялось,

¹ Гордлевский В.А. Указ.паб., с. 185.

² Ravendi, s. 128; Sadruddin, s. 46.

следовательно, в пользу эмиров и военачальников, что вело к усилению центробежных сил.¹

Реформированная армия состояла из нескольких крупных военных единиц, которые порой имели на поле боя тактическую самостоятельность; это *тюмени* – десять тысяч (термин, известный тюркам еще в раннем Средневековье²). Первичной боевой ячейкой в коннице была полусотня во главе с *элли-баши* (полусотником) или *накибом*. Военачальники носили звание *сю-баши* (древний тюркский термин) или заимствованный титул *сипех-салап*. Сю-баши обычно стоял во главе тюменя.³ Начальники всех рангов не были постоянными, их обычно назначали на время похода; командные посты занимали тюрки, иногда – другие.⁴ Тюмень или армия в целом имели боевое знамя – *туз*; у отрядов были иные отличительные знаки. Боевые знамена сельджуков, как и вообще у тюрков Средневековья, были красного цвета, они находились на попечении специальных воинов – знаменосцев.⁵

Полусотни, сотни, тысячи и тюмени реформированной армии обычно не были тактическими, а только организационными единицами; тем не менее их создание явилось значительным шагом вперед. Тактическую самостоятельность на поле боя, как правило, имело войско султана или его вассалов. Правда, даже эти контингенты не всегда были установленной численности. В то же время из истории сельджукских военных кампаний известно, что тактические задачи выполняли отряды численностью до 2 тыс. конников с приданной пехотой и военной

¹ Lambton A.K.S. Contributions to the Study of Seljuk Institutions.//Цит. по: Smail R.C. Crusading Warfare. Cambridge, 1956.

² Стеблёва И.В. Поэзия тюрков VI–VIII веков. Москва, 1965, с. 94.

³ Сиасет-намэ, с. 99; Садруддин, с. 39; İbn Bibi. Selçukname. Ankara, 1941, s. 103; İrak ve Horasan Selçukluları devleti tarihi, III. Cilt. Ankara, 1952, s. 16, 29.

⁴ İbn Bibi, s. 103; Sadruddin, s. 29, 31; İrak ve Horasan Selçukluları, s. 88.

⁵ Низами Гянджеви. Искендер-намэ. Часть I. Баку, 1953, с. 145; Византийские историки, переведённые с греческого при СПб. духовной академии, 1859. Иоанн Киннам, с. 45; İbn Bibi, s. 58, 95; Nour R. L'histoire du croissant.// Revue de turcologie, t. 1/3, 1933, p. 4, 47, 49.

техникой. Войсковая единица этого разряда являлась наиболее стабильной. Отправляясь на войну с халифом ар-Рашидом Аббасидом (1135–1136), иракский султан Масуд ограничился пятитысячным отрядом; нападение на Мелитену совершил трехтысячный отряд.¹

Продолжавшее существовать родоплеменное ополчение не имело столь четкой организационной структуры; его войсковые единицы варьировались в зависимости от величины племени.

В армии была важная должность *аризов* (войсковых инспекторов) – представителей военного дивана, обычно из близких ко двору сановников, так как аризы имели влияние как на войско, так и на военачальников. Инспектированием занимались сами султаны: Малик-шах I в 1080/81 году устроил личный смотр, во время которого проверял экипировку воинов.² Армия имела полевые госпитали, укомплектованные штатом лекарей и слуг, медицинским инструментарием и лекарствами, шатрами и вьючными животными для транспортировки раненых и больных.³ Для связи со столицей существовала голубиная почта.⁴ При султанах был военный совет, состоявший из высших военных начальников и вазира; он вырабатывал утверждаемые султаном план похода, пути движения, назначал командиров подразделений.⁵ Имелись особые поставщики армии государя; специальные отряды занимались фуражировкой.⁶

¹ Ал-Фахри Мухаммад ибн Табатаба. Правила для государей и рассказы о мусульманских династиях. Перевод Холмогорова Н. // Уч. зап. Казанск. унив. по отделению историко-филол. и политико-экон. наук. Приложения, вып. 1–2, 1863, с. 350; Chronique de Michel, p. 572; Barhebraei Gregorii. Chronicon Syriacum. Ed. P. Bedjan. Parisiis, 1890, p. 225, 334.

² Irak ve Horasan Selçuklulari, s. 62, 70, 96; Histoire des Seldjucides. Extrait du “Tarikhi Guzideh” d’Hamd-allah Mustaufi. Trad. par M. Defrémery. // Journal Asiatique, t. XI, 1848, p. 442.

³ Irak ve Horasan Selçuklulari, s. 129–130.

⁴ İbn Bibi, s. 103.

⁵ İbn Bibi, s. 76.

⁶ Византийские историки. Анна Комнина. Алексиада. Часть I. Санкт-Петербург, 1859, с. 174; Никифор Вриенний, 1858, с. 33, 62; Сиасет-намэ, с. 105; Irak ve Horasan Selçuklulari, s. 226.

В мирное время войска были рассредоточены. Армия султанов и вассалов дислоцировалась по местам кормлений.¹ Во время подготовки к военным кампаниям рассылались султанские указы с приказанием явиться на пункт сбора. Обычно в течение 10–20 дней отряды собирались в общий военный лагерь, где формировались крупные подразделения, назначались начальники – от элли-баши до сю-баши; объединённой армией, как правило, командовал султан или его наиболее доверенное лицо (атабек).² Принцип единоначалия, столь характерный для сельджуков, был необходим, чтобы пресечь возможные столкновения между начальниками, а также для руководства походом и сражением. Вместе с тем принцип единоначалия являлся осуществлением на практике прав султана как сюзерена.

Рода войск. Основу армии составляла **конница**. Ал-Джахиз замечает: “Если бы ты изучил длительность жизни тюрка и сосчитал дни её, то нашёл бы, что он сидел на спине своего коня больше, чем на поверхности земли”.³ Конница делилась на **лёгкую** и **тяжёлую**. Лёгкая являлась наиболее многочисленной: восточные кочевники, в том числе сельджуки, “представляют нам образцы превосходной кавалерии, особенно лёгкой, способной к разнообразным военным операциям”.⁴ Конница была высоко мобильной, обладала быстротой маневра, могла молниеносно переходить от бегства к нападению и наоборот. “Они всегда лёгкие на бегу”, – отмечают источники; сельджуки высоко ценили кавалерию, неслучайно среди огузских пле-

¹ İrak ve Horasan Selçukluları, s. 183; Ravendi, s. 128.

² Рашид-ад-дин. Сборник летописей, том 1, книга 2. Москва-Ленинград, 1952, с. 83; Selçukname, s. 37, 47, 56, 76; İbn Bibi, s. 76, 94–95; Sadruddin, s. 112–113.

³ Мандельштам А.М. Характеристика тюрков IX века в “Послании Фатху б. Хакану” ал-Джахиза.//Труды Инст. истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР, том I, 1956, с. 291; Jahiz of Basra to al-Fath ibn Khaqan on the ‘Exploits of the Turks and Army of the Khalifate in general’. By C.T.Walker.// Journal of the Royal Asiatic Society, new series, 1915, p. 667.

⁴ Пузыревский А. История военного искусства в средние века, часть I. Санкт-Петербург, 1884, с. 143; Smail R.C. Crusading Warfare. Cambridge, 1956, p. 77, 79, 80; Van Overstraten R. Des Principes de la Guerre à Travers les Ages, t.I. Bruxelles, 1926, p. 30–31.

мен бытовало крылатое выражение: “Пешему нет надежды”.¹ Доминирование конницы объясняет также, почему сельджуки предпочитали для сражений широкие открытые равнины: полную силу лучники, составлявшие большинство в кавалерии, могли проявить лишь здесь, имея достаточный простор для того, чтобы в любой момент уклониться от боя, а затем вновь нападать, осыпая противника тучами стрел. “Плотность огня” лучников была довольно высокой и сочеталась с большой меткостью; поэтому не случайно, резюмирует Г.Дельбрюк, что “корни этого рода войск следует искать в степных странах, где оружие лучников имело столь большие преимущества, что не боялись больших трудов и усилий для приобретения необходимой сноровки в пользовании им”.²

Лёгкая конница являлась основной ударной силой, она выполняла большинство задач: прорыв, атаки с флангов, тыла, обходной манёвр, обманные движения; просачивание на стыках, рейды в глубину фронта, тыл и на территорию противника, преследование, завязывание боя; беспокойство противника на марше и отдыхе, на переправах, днём и ночью, практически в любое время года; большие и длительные марш-броски, разведка, заманивание в ловушку-засаду. Летучие конные отряды могли оставлять свой обоз на расстоянии до 30 фарсахов (около 180 км) от главных сил, что повышало их мобильность и маневренность.

Для лёгкой конницы были характерны небольшие и быстрые кони; во время атаки всадники действовали больше быстротой и неожиданностью, нежели правильностью манёвра. Верховые животные были более приспособлены для одиночного боя, для боя в рассыпном строю, преследования, чем для ведения правильной атаки сомкнутым строем, что характерно для тяжёлой конницы. Благодаря отличным коням, всадники легко

¹ Книга моего деда Коркуда. Перевод, вступительная статья и комментарий Бартольда В.В. Москва-Ленинград. 1962, с. 52; Византийские истории. Никита Хониат, том I. Санкт-Петербург, 1860, с. 44, 90; Иоанн Киннам, с. 51.

² Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории, том III. Москва, 1938, с. 161–162.

уходили от преследования, в связи с чем современник отметил: “Они бежали и ускользали, как тень”.¹ Крестоносцы очень рано поняли опасность, грозившую им от этих стрелков, старались оградить себя от неё тем, что брали к себе на службу тюрок.² Лёгкая конница появилась у них после знакомства на Востоке с сельджуками, а затем получила распространение в Европе.

В походы шли с заводными конями³, поэтому конница обладала способностью за короткое время покрывать большие расстояния и внезапно появляться там, где её меньше всего ожидали. О быстроте передвижения сельджукских конников можно судить по косвенному примеру. Когда эмиру Джавлы необходимо было срочно прибыть из Сирии в Хорасан к великому султану Сельджукиду Мухаммеду I, он со своей свитой преодолел расстояние в 360 фарсахов за 17 дней (т.е. по 120–130 км в день).⁴ Преодоление больших расстояний за сравнительно короткий срок возможно было лишь в том случае, если имелись заводные кони или устройство подстав (*ям*) на пути следования.

Тяжёлая конница, возможно, была заимствована сельджуками у Византии или крестоносцев. Она страдала малоподвижностью и не получила у них большого распространения, так как имела ограниченную зону действия и не могла достаточно быстро исполнять манёвр. Имеется упоминание также о боевых колесницах.⁵ Трудно судить, насколько они были распространены у сельджуков и являлись ли отдельным родом войск со своими задачами, скорее всего они относились к коннице. Были и боевые слоны, которых сельджуки использовали в боевых порядках лёгкой конницы и при осаде крепостей.⁶

У султанов и эмиров имелась личная дружина, которая состояла из 40 отборных воинов-джигитов, были также слуги-

¹ Иоанн Киннам, с. 48; Никита Хониат, с. 18, 39.

² Дельбрюк Г. Указ.раб., с. 120, 162, 168; Smail R.C. Op.cit., p. 64.

³ Сиасет-намэ, с. 69; Низами Гянджеви. Искендер-намэ, часть I, с.57, 348, 434, 439; часть II, с. 164, 174, 219, 228; он же. Хосров и Ширин. Баку, 1947, с. 63.

⁴ Varhebraei, p. 274.

⁵ Varhebraei, p. 233.

⁶ Varhebraei, p. 233.

оруженосцы.¹ Существовали отряды богатырей; эти отборные части обычно вступали в бой в случае крайней необходимости.² Их можно сравнить с появившимися позднее гвардейскими подразделениями.

Наряду с конницей, имелась *пехота*, которая обычно исполняла второстепенные задачи; в специфических условиях она выдвигалась на первый план. Хорошо известен один из исключительных случаев, когда тюркская инфантерия была специально использована в гористой местности – в знаменитом сражении при Мириокефале в 1176 году, где византийская армия неосмотрительно расположилась в горном дефиле, и пехота конийского султана Килидж-Арслана II (1156–1192), напав на неприятельский лагерь, блокировала его. Византийская конница, запертая на небольшом пространстве, не имела возможности манёвра, а тюркская пехота тем временем с господствующих высот легко расправилась с противником. В этом сражении конийская конница исполняла вспомогательные функции: она контролировала выходы из горной долины и преследовала бегущих.³

Конные части комплектовались преимущественно из кочевников; пехота в основном состояла из земледельцев. В первой половине XI века в сельджукском войске известен *хашар* – пешее крестьянское ополчение.⁴

Стратегия и тактика. Хотя военная организация была реформирована, её иррегулярный характер остался. Это особенно чувствовалось в стратегии и тактике, следствием чего являлось постоянное желание избегать фронтальных атак. Вместе с тем тюркская тактика была “естественным выражением общего правила поведения: прежде чем безвозвратно ввергнуть себя в сражение, армия должна использовать любое возможное преимущество перед противником”.⁵

¹ Книга моего деда Коркуда, с. 51, 52, 64, 103; Ibn Bibi, s. 103.

² Низами Гянджеви. Искендер-намэ, часть I, с. 70–75, 373; Sadruddin, s. 111, 113; Ravendi, s. 211.

³ Barhebraei, p. 352.

⁴ Заходер Б.Н. Хорасан и образование государства сельджуков.//Вопросы истории, 1945, № 5–6, с. 141.

⁵ R.C.Smail. Op.cit., p. 83.

Характерными чертами стратегии являлись распространение слухов о своей непобедимости, предварительная разведка, внезапность нападения, применение манёвра, стремление к выигрышу в войне путём полного разгрома неприятеля. Поэтому важнейшим стратегическим принципом – главной формой ведения войны – являлось наступление, а одним из основных положений было непрерывное преследование противника вплоть до полного его уничтожения, то есть *стратегическое* преследование, столь присущее реорганизованной армии; оно велось без ограничения во времени и территории. *Тактическое* преследование, бывшее частичным и недолгим (до наступления темноты, до определённого пункта), было больше свойственно родоплеменному ополчению.

Для многолетних сельджукских военных кампаний была характерна предварительная подготовка стратегических баз, являвшихся исходным пунктом крупных акций. В начале сельджукского завоевательного движения – с 1040 года – такой базой стал Хорасан, что позволило завладеть Ираном и южными областями Азербайджана. Затем, с середины XI века, основной базой становится Азербайджан, откуда начинались вторжения в другие части Кавказа и Византийскую империю. После 1064 года, когда был захвачен город Ани, он превращается в центр по подготовке решительных операций против Византии. Иракские султаны и их атабеки Ильденизиды создали во второй половине XII века в городе Нахчыван опорную базу для борьбы с Грузией.

Военные действия велись одновременно на нескольких направлениях; применялась также система радиальных рейдов с последующим возвращением на опорную базу. В частности, этот метод был применён сельджуками против Грузии во второй половине XI века. Уже у первого великого Сельджукида Тогрул-бека I существовал стратегический план завоеваний; об этом свидетельствует распределение между *тегинами* (принцами) и эмирами территорий, которые ещё предстояло завоевать.¹ Военнопленных и местных жителей обращали в рабов.

¹ Sadruddin, s. 12; Irak ve Horasan Selçuklulari, s. 5–6; Ross D. Aldred Lectures on Nomadic Movement in Asia. London, 1929, p. 29; Cahen Cl. La Première Penetration, p. 10, 35.

Часть их оставалась в хозяйстве завоевателей, а большинство предлагалось на продажу на невольничьих рынках.¹

Тактика была разнообразной и подчинялась стратегическому замыслу. Наиболее характерными являлись окружение противника и его завлечение в ловушку-засаду – обычный для сельджуков метод ведения боя; поэтому они почти всегда в боевом построении за счёт слабого центра имели сильные крылья-фланги. В эпохально важной для сельджуков и мировой истории Средневековья битве при Манцикерте в 1071 году Алп-Арслан разделил центр своей армии на четыре части и укрыл в засаде. Когда воины византийского императора Романа IV Диогена бросились в погоню за притворно побежавшим сельджукским отрядом, последний направился к пустующему центру своих боевых порядков, и затем ловушка захлопнулась. Части рассредоточенного центра вышли из засады и совместно с остальными разгромили противника. Тот же приём был успешно применён военачальниками эмира Нур ад-Дина Зангида во второй половине XII века – Ширкухом и Салах ад-Дином (знаменитым Саладином) – при завоевании Египта: они позволили объединённым силам фатимидского халифа и крестоносцев прорвать заведомо слабый центр своих боевых порядков, а затем крылья сомкнулись. В результате, двухтысячный тюркский отряд одолел противника, превосходившего его впятеро. Грандиозной засадой-ловушкой явилось сражение при Мириокефале в 1176 году, когда византийская армия во главе с императором Мануилом I Комниным была завлечена в горное дефиле и заперта. Положение было настолько катастрофическим, что император предпочёл сдаться на милость победителя – конийского султана Килидж-Арслана II.²

При многоступенчатой засаде войско делилось на три части, которые находились в укрытии, на определённом расстоянии одна за другой. Когда передовые отряды, завязав бой, отходили

¹ Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского. Москва-Ленинград, 1958, с. 45, 50; Michel le Syrien, p. 572, 632, 648.

² Никита Хониат, с. 230–242; Barhebraei, s. 333-334; Irak ve Horasan Selçuklulari, s. 40; M.Hamidullah. The map of the Malazgird.//Islamic Culture, vol. XIX/3, 1945.

назад, то навели преследователей на первую засаду. Если она не выдерживала натиска, то отходила в направлении следующей; в случае поражения второй засады начинала действовать третья, которая обычно успешно заканчивала сражение.¹

Характерным тактическим приёмом было стремление бить противника по частям. В битве при Манцикерте Алп-Арслану удалось навязать византийской армии свою тактику, и бой начался до подхода основных неприятельских сил. Это помогло сельджукам и обеспечило успех на заключительном этапе.²

Сельджуки широко пользовались тактикой партизанской войны; для небольших отрядов это являлось основным способом ведения военных действий, для крупных соединений – вступлением к бою. Если неприятель устраивал лагерь в неудобном (с оборонительной точки зрения) месте, то сельджуки не медлили с нападением. При этом они “не нападают все вместе, целым строем, фалангами, но отдельными отрядами, находящимися на некотором расстоянии один от другого. Каждый из таких отрядов должен был быстро нестись на неприятеля и бросать в него тучи стрел”.³

С целью дезориентации противника совершались ночные ложные передвижения. Для середины XII века засвидетельствован следующий манёвр: перед началом сражения с халифом ал-Муктафи Аббасидом сельджукские воины пустили вперёд стадо скота, которое расстроило боевые порядки противника; следом, в образовавшиеся бреши, ринулись всадники, легко одолевшие дезорганизованного неприятеля. При необходимости конница спешно перебрасывала пехоту к месту боя, что часто решало судьбу встречи.⁴

Для изматывания сил противника создавали “зону пустыни”. Так, великий султан Сельджукид Тогрул-бек I приказал заразить все колодцы на пути движения газневидского султана Масуда

¹ Анна Комнина, с. 29–30; Никифор Вриенний, с. 134–135.

² Michel le Syrien, p. 639.

³ Иоанн Киннам, с. 57; Анна Комнина, с. 29; Michel le Syrien, p. 631, 715; Ravendi, s. 99

⁴ Анна Комнина, с. 288; Сахаров В. История конницы. Санкт-Петербург, 1889, с. 59; Irak ve Horasan Selçuklulari, s. 216.

I. Конийский султан Сельджукид Килидж-Арслан II, отступая перед византийской армией, распорядился “сжигать селения, а также всё то, что могло пригодиться для пропитания людей и животных; заражать водоёмы, источники и колодцы, бросая в них трупы людей, собак, ослов и всякую гниль и нечистоты”; гарнизонам крепостей было приказано при отступлении всё сжигать, а стены разрушать.¹

Сельджуки пользовались услугами посредников. Когда гражданская война между великими султанами Сельджукидами Бёркийаруком и Мухаммедом I зашла слишком далеко и стоила многих жертв, в 1102 году третьи лица помогли братьям-соперникам прийти к полюбовному соглашению. Иракский султан Сельджукид Мухаммед II в 1157/58 году осадил Багдад и одновременно направил к халифу ал-Муктафи посредников со своими условиями. Стороны не сумели найти общий язык, а неприступность багдадских стен заставила Сельджукида уйти ни с чем. В необычной для себя роли посредника выступил атабек Азербайджана Шамс ад-Дин Ильдениз, который пытался примирить иракского султана Арслан-шаха и грузинского царя Георгия III.²

Боевое снаряжение было разнообразным: секиры, деревянные и железные палицы, сабли и палицы-шестопёры, прямые кинжалы и булавы, боевые топоры и дротики, пики и пращи, лук и стрелы, копья. Оружие феодалов было лучшего качества и нередко имело отличительные знаки и украшения. У иракского султана Тогрула III была булава с набалдашником в форме бычьей головы.³

В армии имелись метатели нефти; горшки с горючим составом забрасывали в осаждённые города и крепости также при помощи баллист. Мастера огня, в частности, были использованы во время вторжения в Азербайджан и Абхазию в 1067/68 году; в густых лесах прожигали просеки для армии, уничтожали

¹ Никита Хониат, с. 229; Michel le Syrien, p. 631, 715; Ravendi, s. 99.

² История и восхваление венценосцев. Перевод Кекелидзе К.С. Тбилиси, 1954, с. 26; Michel le Syrien, p. 638, 711, 725; Irak ve Horasan Selçuklulari, s. 230, 237.

³ Рашид ад-Дин, том I, книга 2, с. 101.

растительность вокруг осаждённых крепостей с тем, чтобы конница получила возможность для маневра.¹ Нефть получали из бакинских источников; о её добыче и вывозе из района Баку было известно на Востоке задолго до сельджуков. Города Кавказа, в первую очередь Баку, Гянджа, Дербенд, Тифлис, поставляли также сельджукам отличное оружие.²

Из всех видов боевого снаряжения сельджуки отдавали предпочтение луку и стрелам, которые оставались основным оружием лёгкой конницы. Боевой колчан вмещал около 90 стрел с железными наконечниками; стрелы изготовляли из тростника и берёзы. Имелись трёхпёрые, двойные и двурогие стрелы, а также особые, пробивающие щит и панцирь. Луки были осиновые и из рогов козла, на тетиве имелось специальное кольцо для её оттягивания.³ Арабский автор отмечает, что тюрки очень меткие стрелки из лука, они точно попадают в цель на полном скаку, из любого положения, одинаково хорошо стреляют, “гоня своего коня во весь опор, назад и вперёд, вправо и влево, вверх и вниз”. Сельджукские лучники славились в Передней Азии; у византийского императора Мануила I Комнина имелись наёмные отряды этих стрелков. Обычно они находились впереди боевых порядков и поражали воинов и коней противника. Отличными стрелками из лука зарекомендовали себя жители Нахчывана и Гянджи.⁴

Защитное снаряжение дополняло вооружение воина и было разнообразным: кольчуги и щиты, двойные кольчуги и “одеяния с крепкими надплечниками”, шлемы с подвижным забралом и панцири, боевые пояса. У сельджуков имелись крупные отряды

¹ Sadruddin, s. 30.

² Вторая записка Абу Дулафа. Перевод Булгакова П.Г. и Халидова А.Б. Москва, 1960, с. 36; Hudud al-Alam. Transl. By V.Minorsky. London, 1937, p. 145; Миклухо-Маклай Н.Д. Географическое сочинение XIII века.//УЗ ИВ АН СССР, том IX, 1954, с. 197–198, 202–203, 205, 208; Ашурбейли С.Б. История города Баку. Средневековый период. Баку, 2006, с. 97.

³ Книга моего деда Коркуда, с. 72, 87; Никита Хониат, с. 252; Низами Гянджеви. Искендер-намэ, часть I, с. 389–390; Sadruddin, s. 29.

⁴ Миклухо-Маклай Н.Д. Указ.раб., с. 208–210; Иоанн Киннам, с. 83; Мандельштам А.М. Указ.раб., с. 230; Jahiz of Basra, p. 666.

по несколько тысяч всадников, одетых в металлические доспехи. Возможно, это была тяжелая конница. Знатный тюрк и его конь были защищены металлическим панцирем. В 1035 году газневидский султан Масуд I преподнёс сельджукским предводителям Тогрул-беку, Чагры-беку и Арслан-Пейгу, по тюркскому обычаю, золотые пояса. Воины использовали пояса, “наводившие страх на врага”, для ношения предметов вооружения и для защиты живота. Дворцовый гулям на второй год службы получал вместе с тюркским конём и уздой “простой ремень”.¹

У великого азербайджанского поэта и мыслителя, современника сельджуков Низами сохранилось описание экипировки тяжеловооружённых всадников в Азербайджане в XII – начале XIII веков². Из всех видов их доспехов чаще говорится о кольчугах; шею и лицо защищала кольчужная бармица, ниспадавшая со шлема; сами шлемы были в основном цельные, из железа или склёпаны из бронзы и железа; дополняли это защитное снаряжение наплечники и боевой пояс, предохранявшие плечи и живот; для усиления защиты под кольчугу часто надевали кафтаны из плотного шёлка. Иногда доспехи были комбинированными: поверх кольчуги надевали панцирь из железных пластинок, нашиваемых на мягкую основу. Завершал защитное снаряжение щит, по форме круглый, изготовленный из дерева и обтянутый кожей. Тяжелую броню надевали и на коня. Вооружение тяжеловооружённого всадника состояло из меча, кинжала, копья, дротика, палицы или булавы, лука и стрел. В сражении он применял своё разнообразное оружие поэтапно: на начальной стадии использовал метательное оружие – лук и стрелы, дротик; против доспехов применяли двух- и трёхгранные стрелы; наконечники стрел и дротиков были отравленные. На следующем этапе сражения в ход шло тяжёлое и длинное копье – оружие таранного

¹ Книга моего деда Коркуда, с. 30, 51, 69, 78, 86–87; Рашид ад-Дин., том I, книга 2, с. 101; Низами Гянджеви. Семь красавиц, с. 236; Сиасет-намэ, с. 110; Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.//Соч., том I. Москва, 1963, с. 370; İrak ve Horasan Selçukluları, s. 216, 236; Michel le Syrien, r. 592, 610, 619; Sadruddin, s. 81.

² Юнусов А.С. Экипировка тяжеловооружённых всадников в Азербайджане в XII – начале XIII веков.//ДАН Азербайджана, 1983, том XXXIX, № 2.

действия, оно имело листовидный или четырёхгранный наконечник. В рукопашном бою тяжеловооружённый всадник использовал свой тяжёлый меч, который мог быть и двуручным, а также тяжёлую булаву и палицу.

Боевая техника состояла из различных сооружений, приспособлений и механизмов. Баллисты, метавшие камни и горшки с горящей нефтью, были большие – **манджаники** и малые – **аррадэ**; иногда источники упоминают метательные аппараты особенно крупных размеров.

Манджаники были нескольких типов: **арус** стрелял на четыре стороны, то есть имел круговое вращение; **див**, **кашкаджир** и **хуфтех** (наклонный), **раван** (подвижной). Известен **тюркский манджаник** (сохранились его рисунок и описание), один из простейших типов метательного аппарата. При помощи ковша и системы конопляных канатов он метал камни на расстояние до 90 м. Такой манджаник был несложен в обращении и обслуживании, не требовал особых забот и обеспечения.¹

Аррадэ являлся лёгкой метательной машиной, отличной от собственно манджаника; он был заимствован через арабов у византийцев и представлен несколькими типами: **хуфтех**, также **раван** – наиболее часто упоминаемый, с ним ассоциируется **аррадэ гардан** (вращающийся); имелся также **аррадэ йакрун** (неподвижный).² Из стенобитных машин известны были **карак** – род тарана и **диваркан** – разрушитель стен.³

Сельджуки широко пользовались боевой техникой как в наступлении, так и при обороне. При осаде Манцикерта в 1064 году Алп-Арслан применил манджаники; Малик-шах I в 1078/79 году расположил баллисты против стен Самарканда. Иракский султан Мухаммед II при осаде в 1156/57 году Багдада установил метательные аппараты на суше и на крупных парусниках, курсировавших по Тигру.⁴ Применяли осадные дере-

¹ Cahen Cl. Un Traité d'Armurerie Compose pour Saladin.//Bulletin d'Etudes Orientales, t.XII, 1947–1948, p. 39–40.

² Низами Гянджеви. Искендер-намэ, часть I, с. 253, 258; Cahen Cl. Un Traité, p. Cahen Cl. Un Traité, p. 161.

³ Irak ve Horasan Selçuklulari, s. 228; Ravendi, s. 125, 256, 257.

⁴ Ravendi, s. 125.

вянные башни, обитые железом; на верхней площадке такого сооружения ставился навес из войлока, смоченного уксусом, для защиты воинов, которые пускали стрелы и метали горшки с нефтью. Если сельджуки сами оборонялись, они использовали эти башни против осаждавших.¹

Были известны штурмовые и десантные суда, на которых совершали набеги на приморские области противника. Морской пират тюркский эмир Чаха на таких судах грабил черноморское побережье Византии; он же пытался в сговоре с печенегами осадить Константинополь с суши и с воды. Его суда были гребными; во время боевого построения их связывали железной цепью, чтобы не нарушать принятого порядка.²

Военный лагерь. “Расположиться лагерем” терминологически имело два значения: лагерем называли военную ставку, а также армейский бивак. В походах не только воины, но и предводители жили в шатрах; султан и военачальники находились в центре лагеря. Завладев городом, сельджуки первое время проводили вне его стен, в своём военном лагере.³ В городе узкие улицы затрудняли действия конницы, вне его можно было быстро произвести необходимый манёвр.

Походный порядок. Движение армии на марше было регламентировано: во главе шел **авангард**, из состава которого вперёд выдвигался **караул** (сторожевое охранение); он должен был вовремя предупредить главные силы о появлении противника, чтобы они успели развернуть боевые порядки. Караулы выставляли также на биваках. За авангардом двигались **главные силы**, при которых находились султан со свитой и приближёнными, казна и канцелярия, а также обозы с амуницией и продовольствием, военная техника и госпитали. Слева и справа от глав-

¹ Анна Комнина, с. 292, 347, 411; Michel le Syrien, p. 677; Sadruddin, s. 27–28.

² Анна Комнина, с. 345, 347–348; Michel le Syrien, p. 630, 697; Sadruddin, s. 25; İrak ve Horasan Selçuklulari, s. 228–229; Ravendi, s. 125, 256–257; Selçukname, s. 28; İbn Bibi, s. 44, 59, 66, 95.

³ Иоанн Киннам, с. 42–43, 57, 329; Рашид-ад-дин, том I, книга 2, с. 101; Sadruddin, s. 9, 40, 42, 87; İbn Bibi, s. 66; İrak ve Horasan Selçuklulari, s. 36, 53–54; Michel le Syrien, r. 572, 605, 624.

ных сил шли *караулы*. Замыкал шествие *арьергард*, от которого выделяли *тыловые дозоры*. Если не было заводных коней, то всадникам случалось на походе идти пешими, чтобы дать отдых их верховым животным; если же требовалось срочно совершить марш, то вместе с всадниками на конях передвигались и пехотинцы. Армия на марше шла компактной массой, “так как не было разрешения, чтобы кто-либо отставал”.¹ Существовал специальный военный термин-команда “*Гош!*”, означавший выступление в поход (см. в гл. VII). В большие походы отправлялись “всем табором”, с семьями, имуществом и скотом.² Но в зоне военных действий обычно не было обозов, их оставляли в стороне, чтобы они не мешали манёвру.

Боевой порядок был глубоко эшелонированным и обладал значительной ударной силой и устойчивостью. Он включал пять основных элементов: *макадама* – авангард, во главе которого находился начальник и знамя, от авангарда высылался *караул* – боевой дозор; *меймена* – правое крыло, *мейсера* – левое крыло, то есть фланги; *сака* – арьергард, являвшийся также *резервом*; *калб* – центр, здесь находились султан и военачальники.³ Пятичленное деление войска было, вероятно, заимствовано у арабов и являлось для сельджуков образцом. Вместе с тем, в зависимости от конкретных условий, они избирали наиболее рациональное боевое построение. Одновременно следует отметить, что у восточных народов, в том числе у тюрок, “боевые порядки в высшей степени замечательны тем, что в основании всех их лежит идея *резерва*; это одно уже показывает, насколько тактическое искусство было выше у азиатских народов по сравнению с состоянием его у их европейских современников, среди которых крайнее развитие индивидуализма свело всю тактику к еди-

¹ Рашид-ад-дин, том I, книга 1, с. 84–85; Низами Гянджеви. Искендер-намэ, часть I, с. 63, 75, 152, 374, 384; Иоанн Киннам, с. 65; Кононов А.Н. Родословная туркмен, с. 68; Sadruddin, s. 42; Irak ve Horasan Selçukluları, s. 39, 226.

² Кононов А.Н. Родословная туркмен, с. 43; Irak ve Horasan Selçukluları, s. 214–216, 266.

³ Низами Гянджеви. Искендер-намэ, часть I, с. 154, 370; Книга моего деда Коркуда, с. 58; Ravendi, s. 341; Sadruddin, s. 9, 21, 28, 39, 42; Les Rrolegomenes d'Ibn Khaldoun. Trad.par M.De Slane. Paris, 1936, 2-ème partie, p. 78.

ноборству; дисциплина войск и *управление ими* в бою, постепенное ведение боя с употреблением войск задних линий, также резерва, служившего и для отражения разных случайностей, давали возможность полководцу восточных народов проявить вполне своё искусство, свои таланты и направлять свои силы к достижению общей цели”.¹

Как регулярная армия, так и родоплеменное ополчение пользовались следующими построениями: *колонна-клин* – для атаки и на походе; *рассыпной строй* – для боя, преследования и отхода; *расчленение* по фронту на крылья – для боя; ополчением применялся и пятичленный боевой порядок.²

Современник сельджуков свидетельствует, что реорганизованная армия имела два строя: *сплошной и прерывистый* (рассыпной). Сплошной строй мог быть в линию, дугой и треугольный; он применялся в случае, если конница лишена возможности маневра, но части боевого пятичленного порядка сохраняются. Наилучшим считалось построение треугольником, причём уступом назад: два отряда впереди, один оттянут в глубину фронта. Прерывистый строй был пригоден, когда конница находилась на открытом пространстве и имелась возможность поотрядного построения, без соблюдения пятичленного боевого порядка.³

Для сражения рекомендуется избирать место, где части армии могут поддерживать между собой визуальную и звуковую связь; вместе с тем предпочтительны ровные открытые пространства. Части армии стараются отличиться в ходе сражения. Полководец должен располагать сведениями об основном роде войск и вооружении неприятеля, тогда он правильно выберёт место для сражения, придерживаясь следующих принципов⁴:

- если ты конный, а враг – пеший, вступай в бой на открытом пространстве; свою конницу построь в форме вогнутой дуги, чтобы охватить пехоту противника кольцом; на своих флангах надо иметь пехотинцев;

¹ Пузыревский А. Указ. раб., с. 143; Сахаров В. Указ. раб., с. 60.

² Росляков А.А. Очерки военного искусства туркмен (рукопись). Ашхабад, 1947, с. 338–344.

³ Ravendi, s. 209–210.

⁴ Анна Комнина, с. 349; Ravendi, s. 210–211; Sadrudin, s. 128.

- если ты пеший, а враг – конный, для сражения избери узкое и обрывистое место. Построение – в линию, за своей пехотой находится конница; пехотинцы должны препятствовать прорыву вражеской кавалерии, а свои конники выполняют вспомогательные задачи на флангах;
- если коннице противника удалось навязать бой на открытом, невыгодном для пехоты месте, следует занять круговую оборону и стремиться не к сражению, а к заключению мира;
- если ты исключительно конный, а противник – только пеший, всадников следует группировать поотрядно, расположиться подальше от неприятеля и остерегаться ночного нападения на свой бивак. Во время атаки необходимо бесшумно нападать всеми отрядами одновременно с нескольких сторон;
- если у обеих сторон однородное войско, то боевой порядок напоминает дугу: одно крыло противостоит атаке, хитростям и тайному умыслу противника; другое крыло должно принести победу; центр пребывает в готовности помочь крыльям. Отборные воины спешат туда, где ощущается необходимость в подмоге;
- если у противника имеются боевые слоны, необходимо подготовить против них западни и устрашающие орудия; для обеспечения тыла надо вырыть волчьи ямы. Перед своими боевыми порядками нужно создать небольшие пахучие болотца, ибо слоны, почуяв запах свежей грязи, остановятся. Против них следует применять губительные стрелы, захватить или уничтожить погонщиков, отсекать от слонов воинов, ибо животные без этого эскорта не идут вперед.

Разведка являлась одним из этапов подготовки к вторжению и сражению. После анализа добытых сведений на военном совете принимали решение о способе действий. Разведкой предписывалось заниматься всем: купцы и паломники, послы и посредники должны были служить сюзерену. Посол, отправленный с мирными предложениями, “должен быть пронырливым и

уметь красиво говорить и любить (своего) государя, чтобы выявить хорошие и дурные стороны армии неприятеля, разузнать о доходах и расходах”. Накануне сражения при Манцикерте (1071 год) Алп-Арслан отправил к Роману IV Диогену посла для переговоров; основной задачей его было разузнать состояние византийской армии и её лагеря. В войске Иракского султаната имелись специальные лазутчики для разведки во вражеском стане. Осведомительные функции исполняли послы иракского султана Арслан-шаха, направленные к грузинскому царю Георгию III; им поручили добыть сведения военного характера, в частности, выяснить дислокацию грузинской армии. Источник указывает, что посланец султана, явившийся в Грузию, был “человеком хитрым и коварным и знатоком своего дела”.¹

Сражение обычно начинали на заре и прекращали с заходом солнца. Ночь была союзницей набегов и грабежей. Даже окружённого противника предпочитали добывать с наступлением дня. Ночные бои являлись исключением и диктовались особыми обстоятельствами.²

Бой начинали передовые отряды лёгкой конницы из авангарда или богатыри, вступавшие в традиционное единоборство с богатырями противника. Слова источника о том, что “без разрешения вторгаться в среду врагов в нашем народе – позор”, подтверждают наличие воинской дисциплины. Руководство боем осуществлялось при помощи распоряжений, отдаваемых через гонцов, а также визуальной и звуковой связи (в последнем случае использовали медные трубы – тюркский *най*; большие и малые боевые *барабаны*, в которые били ремнями). В атаку шли с боевым кличем – *уран*, у сельджуков это был *кёк бёри!* (*сивый волк*). Источник сообщает, что военачальник перед сражением “сошёл со своего коня, чистой (водой) совершил омовение, вспомнил Мухаммеда, чьё имя славно”, затем издал боевой клич, пустил коня, понёсся навстречу врагу; громко забили бара-

¹ История и восхваление венценосцев, с. 25; Низами Гянджеви. Искендернамэ, часть I, с. 63; Ibn Bibi, s.61; Ravendi, s. 209; Irak ve Horasan Selçuklulari, s. 39.

² Michel le Syrien, p. 546–648.

баны, заиграли медные трубы. Всадники сражались не только верхом (при этом у коней подвязывали хвосты), но и в пешем строю; в последнем случае они коротко привязывали щиты к руке и орудовали саблями. Даже отступая, сельджуки с боем покидали поле битвы.¹

Сражение состояло из ряда этапов. *Первый* – преднамеренное бегство с целью расстроить ряды атакующих или навести на засаду-ловушку; *второй*, – когда “бегство” достигло своей цели, всадники внезапно поворачивали и контратаковали. Если же основной задачей являлось завлечение в ловушку, то на втором этапе происходило окружение преследователей. Выполнение столь сложного манёвра, как мгновенный переход от бегства к нападению, свидетельствует о высокой боевой выучке: такой манёвр приходилось выполнять на всём скаку, не теряя своего построения и под непосредственным воздействием противника. Образцом развёртывания сражения является бой 1163 года около Нахчывана между атабеком Азербайджана Шамс ад-Дином Ильденизом и грузинским царем Георгием III. Армию Иракского султаната, которой командовал Ильдениз, разделили на три части. Первая должна была начать бой; вторая находилась в резерве, подбадривая своим присутствием первую и деморализуя неприятеля; третья часть состояла из отборных воинов, здесь же находился руководитель сражения Шамс ад-Дин Ильдениз. Грузинская армия придерживалась традиционной схемы: развёрнутый по фронту боевой порядок с делением на центр и крылья. Бой завязался на заре. Когда под напором противника первая часть армии Ильдениза дрогнула, на помощь пришла вторая. Вскоре в сражение вступила третья часть во главе с атабеком, стараясь окружить грузинские силы. Но Георгий III при помощи ловкого манёвра избежал окружения и отступил.

¹ Книга моего деда Коркуда, с. 30, 52, 57, 71, 107; Щербак А.М. Огуз-намэ. Мухаббат-намэ. Москва, 1959, с. 32; История и восхваление венценосцев, с. 61; Анна Комнина, с. 30; Никифор Вриенний, с. 65; Низами Гянджеви. Искендер-намэ, часть I, с. 55, 64, 70–75, 77, 88, 143, 154, 371, 373; ч. II, с. 183, 198, 201, 268; он же. Хосров и Ширин, с. 95; Michel le Syrien, p. 637; Ibn Bibi, s. 80; Sadraddin, s. 34; Irak ve Horasan Selçuklulari, s. 50, 149; Selçukname, s. 25.

К полудню всё было кончено: Шамс ад-Дин Ильдениз одержал победу, взял пленных и богатую добычу.¹

Сражение 1163 года около Нахчывана было образцом глубоко эшелонированного боевого порядка, при котором свежие силы последовательно вводились в бой, в то время как грузинская армия, развёрнутая по фронту, с небольшой глубиной эшелонирования, не располагала резервом. Таким образом, боевое построение сообразно поставленной задаче и конкретным условиям обеспечило атабеку Азербайджана успех. Впервые такая атака последовательными волнами засвидетельствована для сельджукской эпохи в 1037/38 году, когда в сражении с газневидским наместником Нишапура сельджуки поотрядно входили в бой.²

О победе принято было извещать дружественных государей и халифов Аббасидов, делать подарки. Конийский султан Килидж-Арслан II после разгрома византийской армии в 1176 году “разослал халифу Багдада и султану Ирака рабов и слуг, оружие, головы ромеев и их волосы на копьях, и они возили их по улицам на крупах своих коней и радовались”.³ Не был чужд тюркам рыцарский этикет: когда могущественный эмир Гази Данишмендид узнал о кончине графа Эдесского Жоселена (1131 год), то велел передать своё соболезнование и сообщить о временном прекращении военных действий.⁴

Осада городов и крепостей. Основной приём осады – разрушение стен и уничтожение живой силы противника. Помимо метательных и стенобитных машин, использовали насыпи, башни, с которых лучники, пращники и метатели нефти поджигали строения и уничтожали неприятеля. Если осадённый объект находился у воды, то осаду и штурм вели одновременно с суши и с акватории: на крупных парусниках устанавливали баллисты; суда доставляли воинов прямо к стенам. Применяли осадные лестницы; конница шла на штурм в пешем строю; на крепостных стенах обычно действовали при помощи булав и

¹ Рашид-ад-дин, том I, книга 2, с. 83; Sadruddin, s. 112–114.

² İrak ve Horasan Selçukluları, s. 4.

³ Michel le Syrien, p.716; Ibn Bibi, s. 60, 65.

⁴ Michel le Syrien, p. 613.

лёгкого оружия. В знак захвата города или крепости на их стенах вывешивали своё боевое знамя.¹

Во время похода 1063 года в Грузию великий султан Алп-Арслан приказал обложить одну из башен осаждённой крепости дровами и поджечь; нестерпимый жар и удушливый дым согнали воинов с крепостных стен, на которые немедленно взобрались по штурмовым лестницам сельджуки. В 1136 году эмир Мухаммед ибн Гази Данишмендид приказал перекрыть русло реки у города Мараша; под угрозой затопления осаждённые сдались. Города и крепости брали и иным способом. Так, в 1144 году эмир Имад ад-Дин Занги осадил Эдессу. Боевая техника не принесла успеха, тогда устроили подкопы под двумя башнями и стеной. Для того чтобы они не рухнули преждевременно, под стену и башни подвели деревянные стойки-опоры. Когда осаждённые отклонили предложение о сдаче, опоры были подожжены, башни и часть стены обвалились под собственной тяжестью, открыв доступ в город.²

Если осада затягивалась до зимы, сельджуки не прекращали военных операций, а готовились к новым условиям кампании. Когда конийский султан Килидж-Арслан II осадил Мелитену, но не сумел её захватить до наступления холодов, его воины построили кирпичные дома, в которых перезимовали у стен города; для султана были сооружены большие дома из каменных надгробий, “заимствованных” с соседнего христианского кладбища.³

Даже будучи осаждёнными, сельджуки вели активную оборону, предпринимая вылазки с тем, чтобы не допустить правильной осады неприятелем и уничтожить его технику. Они обвешивали стены мешками с соломой, сыромятной кожей и “всякими покровами”, ослабляя этим разрушительные действия метательных и стенобитных машин; строили деревянные башни, с которых осыпали осаждавших стрелами. На стенах

¹ Анна Комнина, с. 411; İrak ve Horasan Selçukluları, s. 228–229, 232; Sadruddin, s. 24–25; Ravendi, s. 125, 256–257; Michel le Syrien, r. 630, 697; İbn Bibi, s. 44–45, 58–59, 63, 66–67, 75; Selçukname, s. 28, 95.

² Никита Хониат, с. 27; Sadruddin, s. 28–29; Michel le Syrien, r. 629, 630, 710; Barhebraei, p. 305–308.

³ Michel le Syrien, p. 717.

устанавливали манджаники и аррадэ, чтобы нейтрализовать и подавить машины осаждавших.¹

Преодоление водных преград. Сельджуки умели наводить на реках понтонные мосты, используя лодки и парусники; водные преграды преодолевали на судах и наполненных воздухом бурдюках, а также вплавь. Обычно всадник плыл за конём, держа за его хвост; отмечен случай, когда воин на щите, как в лодке, преодолел реку, рядом плыл его конь, обнаженная сабля заменяла руль. В 1067/68 году великий султан Алп-Арслан вместе с армией вплавь преодолел Араз; в 1071 году он форсировал Евфрат на коне, как и остальные воины. Конийский султан Сулейман-шах (1196–1204) вместе с армией вплавь переправился через Евфрат. Правивший в Гяндже Сельджукид Махмуд велел навести на Куре понтонный мост, по которому прошла его армия.²

Военное мастерство. Сельджуки придавали большое значение боевой выучке воинов, которые должны были в совершенстве владеть личным оружием, конём, слушаться команды, знать своё место в сражении. Источники отмечают вместе с тем мастерство военачальников, в частности, великих султанов Сельджукидов Тогрул-бека I, Алп-Арслана и Малик-шаха I, атабеков Азербайджана Шамс ад-Дина Ильдениза и его сыновей Джахан-Пехлевана и Кызыл-Арслана, эмиров Гази Данишмендида, Имад ад-Дина Занги.

В перерывах между военными кампаниями армия совершенствовала своё мастерство; одним из основных методов являлась охота, занимавшая большое место в жизни тюркского общества. “Охота, – свидетельствует ал-Фахри, – серьёзное занятие; объемлет много значительных выгод, высшая из которых – упражнение ратников в скачке, в нападениях, в набеггах, в искусстве приучаться к верховой езде, метать дротики, бить саблями и булавой... Другая выгода охоты заключается в испытании коней”.³

¹ Анна Комнина, с. 292, 347; Michel le Syrien, p. 677.

² Никита Хониат, с. 249; Sadruddin, s. 25, 32, 96; Selçukname, s. 24; İrak ve Horasan Selçukluları, s. 44, 229.

³ Ал-Фахри, с. 61; Книга моего деда Коркуда, с. 17; Кононов А.Н. Родословная туркмен, с. 41, 42, 62–63; Низами Гянджеви. Искендер-намэ, часть I, с. 280; İrak ve Horasan Selçukluları, s. 102.

Охотничьи заповедники для военных игр сельджуков находились в ряде стран Передней и Центральной Азии, в том числе в Азербайджане, Дагестане, Грузии.¹ Помимо охоты, проводили состязания в стрельбе из лука, в искусстве владения саблей. Для стрельбы устанавливали столбы высотой в 40 кулачей (*кулач* – мера двух рук, вытянутых в длину; сажень маховая), на их вершине имелись изображения куриц. Всадник на полном скаку должен был поразить мишень; метких лучников щедро одаривали.²

Исходя из выжеизложенного, можно заключить, что военная организация сельджуков являлась для своего времени достаточно боеспособной и выгодно отличалась от военных систем других народов. Это было важным фактором, который, наряду с другими, позволил сельджукским завоевателям установить своё господство на обширных пространствах Центральной и Передней Азии, в том числе на Кавказе. В подтверждение сказанного о преимуществах сельджукской военной системы отметим, что уже в доисламском арабском мире, то есть в Передней Азии, высоко ценили тюркских воинов и тюркское военное искусство. Так, один из арабских поэтов эпохи “джахилии” (доисламский период) отметил: “Когда я увидел тюрка, и в руках у них стрелы, то поспешил повернуть своего верблюда, с этого места я удалился”; в хадисах говорится, что Пророк Мухаммед не советовал своим последователям вступать в сражение с тюрками: “Если вы начнёте войну с тюрками, то будет страшное”; приводят также следующие слова основателя ислама: “Мусульмане встретятся с народом [тюрка], носящим чарыхи, с лицом, словно выбитым молотком, с раскосыми глазами, маленьким и приплюснутым носом, и тогда будет страшное”.³

¹ Книга моего деда Коркуда, с. 18–19, 83–84; Histoire de la Géorgie, p. 358–359.

² Кононов А.Н. Родословная туркмен, с. 50; Ibn Bibi, s. 104.

³ Цит. по: Ахундова Н.Ч. Тюрки в системе государственного управления Арабского халифата: VIII – сер. X веков. Баку, 2004, с. 40–42.

ГЛАВА VII. ТРАДИЦИИ И ОБРЯДЫ ОГУЗСКОГО ЦИКЛА

7.1. Сирийские источники о верованиях и обычаях огузов VII–XII веков

Среди сочинений, содержащих ценные сведения об огузах VII–XII веков, важное место занимают два сирийских источника.¹ Первый из них – “Хроника” Михаила Сирийца (1126–1199). Она принадлежит автору, многие годы деятельности которого были связаны с государством Сельджукидов Малой Азии, где он имел возможность общаться с огузами, наблюдать их повсе-

¹ Сирийцы принадлежат к древнейшим этносам Передней Азии. Их историческая родина – Сирия и Месопотамия. Здесь существовали созданные сирийцами античные княжества. Наиболее значительным среди них была Осроэна со столицей в Урхе (ныне Шанлыурфа, Турция). Большую известность получили сирийские города Пальмира, Петра, Мелитена, бывшие важными ремесленно-торговыми, политическими, идеологическими и культурными центрами своего времени. На заре христианства сирийцы распространяли эту религию в Передней, Центральной и Юго-Восточной Азии. Они принесли христианство на Кавказ, где в IV веке часть автохтонов стала адептами этой конфессии. Так случилось в Азербайджане, Грузии и Южном Дагестане. До изобретения местными неопитами собственной письменности в V веке они пользовались сирийской графикой, обучение в школе велось на сирийском языке; в ходу была Пешитта – сирийская версия Библии.

Перу сирийцев принадлежит множество сочинений по всем отраслям знания античности и Средневековья, в том числе труды по всеобщей истории. Их отличает ясность и достоверность изложения, стремление дать оценку описанным событиям. В ряде произведений содержится ценный материал по истории и об этносах Кавказа. См. об этом: Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. Москва-Ленинград, 1941; Гусейнов Р.А. Сирийские источники XII–XIII веков об Азербайджане. Баку, 1960; Райт В. Очерки истории сирийской литературы. Пер. с англ. Санкт-Петербург, 1902.

дневную жизнь. Михаил Сириец умел объясняться по-тюркски, поэтому многие его свидетельства – это записи непосредственно увиденного или услышанного в огузской среде. Наблюдательность и осведомлённость позволили Михаилу Сирийцу собрать весьма интересные сведения об огузах раннего и развитого Средневековья. Другое сочинение – “Всеобщая история” Бар Эбрея Абу-л-Фараджа (1226–1286), учёного-энциклопедиста, знавшего ряд языков, в том числе свободно владевшего одним из тюркских. Он много ездил по Передней Азии, долгие годы провёл в Азербайджане, в городах Табриз и Марага, где имел возможность непосредственного общения с тюркскими, в том числе огузскими, племенами, что позволило Бар Эбрею описать образ жизни средневековых огузов. Среди многочисленных свидетельств Михаила Сирийца и Бар Эбрея о тюрках имеются познавательные свидетельства о верованиях и обычаях огузов VII–XII веков.

Михаил Сириец сообщает, что, по представлениям огузов, верховным божеством являются *небеса* – “*кан тангри*”; причем *кан* на их языке – *кёк* – “небо, небесная синь”, а *Тангри* – “Бог”. Они полагают, что небеса – это единственное (то есть верховное) божество. Иными словами, огузы являлись монотеистами, почитая видимый небесный свод за единое божество.¹ Отметим в связи с этим, что Ибн Фадлан, сообщая об огузах X века, пишет: “Если кого-либо из них постигает несправедливость или случится с ним что-либо неприятное, он поднимает голову к небесам и говорит: “Бир Тангри!”, а это значит “клянись Богом единым!”²

Даже после принятия ислама в X веке огузы продолжали придерживаться своих доисламских традиций. Неслучайно Михаил Сириец замечает, что вплоть до его времени (вторая половина XII века), если спросят кого-либо из огузов, из тех, кто не сведущ (то есть не знает установлений ислама), о его вере, то он

¹ Chronique de Michel le Syrien, t. IV. Ed. par J.-B. Chabot. Paris, 1910, p. 568, 570.

² Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 годах. Харьков, 1956, с. 125–126.

отвечает и говорит “Кан Тангры!”¹ Вместе с тем, заметим, что огузы, будучи монотеистами, относительно легко приобщились к новой вере, поэтому сирийский автор отмечает: ввиду того, что они всегда провозглашали единое божество, то и объединились с арабами в религии и приняли ислам.² Он также отметил, что истинная причина перехода огузов в ислам заключалась в том, будто они слышали от арабов и приняли слово Пророка, который сказал: “Когда отрекутся от почитания идолов и прочих тварей и мою веру будут исповедовать, то будет им дана земля, хорошая и благодатная, и они воцарятся в ней!” И по этой причине огузы стали мусульманами”.³

Михаил Сириец описал магический обряд, связанный с институтом собрания вождей, а также с ритуалом избрания “царя” – главы объединения тюркских племён. Важнейшим компонентом этих церемоний были небеса, как верховное божество. Огузы, вступившие в период феодализма, в условиях феодального государственного строя жили уже иначе; и кажется, переходный период от союза племён к государству фиксирован у Михаила Сирийца в обряде избрания “царя”. По его рассказу, когда настало время выбрать главу из своей среды, то собрались эмиры племён – около 70 человек знатных и наиболее уважаемых – и уселись в круг, каждый со своей палкой (символом власти) в руке. На земле начертили круг и условились: тот, чья палка окажется в центре этой фигуры, станет царём. Затем все бросили свои палки вверх, туда, где, по представлениям огузов, находится божество. Одна из них упала в центр круга и стала стоймя, прямо воткнувшись в землю. И её обладатель был провозглашен царём.

Описывая соглашение между тремя группировками раннесредневековых огузов Центральной Азии о разделе сфер завоевания и миграции, Михаил Сириец сообщает, что предводители решили задачу, бросив вверх три меченые палки.⁴ Каждая из

¹ В “Древнетюркском словаре” (Ленинград, 1969, с. 312) отмечено: *kök tängri* – “голубое небо”. Так же в памятнике в честь Кюль-Тегина (VIII век).

² Michel le Syrien, p. 570.

³ Michel le Syrien, p. 570. Ср.: Коран, XXXIX, 19.

⁴ Michel le Syrien, p. 570–571. Выражения “семьдесят человек”, “бросание палки” имеются в Коране, VII, 154; XXVII, 10; XXVIII, 31.

них, упав, указала направление движения: одним – оставаться на месте, другим – идти в Переднюю Азию, третьим – в Центральную Азию. Причём было решено, что каждый из таборов примет тех богов, которых найдёт на доставшейся по жребию территории. Вот почему, заключает автор сообщения, часть огузов приняла ислам, другая стала христианами (несторианами), а третьи по-прежнему придерживались веры своих предков. Иными словами, вопрос религиозной принадлежности не являлся для огузов самоцелью, а зависел от конкретных политических потребностей их руководящей верхушки. Действительно, те огузы, что остались на своей исторической родине, в Орхоно-Енисейской зоне, по-прежнему исповедовали шаманизм. Перешедшие в Центральную Азию приняли христианство: здесь сохранились некрополи, подтверждающие переход тюрок в несторианство, которое проповедовали среди них сирийские миссионеры.¹ Огузы, попавшие в Переднюю Азию, стали мусульманами.

С доисламскими воззрениями огузов связано также представление об их мифическом предке-родоначальнике, которому отводилось важное место в системе верований древних тюрок. Это – *кёк бёри* (сивый волк), являвшийся одним из важнейших тотемов огузов, которые не утратили веры в него и после исламизации. Сирийский автор, познакомившийся с тотемом огузов в устной передаче (устной эпической традиции), называет его “зверем, подобным собаке”, в котором нетрудно узнать сивого волка, хорошо известного из огузского эпического цикла. Михаил Сириец резюмирует: “Мы знаем, что каждый народ ведом к полезному тем, что для него привычно. Так, иудеи – жертвоприношением овец и телят, маги – при помощи звёзд; таким же образом и эти огузы подобием животных, которые им привычны”.² В связи с этим интересно отметить, что один из героев огузского героического эпоса “Китаб-и дедем Коркуд” – Салор-Казан, перечисляя свои корни, говорит: “От детёныша-

¹ Хвольсон Д.А. Несторианские надписи из Семиречья. Санкт-Петербург, 1887; Джумагулов Ч. Несторианские памятники. // В кн.: Эпиграфика Киргизии, вып. 1. Составил Ч.Джумагулов. Фрунзе, 1963, с. 43–58; он же. Язык сиро-тюркских (несторианских) памятников Киргизии. Фрунзе, 1971.

² Michel le Syrien, p. 570.

самца...волка один мой корень”.¹ По представлениям огузов, сивый волк ведёт их на новые земли, возглавляя миграционные движения и военные кампании. Не случайно, что войском огузов предводительствует бек на светлосивом (как волк) коне²; в “Огуз-намэ” о выражении “Кök bögi!” – “Сивый волк!” говорится как об *уране* (боевом кличе) огузов, с которым они вступают в сражение.³

Михаил Сириец сохранил один из характерных тюркских военно-кочевых терминов “*Гош!*”, обладателями которого, как и тотема сивый волк, были огузы. *Гош* означал сигнал к началу организованного передвижения. Ввиду того, что у огузов были сильны пережитки родоплеменного строя, то это слово-команда, даже в рассказах, записанных в XII веке и позднее, по-прежнему вкладывалось в уста тотема – *сивого волка*, который упоминался в повествовании каждый раз, как только речь заходила о миграционном или военном передвижении.⁴ О том, что сивый волк был предвестником не простого кочевания, а миграционных и военных передвижений огузов, свидетельствует ряд имеющихся в “Огуз-намэ” параллелей к сообщениям сирийского автора.⁵

У Бар Эбрея сохранилось наиболее раннее описание огузского свадебного обряда: он сообщает о бракосочетании в 1063 году первого великого султана Сельджукида Тогрул-бека I и дочери халифа Аббасида ал-Каима – Саййиды.⁶ Его свидетельства подтверждают и дополняют другие источники, что позволяет говорить об устойчивости и преемственности традиций свадебных обрядов в тюркской среде. Брачные церемонии

¹ Книга моего деда Коркуда. Огузский героический эпос. Перевод, вступительная статья и комментарий В.В.Бартольда. Москва-Ленинград, 1962, с. 98. По другому варианту (там же, с. 279, прим. 33): “Я одного корня с громкоговорящим волчонком-самцом”.

² Книга моего деда Коркуда, с. 99, 100.

³ Щербак А.М. Огуз-намэ. Мухаббат-намэ. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. Москва, 1969, с. 32; Древнетюркский словарь, с. 118, 312.

⁴ Michel le Syrien, p. 569.

⁵ Щербак А.М. Указ.раб., с. 37–39, 45–46, 50.

⁶ Barhebraei Gregorii. Chronicon Syriacum. Ed. P.Bedjan. Parisiis, 1890, p. 255.

огузов включали сватовство, оформление брачного контракта, свадебный пир в доме невесты, переезд в дом жениха и свадебный пир в его доме, смотрение или открывание лица, временное возвращение жены в родительский дом. Огузам были известны левирад и сорорат, многожёнство, развод.

Даже приняв ислам, огузы по-прежнему справляли свадебные обряды на основе своих обычаев; на фикхе зиждилась официальная сторона. Поэтому тюркскому свадебному циклу присущи специфические черты, которые имеют доисламский характер и носят явно различимый налёт, отражающий жизнь кочевника и нормы родового общества, что позволяет отличить его от других. В частности, Бар Эбрей сообщает то, чего нет в других источниках (замечу в скобках – и у других народов): когда невеста Тогрул-бека “прибыла в его дворец, то султан и знатные тюрки встали и танцевали, как принято у них: преклоняли колени и вновь поднимались, и распевали песни по тюркскому обычаю”.

Михаил Сириец пишет, что во время свадебного пира в доме жениха устраивали конно-спортивные состязания, проводившиеся “по обычаям тюрок и воинов”.¹ В связи с этим, интересно отметить, что этот обычай до сих пор бытует у саларов, потомков одного из огузских племен. Он сохранился в форме свадебной “верблюжьей игры”, включающей предание и величальную в честь жениха и невесты.² В устройстве состязаний во время брачных церемоний своеобразно преломились условия жизни тюрок, привыкших большую часть времени проводить в седле, в постоянной готовности, в погоне за добычей или в борьбе за пастбища. Помимо показа ловкости, сноровки и сообразительности, игры несли определённую смысловую нагрузку, связанную с так называемой свадебной джигитовкой, являвшейся одним из пережитков обычая умыкания невесты. Игры, и в особенности пляски, были по своему происхождению магическими обрядами, более древними, чем классовое общество.

¹ Michel le Syrien, p. 699.

² Тенишев Э.Р. Саларские тексты. Москва, 1964, с. 32–35, 36–37, 87–94, 137.

Сирийские источники подтверждают, что в системе верований и обычаев огузов VII–XII веков сложно переплелись воззрения первобытно-общинного и феодального строя, доисламские и мусульманские нормы, что породило характерный огузский комплекс идеологии и быта.

7.2. Свадебные обряды

Редко удаётся проследить на протяжении более 800 лет эволюцию семейного быта. Поэтому следует по достоинству оценить сообщения письменных памятников XI–XIV веков, благодаря которым представилась возможность реконструировать тюркские свадебные обряды, ибо, даже став в X веке мусульманами, тюрки по-прежнему справляли их на основе своих обычаев; на фикхе была основана официальная сторона, например, заключение брачного контракта. Поэтому до сих пор тюркскому свадебному циклу присущи черты, позволяющие отличить его от других.

Свидетельства источников позволяют реконструировать брачные обряды в среде феодалов. В основном они были присущи также рядовой массе: подобная уверенность подкреплена тем обстоятельством, что у некоторых современных тюркоязычных народов, находящихся в языковом родстве с огузами, – у азербайджанцев, туркмен, турок – сохранился в общих чертах тот же тип брачного ритуала.

В среде феодалов, о которой ведут речь источники, как правило, не возникал вопрос о предварительном знакомстве вступающих в брак. Правда, в огузском эпосе отец говорит: “Сын, высмотреть девушку – твоё дело, дать деньги и пропитание – моё дело”.¹ Определяющим началом были политические и экономические мотивы, положение отца или родственников жениха и невесты по мужской линии. Благодаря этому не являлись исключением браки между иноплеменниками и инаковерующими. При вступлении в брак минимальным для жениха считался воз-

¹ Книга моего деда Коркуда, с. 63; Рашид ад-Дин. Джамии ат-таварих, том I, книга I. Москва-Ленинград, 1952, с. 81.

раст 15 лет, невеста могла быть моложе¹; существовал обычай обручения детей в колыбели. Брачные обряды огузского круга в XI–XII веках состояли из следующих.

Сватовство было необходимо для получения согласия дома невесты; ему придавали большое значение, особенно если учесть сильные родоплеменные пережитки у огузов. Неслучайно в одной из свадебных песен современных саларов (потомков одноимённого огузского племени, живущих в Синьцзяне) говорится: “Если по-тюркски сказать, (то) коли на небе не появится облако, (то) не будет и благодати, коли на земле не будет сватов, не будет и родственников!”²

Дом невесты использовал период сватовства как повод для получения определённых выгод. Если притязания заходили далеко и превышали выгоды брака для жениха, то его сторона использовала любые доводы, вплоть до прямых угроз, чтобы умерить желания стороны невесты. Так было при сватовстве великого султана Тогрула-бека к дочери халифа ал-Каима: лишь недвусмысленные военные демонстрации тюрка принудили Аббасида дать согласие на брак.³

Прежде чем сватать невесту для сына, владетельный эмир собирал людей своего круга на совет: “Сын, созовём в свой шатёр остальных беков огузов: на чём они порешат, так и сделаем”. В фольклоре саларов сохранилось воспоминание о том, что юноша заявлял отцу о своём намерении жениться, после чего засылали сватов.⁴

В роли послов-сватов обычно выступали вазирь, военачальники, атабеки, эмиры, кадии, то есть знатные, влиятельные и состоятельные особы. Но в XI–XII веках, в виде исключения, сам отец отправлялся просить руки девушки для своего сына, что было отголоском древнего, доисламского обычая тюрков.⁵ Сватам оказывали большой почёт, особенно в случае, если они

¹ Книга моего деда Коркуда, с. 34, 39, 73; Michel le Syrien, p. 699.

² Тенишев Э.Р. Указ. раб., с. 87, 89.

³ Varhebraei, p. 241; Irak ve Horasan Selçukluları Tarihi. İstanbul, 1943, s. 18-20.

⁴ Книга моего деда Коркуда, с. 36; Тенишев Э.Р. Указ. раб., с. 137.

⁵ Книга моего деда Коркуда, с. 64.

предстательствовали за венценосца или другую владетельную особу. Так, эмир Арзинджана Бахрам-шах Мангуджакид во главе торжественной процессии встречает сватов конийского султана Кей-Кауса I (1210–1219), задумавшего жениться на его дочери, и сопровождает в собственный дворец, что было весьма почётно.¹ “Неверные”, у которых сватали невест, также принимали сватов с почётом: расстилали ковры, резали белых баранов, угощали красным вином.² После традиционного приветствия сват обращался к старшему в доме будущей невесты со словами: “По повелению Аллаха, по слову Пророка, я пришёл посватать ту (имярек), что чище месяца, светлее солнца”.³ На обязанности сватов лежало лишь получение согласия дома невесты. Если просватанную девушку выдавали за другого, обиженная сторона жениха шла войной.

Существовал цикл песен – объяснений в любви, который можно назвать любовной свадебной лирикой. Песни такого рода салары называют *йир*: жених поёт, мысленно обращаясь к невесте: “Я возьму тебя в жёны! Если не возьму тебя, что же делать?” В другой песне поётся: “Если я даже не думаю о тебе, то душа у нас одна. Если подумаю вдруг, становлюсь безумным, душа моя в смятении. Если спросят, отчего в смятении, (ответчу): от твоих чёрных волос”.⁴

Оформление брачного договора – ответственная стадия, на которой выявлялись истинные мотивы заключения брака. Стороны старались извлечь максимум выгоды, имевшей подчас неожиданный характер: так, халиф ал-Каим потребовал у Тогрулбека передачи захваченной сельджуками области Васит.⁵ Брачный контракт составляли в письменном виде, скрепляли подписями и печатями особо на то выделенных доверенных и опытных в составлении документов лиц обеих сторон. Как правило, эта церемония проходила в доме жениха, в присутствии факиха,

¹ Книга моего деда Коркуда, с. 36–37; İbn Bibi. Selçukname. Ankara, 1941, s. 71.

² Книга моего деда Коркуда, с. 65.

³ Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского. Москва-Ленинград, 1958, с. 59.

⁴ Тенишев Э.Р. Указ.раб., с. 69–70 и сл.

⁵ İrak ve Horasan, s. 18.

кадиев и представителей домов жениха и невесты.¹ В 1056 году халиф ал-Каим, посватавшийся к племяннице великого султана Тогрул-бека I – Арслан-хатун, собрал в своём багдадском дворце приближённых; по его знаку, вазир Сельджукида Амид ал-Мульк, прибывший для составления брачного договора, подпоясавшись и взяв в руки плётку, призвал приехавших вместе с ним знатных тюркских эмиров. В присутствии представителей обеих сторон вазир халифа приступил к оформлению контракта. Как было принято, сперва жених выразил своё согласие со всеми его пунктами, а за ним – остальные участники церемонии; после этого договор был подписан и вступил в силу.²

Ибн Биби сообщает подробности оформления брачного контракта, приводит формулы, которые при этом произносили. Описывая бракосочетание конийского султана Кей-Кауса I с Сельджук-хатун, он рассказывает: “Призвали доверенных лиц и свидетелей обеих сторон. Уполномоченный заключить договор о браке (от имени султана), повернувшись лицом к кыбле и поведав о некоторых брачных контрактах, составленных в роду халифа ал-Мамуна, произнёс молитву. В конце её он сказал: “Как вам стало известно, происходящий из рода Килидж-Арслана султан Изз ад-Дин Кей-Каус ибн Кей-Хосров, завоеватель и победитель, разумный и рассудительный, желает взять в жёны Сельджук-хатун из знатного рода мелика Фахр ад-Дина Бахрам-шаха ибн Дауда за калым в 100 тыс. золотых динаров”. Сторона невесты ответила: “Принимаем предложение и соглашаемся. Пусть над ними будет добродетель!” Был заключен брачный договор, и соединились судьбы. Раздались пожелания: “Пусть они будут счастливы и имеют детей!”³

Главными в брачном контракте являлись статьи о *кальме* (выкуп за невесту) и *махре* (или мехре – обеспечение жены на случай развода со стороны мужа или его смерти); их величина зависела от социального и имущественного положения

¹ Книга моего деда Коркуда, с. 13, 30; İbn Bibi, s. 72–73; İbn Bibi, s. 72–73; İrak ve Horasan, s. 9, 21, 43, 72–73.

² Al-İsfahani. Zubdat al-Nusra va Nuhbat al-Usra. İstanbul, 1943, s. 8–9; Sadruddin. Ahbar üd-Devlet is-Selçukiyye. Ankara, 1943, s. 12–13.

³ İbn Bibi, s.72–73.

вступающих в брак, знатности и будущих выгод. Чрезмерная величина затребованного калыма или махра, необычные условия стороны невесты предъявлялись иногда умышленно и были завуалированной формой отказа. До выплаты всего калыма жених обычно не имел права увести невесту.¹ Вместе с тем было известно добрачное сожителство будущих супругов после того, как подписан договор.² Правда, под влиянием ислама, этот обычай отмирал. Действия, связанные с калымом и махром, являлись актами купли-продажи женщины, торговой сделкой.

Калым и махр обычно выплачивали монетой; известны случаи, когда суммы достигали нескольких сот тысяч золотых динаров, в дополнение к которым преподносили столь же огромные суммы серебряных дирхемов.³ В 1081/82 году халиф ал-Муктади посватался к дочери великого султана Малик-шаха I; его сватам было сказано, что двое владельцев уже просят её руки и каждый из них предлагает по 400 тысяч золотых динаров калыма: “Если халиф может уплатить подобную сумму, то ему будет оказано предпочтение, ибо он наиболее почитаемый из владельцев”. Но в этом случае мы имеем, вероятно, исключение, когда жених был освобождён от уплаты калыма благодаря искушённым сватам, которые сумели убедить сторону невесты, что породниться с самим халифом уже является большим выигрышем.⁴

Любопытное свидетельство относительно величины калыма в Османской империи сохранил очевидец: жених должен был выплатить отцу невесты столько серебряной монеты, сколько весила его будущая супруга.⁵ Эта сумма называлась *агырлык* (тяжесть, вес); тот же термин в современном турецком языке означает “приданое невесты”, “драгоценности”.

В счёт калыма, кроме денег, было принято давать также дорогую одежду, породистых скакунов, рабов и рабынь, слуг, драгоценности, шёлковые ткани и платки, иногда – недвижимую собственность.⁶

¹ Ковалевский А.П. Указ.раб., с. 126; Barhebraei, p. 241.

² Книга моего деда Коркуда, с. 35, 39, 69.

³ Barhebraei, p. 241; Irak ve Horasan, s. 18.

⁴ Irak ve Horasan, s. 72.

⁵ Осман-бей. Турки и их женщины. Санкт-Петербург, 1874, с. 67.

⁶ Ibn Bibi, s. 279, 283.

Известны случаи, когда титулованный или венценосный жених ставил дом невесты перед совершившимся фактом, объявляя об окончании переговоров и заключении брачного контракта, не дожидаясь результатов сватовства; так поступил в 1062 году Тогрул-бек: недовольный затяжкой сватовства и чувствуя за собой силу, что давало ему право, великий Сельджукид известил всех, что женится на дочери халифа ал-Каима.¹

Как правило, источники обходят молчанием вопрос о приданом невесты, хотя он должен был найти отражение в брачном договоре. Возможно, это не играло особой роли при заключении браков между домами знати. Иракский султан Махмуд II был женат последовательно на двух дочерях своего дяди по отцу – великого султана Санджара. После их кончины Сельджукид потребовал у племянника-зятя приданое и драгоценности, что были даны его супругам.² В приданое знатной невесты входили “домашняя утварь и пожитки, подобающие её достоинству”, а также “усыпанные жемчугом головные уборы, благовонные (ножные) браслеты, драгоценные кольца и (наручные) браслеты, златотканые и украшенные жемчугом принадлежности для невесты, превосходные одежды, мулы-иноходцы с золотыми подковами, быстрые, как ветер, кони, бессчётное количество другого добра и золота”.³

После подписания брачного договора жених обязательно одаривал невесту и её сторону, а также участников оформления контракта; подобные подношения не входили в условия заключенной сделки, хотя неоднократно совершались обеими сторонами на всех этапах брачной церемонии. Так, от невесты-девушки будущему супругу подносили красный кафтан; знатный жених надевал его, а его товарищи обращались к нему со словами: “Ты носишь красный кафтан, мы носим белые кафтаны”, на что жених отвечал: “Зачем вам огорчаться из-за таких пустяков, сегодня я надел (кафтан), завтра (его) наденет мой заместитель; до сорока дней надевайте его один за другим”.

¹ Irak ve Horasan, s. 18.

² Irak ve Horasan, s. 144.

³ Родословная туркмен, с.59; İbn Bibi, s. 72.

У тюрков это было давним обычаем, восходившим, вероятно, к обрядовым пережиткам группового брака.¹

Одаривания, согласно принятой на средневековом и современном мусульманском Востоке терминологии, обозначаются выражением “поднести, подарить халат”. До настоящего времени во время свадебных обрядов или принесшему добрую весть принято “поднести халат”, то есть сделать подарок. В “Книге моего деда Коркуда” один из героев говорит: “Кто принесёт добрую весть, тому дам коня, одежду”.² Подношения состояли из дорогой одежды, породистых скакунов, дорогих конских сёдел, слуг, золотых и серебряных монет, шёлковых платков, драгоценностей и, в виде исключения, недвижимой собственности. Великий султан Тогрул-бек I после подписания брачного договора подарил своему тестю халифу ал-Каиму тридцать тюркских юношей и девушек, столько же коней, двух слуг, скакуна под золотым седлом, инкрустированным жемчугом, 10 тысяч золотых динаров. Своей невесте Саййиде он преподнёс 10 тысяч золотых динаров, ожерелье из тридцати жемчужин, каждая весом в один мискаль (4 г) и “всё то, чем владела его покойная жена в Ираке”.³ Ибн Биби упоминает в числе подношений жениха сахарные головы; такой подарок сделал конийский султан Кей-Каус I участникам заключения брачного контракта. В.А.Гордлевский замечает по этому поводу: “Сахар служит как бы символом восстановления мирных отношений, являясь отголоском той эпохи, когда было умыканье жён, вносившее ссоры и вражду между двумя родами”, в сахаре выражалось также пожелание сладкой жизни между супругами; и в начале XX века сахар у османов значился в числе подарков.⁴ До сих пор на Кавказе сласти (сахар, набат, мучные кондитерские изделия) являются обязательным компонентом подношений.

¹ Книга моего деда Коркуда, с. 38. *Белый кафтан* терминологически означал, что его владелец не женат.

² Книга моего деда Коркуда, с. 92.

³ İrak ve Horasan, s. 21.

⁴ Гордлевский В.А. Из комментариев к староосманскому переводу хроники малоазиатских Сельджукидов, так называемой Хроники Ибн Биби. // Избранные сочинения, том II. Москва, 1961, с. 163.

Завершение переговоров и оформление брачного соглашения отмечали устройством торжественной процессии; во время пиршества, венчавшего церемонию подписания контракта, произносили традиционную формулу благополучия: “Пусть они (жених и невеста) будут счастливы и имеют детей!”

Среди подношений, в счёт калыма, в приданом невесты обязательно были платки, преимущественно шёлковые; так было у тюркоязычных народов в прошлом и остаётся донныне: знатный эмир раздаёт на пиру своим гостям в подарок вышитые золотом шёлковые платки; у сельджуков было принято подносить платок в знак радостного события; у современных азербайджанцев во время предварительного сговора невесте преподносят белую шёлковую шаль (*келагаи*), ко дню обручения она вновь получает такую же шаль; у кумыков Дагестана также сохраняется этот обычай.¹

Широкое распространение традиции дарить платок или кусок материи явление не случайное и присущее не только тюркоязычным народам. Платок терминологически означает выражение счастья и благополучия; и, вероятно, имеет те же функции, что и свадебные занавеси и покрывала: платок должен, как и они, предохранить от “злых духов”, от “дурного глаза”. В целом, платки исполняют религиозно-магические функции.

Ритуал, связанный с платком или куском материи, довольно отчётливо перекликается с другим, не менее важным, в котором также значительная роль отведена ткани: почти на всём протяжении брачных церемоний невеста находится за специальной занавесью или под покрывалом. Это – выражение *табу*: запрет на девушку, которая просватана и, следовательно, уже является чьей-то собственностью. Это – обычай религиозного гетеризма: невеста отдаётся во власть божества, а также это – предохранение невесты от “злых духов”, от “дурного глаза”; и ещё – пережиточное явление обычая умыкания невесты. Пребывание невесты за занавесью и под покрывалом должно было также уберечь как невесту, так и жениха от колдовства, ибо,

¹ Книга моего деда Коркуда, с. 49; Народы Кавказа, часть II. Москва, 1962, с. 135; Гаджиева С.Ш. Кумыки. Москва, 1961, с. 270–271.

по поверьям, брачные церемонии являлись удобным моментом для магических действий против них. До сих пор этот обычай соблюдается. В Азербайджане невеста сидит в доме своих родителей под покрывалом, её лицо закрыто также во время переезда в дом жениха и на свадебном пиру; в родительском доме её наряжают в свадебные одежды за белой занавесью; перейдя в следующую комнату и стоя под покрывалом на особом месте невеста принимает поздравления; в третьей комнате она сидит за занавесью; перед тем, как везти в дом жениха, на её голову набрасывают платок, а затем ещё покрывало.¹ В прошлом жена в доме мужа ходила с покрытой головой до появления первенца.

Свадебный пир в доме невесты. Для рядового огузского юноши вступление в брак было связано с обременительными расходами. Поэтому между оформлением брачного договора и собственно свадьбой обычно проходило несколько лет, в течение которых он выплачивал калым; кроме того, ко времени заключения контракта ему необходимо было накопить сумму для одаривания; он должен был иметь также средства для того, чтобы сыграть свадьбу в своём доме. Для состоятельных слоёв, как правило, исполнение пунктов о калыме и махре, одаривание и другие расходы не доставляли затруднений. Богатый жених обычно располагал необходимыми средствами, и вскоре после подписания брачного договора свадебные церемонии продолжались.

Жених в сопровождении свиты, обязательно верхом, отправлялся в дом невесты, в специальное свадебное помещение. Если он или его будущий тесть являлись титулованными особами, то церемония встречи жениха обставлялась особенно пышно. Его встречали далеко за городом, иногда на расстоянии нескольких дней пути, и сопровождали специально выделенные особы и военный отряд. Вновь происходило одаривание невесты и её дома; в числе подношений обязательно были золотые монеты и шёлковые платки. В это время невеста находилась в специальном помещении в доме своих родителей, укрытая от посторонних взоров покрывалом. Ночью, накануне пира, её привозили в

¹ Осман-бей. Указ. раб., с. 80; Гаджиева С.Ш. Указ. раб., с. 275–276; Народы Кавказа, с. 138; Babayeva R. Quba şəhərinin toy adətləri. Bakı, 1946, s. 22–23, 32.

свадебное помещение; здесь в белых одеждах она восседала на “золотом троне”. Жених подходил к невесте, целовал землю у её ног, затем некоторое время прислуживал ей; по исполнению этого ритуала, он садился на “серебряный трон”. Возможно, что “золотой трон” и “серебряный трон” являлись преломлением в свадебных обрядах народных сказаний, в которых девушку сравнивают с солнцем (“красное”, “золотое”), а юношу – с луной (“белое”, “серебряное”). В огузском эпосе говорится, что на пиру хан Байундур посадил беков, имевших сыновей, у белого знамени; те, кто имел дочерей, были посажены у красного знамени, а бездетные – у чёрного. Во время свадебных торжеств в доме невесты ставили красные шатры, у жениха – белые.¹

Если жених до свадьбы “отходил в места кочевий своих предков”, то невеста в знак траура по нему надевала вместо белых свадебных одежд чёрные, оплакивала его, раздирая себе щёки до крови, и причитала: “Увы, властитель моих алых губ! Увы, надежда моего чела, моей головы! Увы, мой царь-джигит! Увы, мой сокол-джигит! Не насмотрелась я досыта на твоё лицо, хан мой, джигит! Куда ты ушёл, оставил меня одинокой, душа моя, джигит, ты, кого я, открыв глаза, увидела, кого я сердцем полюбила, с кем клала голову на одну подушку, кто погиб на своём пути, пал жертвой!”²

Во время многодневного пира (иногда на протяжении недели) и после него происходило одаривание; жених передавал подношения невесте через свою близкую родственницу. Великий султан Тогрул-бек I передал на пиру своей невесте через жену халифа, которая приходилась ему племянницей, два дорогих ожерелья, золотой кубок, головное покрывало, затканное золотом и украшенное по краям жемчугом; остальным также были сделаны подношения, преимущественно в виде дорогой одежды.³

Музыка, танцы и пение являлись обязательными компонентами празднества. У саларов сохранился цикл лирических свадебных

¹ Книга моего деда Коркуда, с. 14, 39, 69; Selçukname, s. 7.

² Книга моего деда Коркуда, с. 39.

³ İrak ve Horasan, s. 24.

песен *сагыш* (плач невесты): одна – это плач девушки, которую выдают замуж; она обращается к своим родителям с вопросом, почему её так рано отдают замуж; в другой песне невеста просит своих подружек, чтобы они объяснили её родителям, что она ещё слишком молода для замужества; третья песня-плач невесты обращена к родителям: девушка говорит, что ей придется трудно в доме мужа, если она не понравится. Бытовала песня-плач невесты, которую обряжают для свадебного пира: она обращается к своим родным – отцу, матери, братьям – с просьбой помочь ей, не оставить и не забыть после переезда в дом мужа, навещать её.¹

Переезд в дом жениха происходил после пира в доме невесты. Свадебный кортеж направлялся в специальное помещение, причём невесту обязательно сопровождал жених. Бывали исключения: так, вместо конийского султана Кей-Кауса I, который не мог присутствовать в Арзинджане на пиру в доме невесты, её сопровождали в Конью эмир-и меджлис и также жёны высокопоставленных сановников Конийского султаната. Но встреча невесты с женихом была обязательна: иракский султан Мухаммед II, несмотря на болезнь, встретил свою невесту, сидя в паланкине, около своей столицы Хамадана. Иракский султан Сельджукид Тогрул вместе со своими эмирами выехал за город встречать новую жену. У саларов невеста переезжала в дом жениха на верблюде, на спину которого водружали *геджебе* (имитацию саларского жилища).²

Свадебный пир в доме жениха. После пира в доме невесты её перевозили в сопровождении соответствующего эскорта в свадебное помещение в доме жениха или во вновь выстроенный дворец, или в здание павильонного типа. Огузы ставили специальный белый шатер, причём “джигит, когда женился, выпускал стрелу; где падала стрела, там ставили шатёр”.³ То есть выбор места для свадебного пира в доме жениха носил

¹ Тенишев Э.Р. Указ.раб., с. 32–35, 91–94.

² Sadruddin, s. 129; Histoire des Seldjoudides. Extrait du “Tarikhi Guzideh” d’Hamd-Allah Mustaufi. Trad. par M.Defrémery.//Journal Asiatique, t. XII, 1848, p. 362–364; Irak ve Horasan, s. 256.

³ Книга моего деда Коркуда, с. 38, 54.

обрядный характер. Ряд современных тюркоязычных народов также устраивают свадебный пир в специальном помещении: в Азербайджане принято, преимущественно в сельской местности, возводить *той-хана* (деревянное строение павильонного типа), стены и пол которого сплошь забирают коврами; так было в Азербайджане и в XII веке, что отмечено Низами Гянджеви. Вдоль стены расставляют столы с угощением, за которыми сидят гости; здесь же находятся музыканты и певцы; середина той-ханов предоставлена в распоряжение танцоров.

Для свадебного пира великого султана Сельджукида Тогрулбека I и дочери халифа ал-Каима в Багдаде был выстроен специальный дворец. У сельджуков такие помещения и улицы города иллюминировали; многие здания, в первую очередь дворцы, бывали украшены. Так, в 1159 году по случаю бракосочетания иракского Сельджукида Мухаммеда II с дочерью мелика Кирманского Хатун-и Кирмани в столице султаната Хамадане были возведены специальные павильоны, а город иллюминирован.¹

По прибытии в свадебное помещение невесту усаживали в отдельной комнате, за занавесью, на “золотом троне”, который Ибн Биби именует “треном почёта и счастья”; в том же значении он известен из свадебной песни азербайджанцев города Губа: в доме невесты поют, обращаясь к ней: “Поздравляем тебя, невеста, с треном и счастьем”.² У сараров отец невесты исполняет *орух-сёс* (величальную свадебную песню) в честь жениха и невесты. Перед невестой танцует и поёт жених с близкими друзьями.³ Когда невеста великого султана Тогрулбека I Саййида “прибыла в его дворец, то султан и знатные тюрки встали и танцевали, согласно своим обычаям, и преклоняли колени и вновь вставали и распевали песни по тюркскому обычаю”. Это – наиболее ранее, относящееся к 1063 году, известное свидетельство о свадебных песнях и танцах у тюркоязычных народов; причём, интересно заметить, что упомянутый элемент танца сохранился

¹ Низами Гянджеви. Искендер-намэ, часть I. Баку, 1953, с. 191–192; он же. Семь красавиц. Баку, 1959, с. 243; Ravendi, p. 259.

² Книга моего деда Коркуда, с. 45; Низами Гянджеви. Искендер-намэ, часть I, с. 256; Володин А.А. Трухменская степь и трухмены.//СМОМПК, вып.38, 1907, с. 238; Babaeva R. Quba şəhərinin toy adətləri, s. 22; İbn Bibi, s. 74.

³ Тенишев Э.Р. Указ. раб., с. 87–90; Barhebraei, p. 241.

до наших дней, как одна из танцевальных фигур, у многих народов Кавказа, в том числе у азербайджанцев. Не исключено, что автор сообщения Бар Эбрей описал плавный и вместе с тем стремительный вихревой танец, известный ныне как “лезгинка”. До настоящего времени у тюркоязычных народов Кавказа и Центральной Азии распространено сочетание танца с пением в исполнении одного лица. В связи с этим отметим, что, насколько известно, участие будущего супруга в танцах и пении перед невестой отмечено только у средневековых тюрок. У других обычно танцуют, причём без пения, лишь ближайшие друзья и родственники жениха.

Песни и величальные характерны для всех этапов свадебных церемоний. Так, Ибн Биби записал в тюркоязычной среде Малой Азии XIII века формулу, которую произносили на пиршестве после заключения брачного договора: “Кутлу ве ъоьуклу олсунлар!” (“Пусть будут они – жених и невеста – счастливы и имеют детей”); В.А.Гордлевский в конце XIX века присутствовал в Малой Азии на османской свадьбе, где услышал песню со следующим рефреном:

“Kutlu olsun, yarım, olsun!

Düğünün mübarek olsun!”

(“Пусть будет счастливой, любимая, пусть будет благословенной твоя свадьба!”).

Не исключено, что обе формулы-пожелания, записанные в разное время на одной и той же территории (Малая Азия), свидетельствуют, что в XIX веке ещё сохранялись отголоски величальных свадебных песен более раннего, средневекового, времени. В Азербайджане в доме невесты поэт, обращаясь к ней, произносил:

“Gəlin, sənin təxtin mübarək olsun!

Gəlin, sənin bəxtin mübarək olsun!”

(“Поздравляем тебя, невеста, с тронем! Поздравляем тебя, невеста, со счастьем!”)¹.

¹ Гордлевский В.А. Османская свадьба. //Избранные сочинения, том IV. Москва, 1968, с. 98, 109–110; Babayeva R. Quba şəhərinin toy adətləri, s. 3–4, 22; İbn Bibi, s. 73–74.

Поражает созвучие и совпадение формул, известных в Малой Азии как в XIII веке, так и в конце XIX века, а также в Азербайджане середины XX века, что позволяет заключить о преемственности на протяжении столетий свадебных песен и танцев и об их распространении в тех зонах, в том числе на Кавказе, где жили родственные по языку и обычаям тюркские племена.

Накануне пира в доме жениха происходит “*банный ритуал*”: так, конийский султан Кей-Каус I перед тем, как отправиться на свадебное торжество, посетил баню.¹ У азербайджанцев до настоящего времени накануне свадебного пира в доме жениха он отправляется в компании своих дружков и музыкантов в баню; этот ритуал называется “*бэй шамамы*” (банная церемония жениха) и сопровождается раздачей подарков.

Пир в доме жениха начинался поздно вечером и продолжался несколько дней в сопровождении музыки, танцев и песен; на свадьбу приглашали певцов-профессионалов, музыканты играли на кобузе, зурне и барабане. Устраивались различные игры; обычно это конно-спортивные состязания (джигитовка и скачки). Так, во время свадебного пира по случаю бракосочетания в 1172 году эмира Мелитены Абу-л-Касима и дочери владельца крепости Хисн-Зийад Кара-Арслана все вышли, “чтобы устроить игры, согласно обычаям тюрок и воинов”. У кавказцев затевают различные игры или попарно танцуют; у османских турок на свадебном пиру играла музыка, устраивали танцы и игры, скачки на конях и джигитовку.²

Устраивали также состязания претендентов на руку девушки: они должны были исполнить несколько условий – найти ответы на вопросы и загадки, принять участие в различных соревнованиях. Упомянутое у огузов сказочное единоборство жениха с чудовищами являлось одной из наиболее архаичных форм героического сватовства, восходящего к древней богатырской сказке тюрко-монгольских народов. Известно брачное состяза-

¹ Ibn Bibi, s. 74.

² Книга моего деда Коркуда, с. 38, 42, 44–47; Киясбеков А. Свадебные обряды Нухинского уезда.//СМОМПК, вып. 31, 1902, с. 180; Гордлевский В.А. Османская свадьба, с. 97, 100; Michel le Syrien, p. 699.

ние между женихом и невестой в сообразительности (диалог-состязание), в верховой езде, стрельбе из лука, борьбе. Характерно, что жених говорит: “Если эта девица одолеет меня, то среди остальных огузов моим уделом будут насмешки и обиды”.¹ Для исламизированных тюрок состязания между женихом и невестой являлись архаизмом, пережитком домусульманских представлений, но эти характерные традиции продолжали существовать и в XI–XII веках. Свадебное соревнование бытует у части туркмен и в настоящее время; у современных саларов Синьцзяна известна свадебная “верблюжья игра”, включающая предание и величальную в честь жениха и невесты.²

В устройстве состязаний во время брачных церемоний своеобразно преломились условия жизни тюрок, привыкших большую часть времени проводить в постоянной готовности, в седле, в погоне за добычей или в борьбе за пастбища. Помимо показа ловкости и сноровки, игры носили определённую смысловую нагрузку, связанную с так называемой свадебной джигитовкой, являвшейся одним из пережитков обычая умыкания невесты. Игры, и в особенности пляски, являлись по своему происхождению магическими обрядами, более древними, чем классовое общество. Утратив ныне ритуальное значение, танцы и игры, состязания и пение до сих пор присущи свадебным обрядам тюркоязычных народов.

В истории сельджуков известен случай, когда была бита памятная медаль в честь бракосочетания великого султана Тогрул-бека I и дочери халифа ал-Каима – Саййиды; она чеканена из золота в Багдаде в 1063 году; на аверсе изображен Аббасид, на реверсе – Сельджукид.³

Смотрение или открывание лица. Во время пира в доме жениха и после его окончания невеста находилась в особом помещении, за занавесью. Характерно, что по окончании

¹ Книга моего деда Коркуда, с. 35–38, 64–69, 72.

² Тенишев Э.Р. Указ.раб., с. 36–37.

³ Агаджанов С.Г. Уникальная медаль с изображением сельджукского султана Мухаммеда Тогрул-бека.//Известия АН Туркменской ССР, СОИ, 1964, № 4; Walker F. A. Unique Medal of the Seljuk Tugrilbeg.// “Centennial Publication of American Numismatic Society”, 1958.

свадьбы супруг в течение нескольких дней (иногда до недели) не смел приблизиться к своей жене. У огузов XI века супруг входил в комнату, где сидела на золотом троне его жена, кланялся до земли, выражая таким образом своё уважение, но не садился; затем уходил. И так продолжалось в течение семи дней; причём, жена не открывала своего лица. Этот обряд, как и другие в свадебных церемониях, свидетельствует об уважении к женщине в тюркской среде. Он сохранился позднее, даже после принятия тюрками ислама, который не признаёт за женщиной равных прав с мужчиной (Коран, IV: 1, 12, 38, 175). Лишь по прошествии установленного обычаям срока происходила церемония смотрения или открывания лица; терминологически это означало также первую брачную ночь, которая, возможно, проходила в специальном шатре новобрачных.¹

Временное возвращение жены в родительский дом. Иногда стороны приходили к устной договоренности о том, что жена после завершения пира в доме жениха возвратится на время к своим родителям или же не будет увезена мужем из её родного города (в случае, если по какой-либо причине, свадьба происходила в городе, откуда родом невеста).² Насколько это условие соблюдалось, судить трудно, так как источники говорят только о его нарушении мужем. В этом обряде сохранилось пережиточное явление: переходная стадия между матриликальной и патрилокальной формами брачного поселения. Для классового общества характерна вторая форма – патрилокальная; вот почему в прошлом нередко были сообщения о нарушении этого обычая мужем.

На этом брачные обряды завершались. Вместе с тем сохранились сведения о некоторых обычаях, позволяющих получить более цельное представление об этой стороне быта тюрок XI–XII веков.

Бракосочетание с вдовой. Брачные обряды в этом случае были неполными и носили менее пышный характер. Некото-

¹ Книга моего деда Коркуда, с. 39; Державин Н. Указ. раб., с. 173; Barhebraei, p. 241.

² Barhebraei, p. 241; Irak ve Horasan, s. 24.

рые данные свидетельствуют, что калым за вдову выплачивали в половинном размере; отпадали пир в доме невесты, одаривание сторон, поездка жениха за будущей женой, смотрение лица. Когда иракский султан Тогрул III взял в жёны вдову своего великого атабека Джахан-Пехлевана Ильденизида – Инадж-хатун, – то за ней отправился не он сам, а его доверенные лица. Лишь после получения известия, что невеста-вдова находится около столицы султаната Хамадана, султан вместе с эмирами и их жёнами выехал за городские стены встречать её.¹

Развод. Причины его были различны: в первую очередь, – отсутствие детей у супругов: неслучайно на пиру огузский хан Байундур посадил бездетных беков под чёрное знамя (чёрный цвет у доисламских тюрок – знак траура). Бездетную жену знатный тюрк отсылал в родительский дом, щедро одарив махром.² Дочь конийского султана Килидж-Арслана II была замужем за владельцем Хисн-Кайфы эмиром Нур ад-Дином Артукидом; в 1181 году между султаном и его зятем произошла ссора, потому что последний решил развестись с принцессой на основании “незаконного” повода: “из-за сатанинской любви к некой гулящей”. Однако благодаря посредникам удалось предотвратить кровопролитие.³

Факт формального развода известен из истории династии атабеков Азербайджана Ильденизидов. В 1225 году хорезмшах Джалал ад-Дин осадил Табриз, и последний атабек Узбек бежал на север страны, в Гянджу; в осаждённом городе осталась его жена Меликэ-хатун, дочь иракского султана Тогрула III. Она предложила хорезмшаху занять Табриз, но с условием, что станет его супругой. Джалал ад-Дин согласился на такую сделку. Для оформления этого брака требовался развод от первого супруга; городской кадий Кавам ад-Дин Хаддади отказался расторгнуть прежний брак и не разрешил заключать новый. Некий же Изз ад-Дин Казвини предложил свои услуги при условии, что его назначат кадийем Табриза. Он немедленно получил этот

¹ Sadruddin, s. 129.

² Родословная туркмен, с. 75–76.

³ Michel le Syrien, p. 725.

пост и сочетал браком хорезмшаха Джалал ад-Дина и Меликэ-хатун, освободив последнюю от супружеских обязанностей в отношении законного мужа Узбека.¹

Левират и сорорат также известны из истории тюркской феодальной верхушки, для которой этот обычай носил в большой степени политический и экономический характер. Легендарный родоначальник огузских племен Огуз-хан был женат на дочерях своих трех дядей по отцу; у доисламских огузов после кончины отца старший сын женился на вдове, если она не была его матерью; эмир Каруз-бек взял в жёны вдову своего брата – великого султана Алп-Арслана; иракский султан Сулейман-шах вступил в брак с вдовой своего брата, которая была дочерью грузинского царя; другой иракский Сельджукид Махмуд был женат на двух своих кузинах, дочерях великого султана Санджара; в 1149 году владетель Мосула Сейф ад-Дин Зангид женился на дочери побеждённого им владетеля Мардина Тимур-таша, после кончины Зангида его брат Кутб ад-Дин Маудуд женился на вдове; атабек Кызыл-Арслан Ильденизид взял в жёны вдову своего брата Джахан-Пехлевана – Инандж-хатун.²

Многожёнство. Источники свидетельствуют, что у тюрков уже в доисламский период существовало многожёнство, освящённое их обычаями: у Огуз-хана были три жены; по несколько жён имели великие Сельджукиды, а также иракские и конийские султаны. Гарем являлся составной частью султанского дворца; кроме законных четырёх жён, появились наложницы, дети от которых считались законнорождёнными и наследовали имущество. Атабек Азербайджана Джахан-Пехлеван Ильденизид имел двух сыновей от законной жены (Кутлуг-Инанджа и Амиран Омара) и ещё двух от наложниц (Абу-Бакра и Узбека); все четверо считались равноправными и законными наследниками. Более того, именно Абу-Бакр и Узбек стали атабеками,

¹ Рашид ад-Дин, том I, книга 2, с. 242; *Recueil des Historiens des Croisades Historiens Orientaux* Paris, tome I, 1872, p. 100.

² Ахмед ибн Фадлан, с. 126, 129; Рашид ад-Дин, том I, книга I, с. 82; Родословная туркмен, с. 41; Barhebraei, p. 252, 317; *Irak ve Horasan*, s. 144, 212; *Histoire des Seldjoucides*, t. XII, p. 344, t. XIII, p. 19.

в то время как Кутлуг-Инандж и Амиран Омар этих высоких постов не занимали.¹

Обычай многожёнства вел к тому, что в тюркской среде супружеская измена не была характерным явлением; к тому же, супругов за неверность сурово карали. Источники сообщают: тюрки “мудры и умелы в устройстве своей жизни. Избегают супружеской измены, и блуда у них мало. Потому что нет у них закона, запрещающего второй и третий брак, как и многожёнство”. За супружескую неверность женщину ожидало изгнание из дома мужа или суровое наказание. Так, по распоряжению хана, неверную жену привязали за шею, руки и ноги к хвостам пяти диких кобылиц; затем острием копья стали покалывать задние ноги животных. Они долго кружились и наконец разрывали женщину на части. Не избегал наказания неверный муж: “Если относительно кого-либо откроют они какое-нибудь дело, то разрывают его на две половины, а именно: сближают верхушки двух деревьев, и потом привязывают его к ветвям и отпускают их, и находящийся при выпрямлении их разрывается”.²

* * *

Описанные брачные обряды и некоторые другие обычаи, связанные с ними, были присущи исламизированным тюркам. Известен также домусульманский брачный церемониал, который свидетельствует, что в общих чертах он бытовал у огузских племен и в XI–XII веках: “Обычаи женитьбы у них таковы: если один из них сватает у другого какую-либо из женщин его семьи или дочь его, или его сестру, или кого-либо из тех, кем он распоряжается, за столько-то и столько-то хорезмийских одежд, и если он заплатит это, то он ведёт её к себе. Иногда калымом бывают верблюдицы или лошади, или что-либо другое. И никто не может прибыть к своей жене, пока не будет уплачен калым,

¹ Рашид ад-Дин, том I, книга I, с. 83; Родословная туркмен, с. 41; Ibn Bibi, s.74; Michelle Syrien, p. 568; Barhebraei, p. 244; Histoire des Seldjoucides, t. XI, p. 436, t. XII, p. 368; Садруддин, с.121.

² Родословная туркмен, с. 64; Ахмед ибн Фадлан, с. 126; Michel le Syrien, p. 568.

на который согласился её “опекун”. А если он уплатил это ему, то идёт, не стесняясь, пока не войдёт в жилище, в котором она находится, и не возьмёт её в присутствии отца, её матери и её братьев, и они ему в этом не препятствуют. А если умрёт человек, имеющий жену и сыновей, то старший из его сыновей женится на его жене, если она не была его матерью”.¹

Браки, заключаемые между домами феодалов, преследовали цели, далекие от вопросов семейного быта. Приобретение союзников и богатства, власти и экономического могущества, политического влияния, участие в дележе военной добычи, в распределении материальных благ и территорий, приобретение выгодных связей и синекур, венца или земель – вот преимущественно те мотивы, которыми руководствовались вступающие в брак. Об этом убедительно свидетельствуют многочисленные факты брачных союзов как в среде самих мусульман, так и с “неверными”.

Когда великий султан Алп-Арслан в 1064 году направился на Центральный Кавказ, местные правители, пытаясь обезопасить себя и свои владения, решили принести вассальную присягу и породниться с ним. Грузинский царь Баграт IV признал Сельджукида сюзереном, заключил мир и отдал ему в жёны грузинскую принцессу; свадьба была сыграна в Хамадане; впоследствии Алп-Арслан выдал эту принцессу за одного из своих вельмож. Великий султан Малик-шах I вёл переговоры с византийским императором Алексеем I Комниным о заключении мирного соглашения; одним из условий прекращения тюркских набегов на имперские территории он поставил женитьбу своего старшего сына на принцессе из рода Комнинов, и император был согласен на брак, но внезапная кончина Малик-шаха I расстроила эти планы.²

Грузинские Багратиды породнились во второй половине XII века с домом иракских Сельджукидов: сестра Георгия II – прин-

¹ Ахмед ибн Фадлан, с. 126.

² Византийские историки. Анна Комнина. Алексиада. Часть I. Санкт-Петербург, 1859, с. 303–304; *Irak ve Horasan*, s. 31; *Barhebraei*, p. 244; *Histoire des Seldjucides*, t. XI, p. 436–437.

цесса Русудан – стала женой султана Арслан-шаха. Ширваншахи, испытав реальную силу Иракского сельджукского государства и его истинных руководителей Ильденизидов, старались породниться с грозными соседями: младший сын атабека Джахан-Пехлевана эмир Амиран Омар, правивший в Гяндже, был женат на дочери ширваншаха Гершаспа (1204–1225). Когда атабек Абу-Бакр Ильденизид утратил былое могущество и не мог сдержать набеги грузинских феодалов на свои владения, он женился на грузинской принцессе и получил желанный мир.¹

Из истории ранних тюрок известно, что на дочери тюркского кагана был женат Сасанид Хосров I Ануширван (531–579), который хотел “расположить его (к себе) этим родством и отвратить от себя зло с его стороны”. Халиф ал-Каим женился на племяннице великого султана Тогрул-бека I с тем, чтобы “укрепить свои связи с сельджуками, показать недругам, что он не намерен порывать дружбы с тюрками”. Сельджукид, в свою очередь, взял в жёны дочь халифа, чтобы, породнившись с Аббасидом, узаконить в глазах мусульманского мира как узурпацию светской власти великих имамов, так и тюркские завоевания. Халиф ал-Муктади имел двух жён-тюрчанок: дочь Алп-Арслана – Сеферийе-хатун и дочь его преемника – великого султана Малик-шаха I. В 1110/11 году халиф ал-Мустазхир женился на дочери великого султана Мухаммеда. Иракский Сельджукид Сулейман-шах был женат на христианке – дочери грузинского царя Давида IV Строителя и на племяннице хорезмшаха Атсыза (1127–1156). Атабек Азербайджана Шамс ад-Дин Ильдениз взял в жёны вдову иракского султана Тогрула II и, породнившись с династией Сельджукидов, укрепил своё положение в Иракском государстве; от неё он имел двух сыновей – Джахан-Пехлевана и Кызыл-Арслана, – приходившихся по материнской линии сводными братьями султану Арслан-шаху. По политическим мотивам последний иракский Сельджукид Тогрул III в 1186 году женился на Инандж-хатун, вдове своего атабека Джахан-

¹ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. Пер.с англ. Москва, 1963, с. 180, 186; Histoire de la Géorgie, depuis l'antiquité jusq'au XIXe siècle. Ier partie. Saint-Petersbourg, 1849, p. 395, 435.

Пехлевана, которая была дочерью могущественного малоазиатского эмира Бек-Тимура.¹

Брачные обряды тюрок XI–XII веков сложились под известным внешним влиянием: принятие ислама и признание норм шариата, соприкосновение с культурными оседлыми народами Передней и Центральной Азии, Византийской империи и Арабского халифата не могло не наложить отпечатка на быт средневекового тюркского общества. Но вобрав определённые элементы, тюркские брачные церемонии не потеряли присущих им особенностей, что позволяет говорить о существовании свадебных обрядов тюркского типа, отличного от “классического” мусульманского. Например: отец жениха выступает в роли свата; при оформлении брачного контракта сват подпоясывается и берёт в руки плётку, после чего появляются остальные члены посольства и приступают к составлению договора; характерный цикл песен, сопровождающий все стадии обрядов; участие жениха в танцах и пении перед сидящей на “троне почёта и счастья” невестой; устройство различных игр и конно-спортивных состязаний, свадебное единоборство, соревнование в сообразительности между женихом и невестой, а также между претендентами на руку девушки; сохранение чёрного цвета, как знака траура, хотя он стал, как у халифов Аббасидов, официальным цветом сельджукского государства.

С другой стороны, огузские свадебные обычаи свидетельствуют о том уважении, которым, по традиции, пользовалась женщина в тюркской среде, несмотря на принятие ислама, не признававшим за ней равных прав с мужчиной. Конечно, свобода и уважение, которыми пользовалась тюркская женщина в XI–XII веках, понятия довольно относительные; но еще Бартольд В.В. отметил влияние женщин, которые у кочевников занимали другое положение, нежели у оседлых народов: это было связано с тем, что в скотоводческом хозяйстве они играли в ряде случаев большую роль.² Об уважении к женщине свидетельствует

¹ Barhebraei, p. 233; İrak ve Horasan, s. 8, 26, 43, 72–73, 212; Sadruddin, s. 12–13, 57, 94, 96, 129; Histoire des Seldjoucides, t. XII, p. 352.

² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.//Сочинения, том I. Москва, 1963, с. 372.

“Книга моего деда Коркуда”, где, кстати, нет ни единого упоминания о многожёнстве в огузской среде; это уважение можно отнести к одной из особенностей тюркского свадебного цикла.

Тюрки не только заимствовали; они оказали определённое влияние на жизнь культурных народов, в частности, в области семейного быта: сам термин *калым* тюркского происхождения: он отмечен у Махмуда Кашгари (XI век) – в его “Диван лугат ат-тюрк”.

Источники свидетельствуют, что огузы XI–XII веков придерживались описанных свадебных обрядов на обширной территории от Центральной Азии до Средиземного моря и от Кавказа до Персидского залива. Эти брачные церемонии вобрали определённые элементы из свадебного быта других народов, но сохранили свои характерные черты. Поэтому и в настоящее время они продолжают бытовать у народов, находящихся в родстве с огузами. Имеющийся материал ценен и тем, что позволяет проследить устойчивость основных элементов огузских свадебных обрядов в течение ряда столетий у ряда современных тюркских народов, в том числе на Кавказе.

7.3. Тюркское “Гош!”

В “Хронике” Михаила Сирийца изложению истории сельджуков предпослана вводная книга XIV, начинающаяся словами: “Ввиду того, что в это время (середина XI века. – *Р.Г.*) начали тюрки воцаряться и захватили города и области, посвящаем им эту четырнадцатую книгу”.¹ В ней рассказано о ранних тюрках, в том числе об огузах. Описывая их военные кампании, он отмечает термин *goş*: “Сообщают, что когда они (тюрки. – *Р.Г.*) двигались и шли с востока на запад, то увидели некоего зверя, подобного собаке, который шёл впереди. Они не знали, кто это и откуда он появился, и не могли приблизиться к нему. Когда наступало время идти, он обращался к ним на их языке, говоря: “Вставайте!”, и они вставали и шли за ним туда, куда он шёл. И пока он шёл, они двигались за ним и в ту сторону, в

¹ Michel le Syrien, p. 565.

которую он шёл, следовали за ним. А когда он останавливался, и они располагались, пока не достигли областей, в которых воцарились. Так как этот проводник не показывался им вновь, они не вышли оттуда...

...Когда народ тюрков (то есть огузы. – *Р.Г.*) вырвался и вышел, они покрыли всю землю и даже стеснили тюрков, вышедших прежде, ибо земля не в состоянии была нести всех, и тех [предыдущих] оттеснили на запад. Когда они начали передвижение, то увидели того, кто был проводником у прежних [тюрков] и был подобен собаке. Он шёл впереди, и они не могли приблизиться к нему. Когда он хотел идти, то возвышал голос и говорил “*Goš!*”, то есть “Вставайте!” И они вставали и шли за ним, пока он не останавливался; тогда и они располагались. И после того как вёл их много дней, он исчез; и мы более ничего не читали и не слышали [относительно] него. И мы знаем только то, что каждый народ ведом к полезному тем, что для него привычно. Так, иудеи – жертвоприношением овец и телят, маги – [при помощи] звёзд; таким же образом и эти [тюрки] – подобием животных, которые им привычны”.¹

В данном контексте под “зверем, подобным собаке” имеется в виду один из тотемов древних тюрков – “сивый волк”. Он неоднократно фигурирует в ряде письменных источников, в том числе огузского цикла.² Определение же этого тотема сирийским автором как “зверя, подобного собаке” связано, возможно, с тем, что Михаил Сириец был знаком с устным вариантом огузского сказания, в котором повествуется об организованном передвижении тюрков.

Эош! – императив глагола *эош-*, характерного как в прошлом, так и в настоящем для некоторых тюркских языков, главным образом западнохуннской ветви. Сохранение в сирийском тексте тюркского *goš* говорит в пользу того, что оно было не обычным словом, а специальным термином, командой, означавшей “выступление, движение”. С этой точки зрения, следует рассматривать наличие в тексте слова, смысловое значение

¹ Michel le Syrien, p. 567, 569–570.

² Щербак А.М. Огуз-намэ. Мухаббат-намэ. Москва, 1959.

которого было известно и которое, к тому же, не входило в лексикон сирийца.

Гош! означает повеление **многократного** действия. Это следует из семантики глагола **goš-** и его производных в ряде тюркских языков Средневековья, что неоднократно засвидетельствовано в тюркских письменных памятниках. Большое количество смысловых вариантов более точно передаёт всё то, что связано с передвижением, имеется ли в виду кочевание в поисках пастбищ, военный поход либо миграционное движение. Поэтому “запрячь”, “присоединить” звучит как **koš-** (огуз., кыпч., тур.), **кош-** (джаг., осман., уйг.), **гош-** (азерб., туркм.), **кўш-** (узб.). Соответственно, **кош** (джаг.) – “ставка”, “лагерь”, “войско”; **кошуклук** (джаг.) – “соединение”; **кошу** (осман.) – “толпа”, “повозка”; **гош** (туркм.) – “табор”, “упряжка”; **koşut** (тур.) – “упряжка”; “войско” передаются через **гошун** (азерб., туркм.), **кошун** (джаг., осман.), **koşun** (тур.), **кўшин** (узб.).¹ Следовательно, кроме оттенка **организованного** передвижения, смысловые варианты **goš-** связаны со значениями “военный”, “переселение”.

Ввиду того, что у тюрков сильны были пережитки родоплеменного строя, команда **Гош!** вложена в уста тотема: “зверя, подобного собаке” – “сивого волка”, который появляется в повествовании каждый раз, когда заходит речь о военном выступлении или организованном передвижении. Небезынтересно отметить в связи с этим, что в “Огуз-намэ” о выражении “сивый волк” – “**көк бөрү**” – говорится как о боевом кличе (**уран**) огузов.²

Что описанный тотем был предвестником не только кочевания, но и военных выступлений, говорит ряд имеющихся в “Огуз-намэ” параллелей к цитированному фрагменту из “Хроники” Михаила Сирийца: “Когда забрезжил рассвет, в шатёр Огуз-кагана проник луч, подобный солнечному. Из этого луча

¹ См. словари названных языков, а также: Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Санкт-Петербург, 1868–1871; Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий, Санкт-Петербург, 1890–1911; Mahmud Kaşgarlı. *Divanü Lugat-it-Türk tercümesi*. Ankara, 1939–1941; Ettuhfat-üz-Zekiyye fillûgat-it-Türkiyye. İstanbul, 1945.

² Щербак А.М. Указ.раб., с. 32.

появился сивовласый, сивогривый большой волк. Этот волк молвил Огуз-кагану, говорил: “О Огуз! Ты собираешься двинуться из Урума. О Огуз! Я пойду с тобою впереди”. И вот после этого Огуз-каган свернул свой шатёр, пошёл дальше и увидел, что перед войском движется огромный сивогривый, сивовласый волк. Сзади, следуя за тем волком, двигались [все]... Через несколько дней сивовласый, сивогривый волк остановился. Остановился с войском и Огуз...

И вновь отправился вперед... Затем увидел Огуз-каган сивовласого, сивогривого волка. Этот сивый волк сказал Огуз-кагану: “Теперь двигайся с войском, Огуз-каган. Веди сюда народ и беков, я буду тебе показывать дорогу”, – говорил. А когда наступил рассвет, увидел Огуз-каган, что волк уже перед войском, в походе. Обрадовался он, вперёд пошел...

...Однажды сивовласый, сивогривый волк, не двигаясь [вперед], остановился. Остановился и Огуз-каган, лагерь разбил”.¹

В связи с вышеизложенным отметим, что огузы стали известны на исторической арене в VII веке и вскоре же появились в Передней Азии как участники грабительских набегов, а также как наёмники в войске Византийской империи и Арабского халифата. Так, источники отмечают существование у халифов “тюркской армии”.² Их наследниками стали огузы, из среды которых вышли сельджуки.

¹ Щербак А.М. Указ. раб., с. 37–39, 45–46, 50.

² Пигулевская Н.В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI веках. Москва-Ленинград, 1964, с. 215–228; Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии.//Избранные сочинения, том I. Москва, 1960, с. 49; Spuler В. The Muslim World. Part I. The Age of Calips. Leiden, 1960, p. 62; Ахундова Н.Ч. Тюрки в системе государственного управления Арабского халифата: VIII – сер. X веков. Баку, 2004, гл. III, § 3.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ранее мы говорили о том, что тюрки стали известны за пределами своей исторической родины задолго до сельджуков. Подтверждения сказанному содержатся в многочисленных синхронных источниках. Здесь отметим ещё, что в хадисах о поступках и высказываниях Пророка Мухаммеда подчеркивается идея тюркской гегемонии в мировой истории: “Они [тюрки] трижды дойдут до Аравийского полуострова. В период первых завоеваний те, кому удастся убежать, спасутся, и во второй раз те, кто не попадутся, спасут свои жизни, но в третий раз это никому не удастся [завоевание закончится]”.¹

Приведённый пассаж относится к эпохе ранних тюрков в Центральной и Передней Азии. Уже тогда они стали известны и на Кавказе. Это были гунны и савиры, болгары и хазары. Вот почему история взаимоотношений Кавказа с сельджуками является своеобразной тюркской эстафетой, перекинутой в эпоху развитого Средневековья. Тем самым подтверждается, что обособленного региона или страны не существует. История одной страны или народа всегда связана с судьбами соседей. Значит, невозможно обособиться от широкой исторической среды, в которую та или иная страна, тот или иной народ органически включены. В случае с Кавказом это – связанные с тюркским миром многовековые и многовекторные реалии региона. Объективно, Сельджукская держава, в состав которой вошли многие страны Центральной и Передней Азии, в том числе почти весь Кавказ, способствовала их эволюции. При этом немаловажное значение имело объединение в рамках относительно единого государства различных по экономическому, социальному и политическому уровню, этническому составу и языкам, конфессии и культуре

¹ Цит. по: Ахундова Н.Ч. Тюрки в системе государственного управления Арабского халифата: VIII – сер. X веков. Баку, 2004, с. 42.

народов. Стали реальностью столь плодотворные по своим последствиям зоны контакта и синтезного развития, что обеспечило воплощение идеи и принципов континуитета, присущего средневековому Востоку, в том числе Кавказу в XI–XII веках. Тогда появились условия для экономического, политического и культурного развития и расцвета местных обществ в рамках обширной Сельджукской империи.

Вообще, период XI–XII веков является переломным в средневековой истории как Востока, так и Запада. Это подтверждается изменениями в экономической жизни; расцветом городов и ремесленного производства; заметной ролью денежной формы феодальной ренты; новым этапом в денежной системе; доминированием в поземельных отношениях частной собственности; господством принципа федерализма в государственном устройстве.

Значит, действительно, судьба каждого народа или страны всегда связана с соседями. В этом проявляется общее и особенное в жизни любого общества. Вот почему историю Кавказа в XI–XII веках можно правильно понять и оценить лишь при изучении диалектического взаимодействия объективного процесса и субъективных факторов. Поэтому судьба стран региона в исследуемый период, как и их отношений с сельджуками, неотделима от процесса, в который, наряду с ними, оказались вовлечены и другие. Вот почему история, сохраняя локальный характер, одновременно выходит за рамки одной страны или одного региона; как бы ни была обособлена (или как бы ни представлялась таковой), специфична судьба каждой кавказской страны, она находилась в определённой связи и зависимости от типичных явлений, характерных для Востока и Запада в Средневековье. Вместе с тем, хотя в XI–XII веках отношения Кавказа с окружающим миром были многогранными, характерными являлись связи с тюркским миром, в первую очередь и преимущественно с сельджуками. Эти отношения прослеживаются по всем важным векторам.

Политическая история Кавказа прошла несколько этапов, и каждый из них характерен своими особенностями. *На первом этапе* – первая четверть XI века – огузы воспринимались мест-

ными государствами как военная сила, которую можно использовать для узколокальных целей, или от которой следовало защищаться. **На втором этапе** – вторая и третья четверти того же столетия – сельджуки овладели обширными территориями в Центральной и Передней Азии и создали Сельджукскую державу. Это изменило характер отношений с местными государствами и народами: в отношениях с ними совершился переход от режима военной оккупации к военно-политическому и социально-экономическому управлению завоёванными странами. **На третьем этапе** – последняя четверть XI века – наряду с Сельджукской державой, появились новые султанаты и эмираты. На втором и третьем этапах происходила относительно интенсивная миграция тюркских племён и усиление процесса освоения захваченных территорий. Одновременно третий этап характерен кризисом и дроблением Сельджукской державы. **Четвёртый этап** – XII век – ознаменовался появлением самостоятельных государств: сельджукских султанатов, тюркских эмиратов и атабекств. Продолжалось распространение тюркских племён, которые осели на новых землях, адаптировались в местных условиях с автохтонами. Местные государства вновь обрели независимость, активизировали свою внешнеполитическую деятельность. Наиболее заметную роль в истории Кавказа в XII веке сыграли сперва Иракский султанат Сельджукидов, а затем Азербайджанский султанат Ильденизидов.

Социально-экономическая история Кавказа в XI–XII веках свидетельствует об экономическом подъёме: развивались сельское хозяйство и ремесло, местные и внешние торговые связи, товарно-денежные отношения. Характерной стала дальнейшая эволюция частной собственности. Город по-прежнему оставался центром хозяйственной и административной, политической, культурной и идеологической жизни. Кавказ оказался вовлечён в общий поток развития, был составной частью феодальной системы Передней Азии. Всё это оказалось, в первую очередь, следствием внутреннего развития стран региона.

В связи со сказанным можно объективно оценить характер экономической жизни Кавказа исследуемого периода на осно-

вании сопоставления соответствующих равномасштабных синхронных данных о Востоке и Западе XI–XII веков (см.табл. 1)¹:

Таблица 1

**Сравнительные оценки
социально-экономической жизни
Востока и Запада в XI–XII веках**

<i>ВОСТОК</i>	<i>ЗАПАД</i>
Расцвет феодального общества. Нет острокризисного состояния в экономической и социальной областях, скорее кризис роста феодализма	К концу XI века – кризис в экономической и социальной областях. Один из выходов из создавшегося положения – крестовые походы на Восток
Товарное производство, рыночные отношения, относительно ёмкий местный рынок	Господство натурального хозяйства, слабые связи внутри европейских стран
Товарные отношения с Русью, Ближним, Центральным и Дальним Востоком. Вывоз местной продукции	Налаживание внутриевропейских торговых связей. Слабые торговые связи с другими регионами
Дальнейший рост в XI веке и расцвет в XII веке феодального города, средоточия экономической, политической, культурной и идеологической жизни	Появление и оформление в XI веке феодального города
Цеховая система ремесленного производства и купеческие объединения (товарищества) в городе	Возникновение цеховой системы как формы организации городского ремесла
Развитое денежное хозяйство и обращение. Золотой, серебряный и медный чекан. Золото – всеобщий эквивалент в товарно-денежных операциях	Возникновение собственного европейского средневекового денежного хозяйства в широких масштабах. Серебряный и медный чекан

¹ Качановский О.В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? Москва, 1971; Конрад Н.И. Запад и Восток. Москва, 1972; Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. Москва, 1975; Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке. Москва, 1966; Поршнев Б.Ф. Феодализм и народные массы. Москва, 1964; Киндер Г., Хильгеман В. Всемирная история. Пер. с англ. Москва, 2003.

<i>ВОСТОК</i>	<i>ЗАПАД</i>
Денежное обращение не обеспечено достаточным количеством благородного металла (серебра). Серебряный кризис, как один из важных показателей степени развития товарно-денежных отношений. Медная монета – основа внутригосударственного денежного обращения	Доминирование натуральной и отработочной форм феодальной ренты как следствие слабости города, местного рынка, торговых связей
Заметная роль денежной ренты как следствие расцвета города – центра ремесла и торговли, основного покупателя сельскохозяйственной продукции; как следствие существования местного рынка, широких торговых связей	Господство натуральной и отработочной ренты. Денежное обращение не испытывает недостатка в благородном металле
Прикрепление крестьян к своим обязанностям, а не к земле. Сохранение прослойки мелких частных собственников земли – крестьян	Одна из причин социально-экономического кризиса – закрепощение крестьянства, его интенсивное обезземеление
Расцвет феодальной культуры, её распространение среди различных слоёв населения	Возникновение феодальной культуры

Таким образом, как можно судить по нашему изложению и вышеприведённой таблице, социально-экономическая жизнь Кавказа в XI–XII веках не носила замкнутого натурального характера, а тем более не являлась кочевой. Экономический базис достиг достаточно высокого уровня развития. Регион был вовлечён в общий поток развития средневекового сообщества.

Для исследуемого периода характерно, что *феодальные отношения* также претерпели трансформацию. Появилась новая группа феодалов из числа тюркских эмиров, что привело, как и само сельджукское завоевание, к известному перераспределению земельного фонда и определённым изменениям в поземельных отношениях. Произошли перемены в системе сюзеренитета и вассалитета, в частности, на монете местных государств появились имена Сельджукидов, местные династии должны были нести определённые обязательства перед своими сюзеренами

– султанами. Появились новые феодальные институты, в том числе атабеков и уджей. Это был период полного развития феодальной собственности и феодальной иерархии.

Этническая история Кавказа XI–XII веков также отмечена важными изменениями. Письменные источники и топонимика позволяют установить роль и значение тюрков в истории народов региона, выявить период их сравнительно массовой инфильтрации и оседания здесь, выяснить, кто были они, когда и по каким маршрутам проходили на Кавказ, где обосновались, к какому времени следует отнести превращение ряда тюркских языков в основное средство общения определённой части автохтонов.

Тюркизация Кавказа была длительным процессом, который начался до XI–XII веков.¹ Тюрки в Передней Азии, в том числе в Кавказском регионе, были известны задолго до огузов, уже с первых веков новой эры.² На это указывают археологические, исторические, языковые, этнические, этнографические, эпиграфические и топонимические артефакты. Однако ранняя тюркская инфильтрация на Кавказ, как нам представляется, ещё не предопределяла важных перемен в жизни местного населения, хотя уже в IV–X веках тюрко-язычная прослойка в Передней Азии в целом была довольно заметной и играла заметную роль, например, в Византийской и Сасанидской империях и Арабском халифате.³

¹ Джафаров Ю.Р. Гунны и Азербайджан. Баку, 1985, с. 3.

² Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. Москва-Ленинград, 1941. с. 80, 165–167; Джафаров Ю.Р. Указ. раб., гл. I; История народов Северного Кавказа. С древнейших времён до конца XVIII века. Москва, 1988, гл. V и VI.

³ Ахундова Н.Ч. Указ. раб.; Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. Москва, 1966; Плетнёва С.Н. Хазары. Москва, 1986; Артамонов М.И. История хазар. Издание второе. Санкт-Петербург, 2001; Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана. Махачкала, 1996, раздел II, гл. 1, 2, 5; Фёдоров Л.А., Фёдоров Г.С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. Москва, 1978; Гмырь Л.Б. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала, 1993; Магомедов М.Г. Хазары на Кавказе. Махачкала, 1994; История Азербайджана. Баку, 1995, с. 399–400; История народов Северного Кавказа, с. 91, 93–98, 100, 104, 116–119, 127, 133; Moravcik G. Byzantinoturcica. 2 Aufl. Bd. I–II. Berlin, 1958.

Процесс усиления тюркского элемента на Кавказе происходил постепенно, по мере расширения контактов и миграций. Важную, этапную роль в языковой тюркизации региона тюрки стали играть, начиная с XI–XII веков, когда фиксировано широкое проникновение на Кавказ огузских племён, то есть в период существования Сельджукской империи.¹ До XI века тюрки не играли определяющей роли в судьбах Кавказа. Если принять положение, что часть его автохтонов издревле являлась тюркоязычной, то и в таком случае не теряет значения вывод о доминировании тюрков, лишь начиная с периода развитого Средневековья. Причём в тех зонах, что оказались в составе Сельджукской империи, то есть на Южном, Центральном и части Северного Кавказа (преимущественно в Южном Дагестане).

Сельджукское завоевание и временное господство коренным образом отличались от предыдущих инфильтраций тюркских племён на Кавказ, что привело к разительным переменам в этноязыковой истории части автохтонов. Это стало результатом последовательного включения *впервые* значительной части региона в состав сперва, в XI веке, Сельджукской державы, затем, в XII веке, Азербайджанского султаната Ильденизидов. С этими эпохальными событиями связано важное обстоятельство: в отличие от предыдущих тюркских волн – гуннской, болгарской, сабирской и хазарской, – тюрки в XI–XII веках переселились на Кавказ в массовом количестве, нередко целыми племенами, то есть со своими семьями, стадами скота. По этой причине как большинство тюркских этнотопонимов, так и этнонимов на Кавказе связано с сельджукской волной. Широкое распространение языков тюркской семьи именно в те столетия было связано в регионе как с политической составляющей – обширное и единое государство, сперва Сельджукское, следом Ильденизидское так и с конфессиональной – доминирование ислама.

В результате, на Кавказе фиксированы следующие тюркские этнотопонимы, топонимы и гидронимы досельджукского

¹ Заходер Б.Н. Средиземноморье и Передняя Азия с XI по XVIII века. Москва, 1940, с. 5; Turan O. Selçuklular tarihi və türk-islam medeniyeti. Ankara, 1965, s.189.

и сельджукского времени, а также этносы тюркской языковой семьи.¹

Этнотопонимы и гидронимы: *Афшар, Амерлу (Эймюр), Болгаргёй-тепе, Болгар-кенд, Болгару-чай, Хазар-юрт, Огузер, Огузлы, Огуз-тау, Байандур, Байан-ата, Байандурлы, Халадж, Байат-агбулаг, Байат-синджан, Байат-узун-кишлаг, Баят, Бекдаллы, Бейдалу, Игдыр, Игдыр-нова, Кыпчак, Кыпчак-чай, Канглы, Чарухчи.*

Этнонимы: *афшар, эймюр, болгар, хазар, огуз, байат, бай-ундур, бектили, игдыр, печенег, чебни, йивэ, йайырлы, кара-бюлюк, кынык, салур, тутырга, тюкер, чарук, чувалдар, агач-эри, канглы, карлук, кыпчак, халадж.*

Этносы тюркской языковой семьи на Кавказе.²

На Северном: карачаевцы, ногайцы – мусульмане, язык кыпчакского круга; азербайджанцы, ахыска, трухмены (туркмены) – мусульмане, язык огузского круга.

На Центральном: азербайджанцы, ахыска – мусульмане, язык огузского круга.

На Южном: азербайджанцы, турки, туркмены – мусульмане, язык огузского круга.

В связи с этим отметим, что на Кавказе в начале XXI столетия известны следующие народы, говорящие на языках тюрк-

¹ Пагирев П.Д. Алфавитный указатель к пятивёрстной карте Кавказского края. Тифлис, 1913; История народов Северного Кавказа, указатель этнических названий; Рашид ад-Дин. Джамии ат-таварих, том I, книга I. Москва-Ленинград, 1952, с. 76, 83–95, 87–90, 146, 151; Книга моего деда Коркуда. Перевод, вступительная статья и комментарий В.В.Бартольда. Москва-Ленинград, 1962, с. 11, 30, 53, 58, 78, 79, 101–102, 105; Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского. Москва-Ленинград, 1958, с. 50–54; Mahmud Kaşgarlı. *Divanü Lugat-it-Türk*. I. Cilt. Ankara, 1939, s. 55–58.

² Баскаков Н.А. Тюркские языки. Москва, 1960, примечания 1 и 2; Народы мира. Историко-этнографический справочник. Москва, 1988, разные страницы. Azərbaycan Respublikası əhalisinin siyahıya alınması. 1999-cü il. I hissə. Bakı, 2000, s. 8; Түркийе истатистик йыллыбы, 2002. Анкара, 2003, с. 53–54; Основные итоги переписи населения Российской Федерации 2002 года. Москва, 2003; Tağıyeva Ş., Rəhimli Ə., Bayramzadə Ş. Güney Azərbaycan. Bakı, 2000, s. 63.

ской семьи: азербайджанцы, балкарцы, карачаевцы, кумыки, ногайцы, турки-ахыска, туркмены, татары.

Носители огузского языка стали известны на Кавказе в XI веке¹, что было следствием сельджукского завоевания и включения стран и народов региона в состав Сельджукской империи. Носители кыпчакского языка появились здесь раньше, но их роль в истории региона возросла в XII веке, что связано с политикой атабеков Азербайджана Ильденизидов, а также султанов Иракского сельджукского государства и, в определённой степени, Багратидов Грузинского царства.²

Таким образом, история Кавказа в связи с сельджуками подтверждает, что период XI–XII веков стал одним из этапов поступательной и непрерывной эволюции местных обществ. В эти столетия Кавказ был вовлечён в общий поток социально-экономического, политического и культурно-конфессионального развития средневекового сообщества и являлся составной частью мировой феодальной системы, а его страны и народы внесли достойную лепту в мировую историю.

¹ Histoire de la Géorgie. Pt. I. Histoire ancienne jus'qu'en 1469 de J.-C. Trad. par M.-F. Brosset. Saint-Petersbourg, 1849, p. 306–307, 312; Chronique de Michel le Syrien, t. IV. Ed. par J.-B. Chabot. Paris, 1910, p. 572; Barhebraei Gregorii Chronicon Syriacum. Ed. P. Bedjan. Parisiis, 1890, p. 218–221.

² Низами Гянджеви. Хосров и Ширин. Пер. Липскерова К. Баку, 1947, с. 239–240; Чхатарайшвили К.А. Воины-иноземцы в грузинском войске. // “Грузия в эпоху Руставели”, Тбилиси, 1966, с. 305; Recueil des historiens des Croisades. Historien Orientaux, t.I. Paris, 1872, p. 589; Additions et Eclaircissements à l’Histoire de la Géorgie. Par M.-F. Brosset. Saint-Petersbourg, 1851, p. 229.

SUMMARY

A military-political association of Oghuz and other Turkic tribes headed by Seljuk from Oghuz tribe of Kynyk was formed in Turkestan (South Kazakhstan) in the first half of the 10 century. In the 11–12 centuries, these tribes headed by direct offspring and successors to Seljuk took part in the offensive and migration movements from the Central Asia to the West, seized vast territories from Turkestan to the Mediterranean and from the Caucasus to the Persian Gulf, created several states on these territories. According to an eponym of their first leader, participants of these momentous events and their offensive and migration movements, states, dynasties and epoch became known under the title of “Seljuk”. The most powerful state was the Seljuk empire (1038–1157) headed by great sultans who owned the Central and Minor Asia, nearly all the Caucasus and Iran, countries of the Near East. Also, there were Kirman (1041–1186), Syrian (1076–1117), Konya (1077–1307) and Iraqi (1118–1194) Sultanates headed by ordinary Seljukids, as well as powerful emirates established by Turkic commanders, including Danishmend emirate (1071–1170) in the central and eastern parts of Asia Minor; Artukid emirate (1102–1408) in Diyarbakir; Zanghid emirate (1127–1222) in al-Jazira and Syria; Salgurid emirate (1148–1270) in Fars.

Note that appreciable changes in all the spheres of the life of local population took place in the 11–12 centuries on the territories conquered by Seljuks. All the same time, Seljukids influenced the world history in the Middle Ages. That’s why the Seljuk epoch has always been in the focus of attention of historians. In the reviewed period this epoch’s contemporaries dedicated special works, written in Arab and Greek, Syrian and Persian, Georgian and other languages, to Seljuks. Commencing from the 19 century, this epoch became a subject of studies and heightened interest.

Their works once again confirmed that no separate region or century had ever existed: the history of the country taken separately is unthinkable, for the destiny of each nation is always connected with those of neighboring countries. Their development within the framework of one formation is closely interwoven, and as a result, factors caused by typological community overstepping narrow local territorial or ethnic limits, affect the destiny of people, country, region and wider area. For this reason, the Seljuk power with Caucasian countries as its integral part contributed to their evolution. It was fruitful contact zones and synthesis development that helped convert ideas and principles of continuity, inherent in medieval Orient, into reality. Conditions proved to be favorable for onward development of society, including its local modifications. The period of the 11–13 centuries is known to be a crucial for the history both of the East and the West. It is no mere coincidence that the Seljuk epoch both in the Front Asia and the Caucasus was a period of comprehensive development of all forms of feudal property and feudal hierarchy. Simultaneously, agriculture and handicrafts, local and foreign trade relations, commodity ties and monetary relations developed; role of monetary form in feudal rent increased; transition to the new money system began to shape. Agricultural products and handicrafts were exported to the countries of Europe, the Near and Middle East, as well as the Far East. In great demand were oil and saffron, cotton and silk, various dyes. Important items of export were also silk, wool and cotton clothes, jewelry and dry fruits, carpets and weapons, salt and horses, leather and mineral raw material, non-ferrous and precious metals, grain, clothes and book-covers. Imported to the Caucasus were spices and incense, chinaware and arms, celadon and silk, paper, etc.

Changes took place in the forms of land ownership and land tenure caused by transformation of relations along suzerain-vassal lines. Also typical for the epoch was the revival and predominance of land institution *ikta*; appearance and spreading of land category *udjey*; increased development of private property.

The town was prospering. It remained to be the centre of political, economic, cultural and ideological life. Suffice it to mention Tabriz

and Tbilisi, Gyanja and Baylakan, Kutaisi and Derbend, Maraga and Nakhchivan, Baku and Rustavi, Ardabil and Gori, Shamakha and Zhinvani, Barda and Dmanisi. These were densely populated towns with multi-branch handicrafts and social division of labor; these were towns surrounded by defensive walls and ditches, with citadels and trade blocks, 3-4-storey residential houses and water supplies, cobbled streets and sewerage, their own everyday life and permanent population.

It would be appropriate to note that feudal relations experienced transformation: a new group of feudal lords from Turkic emirs appeared. Like the Seljuk conquest, this transformation resulted in the re-distribution of land stock and changes in land relations. Changes also occurred in the system of sovereignty and vassalage: names of Seljukids were stamped on coins of local states. Local dynasties committed themselves to performing certain obligations, including economic ones. Hence, new feudal institutes of Atabeks and Udjes sprang up.

The political history of the Caucasus in the 11–12 centuries consisted of several periods, each with its own characteristic features. In the first period (11 century), relations between Seljuks and the Caucasus were largely marked by military-political events. Note that Seljuks first appeared in this region in 1030, and a little later – 1070–1080 it was conquered and then annexed by the Seljuk power. Some local political structures were liquidated, just two powerful states survived - Shirvan in Azerbaijan and the Georgian. An ally of the conquerors – Aran-Nakhchivan emirate in Azerbaijan began playing an important role on the historical arena. Derbend and Tbilisi emirates succeeded to survive. As a whole, the history of the Caucasus in the last quarter of the 11 century was closely interwoven with Seljuks, and through them with the rest of the world. Countries of the region came to be involved in the world political round of events as integral parts of the Front Asian feudal system.

The second period goes back to the 12 century, full of military-political, social-economic and ethnic events and changes. These events were associated with activities of Seljuks and their leaders, splitting up of the Seljuk power in the 11–12 centuries and

intensification of local political forces. The Shirvan and Georgian states consolidated their positions. The same was true of the Iraqi sultanate of Seljukids (1118–1194) and the state of Atabeks headed by the dynasty of Ildenizids (1136–1225).

An emphasis should be laid on the principle of feudalism in the political system, typical for the Shaddadid federative state in the Caucasus, which united in the 11 century three emirates under the aegis of one dynasty: Aran-Nakhchivan (951–1075), Dvin (951–1130) and Ani (1072–1199).

Relations between the Caucasus and the surrounding world had always been multiform. In the 11–12 centuries, relations with the Turkic world began developing. Their beginning goes back to the first countries of the new era; subsequently they assumed a heightened importance and experienced several stages. At the first stage (first quarter of the 11 century) Turks largely represented by “free” Oghuzs, not entering the Seljuk association, were perceived as military force used for local, narrow political purposes. Later on, they were used as military mercenaries of the Ravvadid, Shaddadid and Shirvan states. Note that the Georgian kingdom hired “free” Kipchaks, not members of the Seljuk association, who formed the backbone of the cavalry.

At the second stage (second and third quarters of the 11 century), Turks came out on the world arena under the generic name of Seljuks and were perceived as a political force that seized the Caucasus. This circumstance changed the nature of their relations with local states.

At the last quarter of the 11 century they contributed to the expansion of territories, earlier subordinated to sultans.

The fourth stage is the longest and falls on the 12 century. It is notable for crisis tendencies and splitting-up of the Seljuk power, which enabled local states – Shirvan and Georgian, to gain independence and intensify their foreign policy. Subsequently, a military-political influence of the Iraqi sultanat of Seljukids and then the state of Atabeks of Azerbaijan - Ildenizids manifested itself in the Caucasus. Note that Ildenizids played an important role in the military and political history of the region. Under Atabeks Shams ad-Din Ildeniz (1136–1175), Jahan Pehlevan (1175–1186) and Kyzyl

Arslan (1186–1191), lands of Iraqi sultans were united with those of Ildenizids and transformed into the unified Azerbaijani sultanate. It included a considerable part of the Caucasus and Iran, had its own system of administration and coinage, pursued independent foreign political line and influenced the situation in the Front Asia.

At the second, third and fourth stages – the second half of the 11 century and the whole of the 12 century there was an intensive migration of Turks, mainly Oghuzes from the Seljuk association who partly settled down and later assimilated with autochthons. This came as a continuation of the Turkic infiltration to the Caucasian region, which started in the previous centuries in two stages: Hun in the 3–5 centuries and Sair-Khazar in the 5–7 centuries. They preceded the third stage – Oghuz-Kipchak in the 9–12 centuries with the Seljuk influx in the 11–12 centuries as its integral part. As distinct from the previous influxes, this one coincided in the 11 century with the Seljuk conquest and seizure of vast territories, later the Seljuk Empire. That was a strict difference between the infiltration of Turks to the Caucasus in the preceding centuries where the territory remained outside the limits of Turkic possessions, and the Seljuk influx in the 11–12 centuries where the Caucasus joined the Seljuk power.

As distinguished from the previous centuries and Turkic intrushes, there was a mass arrival of Turks in the Caucasus, following which the language of Oghuzes became a means of communication for the local population. Subsequently, it turned into the local language of the region and became an important factor for a part of autochthons.

It has to be kept in mind that the Seljuk power in the 11 century and its successors in the 12 century were not engaged in specific political activity. According to the tradition, Turks waged offensive campaigns and settled down on conquered lands. This was typical for the Hun and Sabir-Khazar epochs, and the same was true now that the Seljuk conquests were accompanied by migration, both organized and spontaneous.

These were two parallel and synchronous processes with the participation of the Turkic tribes as bearers of Oghuz language. As a result, numerous, as compared with the previous centuries, masses of Turks settled down in the Caucasus.

The history of the Caucasus due to Seljuks once again confirms that the 11–12 centuries became a stage in the continuous evolution of local feudal societies, which within two centuries passed main stages of their development, typical for the medieval community of the reviewed period. The Caucasus plunged into the general current of positive transformations and proved to be an integral part of the world feudal system.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Из “Хроники” Михаила Сирийца

Книга XIV “Хроники” Михаила Сирийца излагает события, связанные с огузами, которые дважды громко заявили о себе в мировой истории. Первый раз в раннем Средневековье, когда они в VII веке впервые упомянуты в Орхоно-Енисейских надписях. Второй – когда приняли участие в создании, возвышении и расширении Сельджукской империи, с судьбами которой связана истории Кавказа XI–XII веков. Заключительные строки сообщения Михаила Сирийца свидетельствуют о процессе создания этого обширного государства и воцарении первого великого султана Сельджукида Тогрул-бека I (1038–1063), носившего дарованный ему халифом ал-Каимом мусульманский титул Рукн ад-Дин (Столп веры). Ниже следует перевод книги XIV века “Хроника” Михаила Сирийца. (Chronique de Michel le Syrien. Ed. par J.-В. Chabot. Paris, 1910, t. IV, p.566–571. В скобках – наши пояснения.).

“Ввиду того, что в это время (XI век) начали тюрки (сельджуки) воцаряться и захватили города и земли, мы посвящаем им эту книгу XIV.

Глава 1. Кто такие тюрки, откуда они и в какой стороне обитают. Народ тюрков – из потомков Йафета. Они – сыны Магога. Как написал великий Моисей: “Магог – сын Йафета, сына Ноя”. От него произошёл и увеличился в этой земле большой и сильный народ. Почтенный мар Яков Эдесский (сирийский автор VII века) сообщил, что об этом народе тюрков говорил пророк Йезекииль: “Они – Гог и Магог, которые появились при персидском царе Камбисе (VI век до н. э.)”. У Иоанна Асийского (сирийский автор VI века) говорится: “В седьмой год (правления) (571 год) ромейского царя (византийского императора)

Юстина (II, 565–578) направил он послов к народу тюрков. Они возвратились через три года и рассказали, что видели бесчисленный, как саранча, народ; у них девять царей. Увидел тюркский царь ромейских послов, пришедших к нему, и заплакал. Когда спросили его, по какой причине плачет, он ответил: “От наших предков мы знаем, что, когда придут к нам послы от царей, которые на западе, наступит время, чтобы мы двинулись по всей земле и опустошили её”.

Сохранилось персидское предание о времени гибели Сасанидского царства. Там сказано: последний царь Йездигерд III (632–651), бежавший от арабов, укрылся в городе тюрков Мару (ныне Мерв в Туркменистане), тюрком же был убит там, на мельнице. Во времена арабов, которые воцарились после персов, Дионисий Телл-Махрский (сирийский автор XI века) упоминает в своей “Истории”, что, когда поднялся арабский царь (халиф) Абу Исхак (ал-Мутасим Аббасид, 833–842) против города Амориума (в Малой Азии), то четыре тысячи тюрков взял на войну.

Глава 2. О нравах тюрков. Земля, где обитают тюрки, которые есть Гог и Магог, находится на северо-востоке (от Малой Азии). Это мы знаем не только из сказанного пророками, но и потому, что слышали и видели мы и наши предшественники. (Там) они собирались, вышли и продолжают выходить постоянно. Они жили на пространстве от края востока, где восходит солнце, до северных пределов и западного края. Об этой земле говорится, что она окружена непроходимыми горами. Только в двух местах имеются проходы, через которые могут выйти те, кто там обитает, и войти те, кто пожелает. Один из этих проходов в восточной стороне, далеко на восток от Ирана (в Центральной Азии); другой – на севере, там есть укрепления (Дербендские), построенные по повелению Александра Великого. Он приказал возвести их, чтобы обманом народы, живущие там, не вышли. До ворот (в Центральной Азии) – тяжёлый двухдневный путь. В конце его находится крепость, и при ней стража, чтобы весь этот многочисленный варварский народ не вышел. Во времена древние и предшествующие нам цари народов, обитавших на востоке,

поставили там воинов. Во времена царства арабов (Арабского халифата), которые воцарились после предыдущих, проход на востоке охраняли тюрки, которые собрались и вышли оттуда, и жили в земле Маргианы (историческая область в Туркменистане, с центром в Мерве). Ромейский (византийский) царь Тиверий (II, 578–582) отправил послов к царю тюрков, который спросил: “Правда ли, что ромеи находятся под властью персов?” На это ему ответили: “Нет, не находятся, но персы неоднократно пребывали под властью ромеев, а ромейский царь Траян (98–117) воздвиг свою статую в персидской земле и принудил (персов) почитать её”. Когда услышал царь тюрков об этом, то изгнал персов из Маргианы, ибо они лгали ему.

Известно, что тюрки выходили из той внутренней земли, в которой жили за горами, называемыми “грудями земли”.

Есть у тюрков достоинства. Они – верные, простые, бесхитростные; мудрые и умелые в устройстве своей жизни. Они избегают супружеской измены, и блуда у них мало, потому что нет закона, запрещающего второй и третий браки, как и многожёнства. Однако нет у тюрков знания (то есть системной религии). Они непривычны к изготовлению одежды из льна и виссона (греч. – тонкое льняное полотно). Свою одежду и жилища изготавливают из овечьей и козьей шерсти. Особенно велика у них способность подчинять себе зверей и животных. Когда множество овец, быков и коней находится в их лагере, они бесшумно останавливаются либо идут вперед. И это происходит по “команде”. Удивительна способность тюрков покорять животных и зверей.

Тюрки молчаливы и не любят многословия. Исповедуют единого небесного Бога, но без понимания, потому что они этот видимый небесный свод почитают за божество.

Глава 3. Как тюрки начали выходить из внутренней земли, где жили. Таким образом, земля тюрков окружена горами, которые именуют “грудями земли”. Они могли выходить оттуда только через два прохода. Когда внешние цари нуждались в них, они выводили столько тюрков, сколько хотели иметь с собой в войне против врагов. Потом они возвращали тюрков в их страну.

Поэтому цари персов, мидян и ассирийцев много раз нанимали тюрок, которые поднимались, распространялись и захватывали территории, а затем возвращались.

Глава 4. О последнем нашествии тюрок, в результате которого они воцарились в Иране, Ассирии, Месопотамии, Сирии, Палестине, Киликии и Египте, вплоть до (Средиземного) моря. Когда воцарились арабы, то они истребили язычников-персов, а также греков, которые преследовали христиан. Арабское царство блистало до времени, пока правили праведные цари (первые четыре халифа: Абу-Бекр (632–634), Омар (634–644), Осман (644–656), Али (656–661). После многолетнего царствования они лишились божественной благодати. Вновь возвысились греки, которые возобновили прежние нравы. Бог разгневался на них и послал тюрок в их второе нашествие, которое произошло следующим образом. Когда арабы ослабели и греки воцарились во многих местах, то арабы были вынуждены призвать на помощь тюрок (это произошло в VIII веке). Тюрки пошли с арабами в качестве подчинённых, а не господ. Они повсюду вели себя мужественно и возвращались с победой. Они захватили и увезли в свою страну богатства тех мест и возбуждали многих отправиться с ними, чтобы поселиться в новой земле.

Когда народ тюрок (имеются в виду сельджуки) вырвался и вышел из гор, то они покрыли всю землю, и даже стеснили тюрок, вышедших ранее. Это случилось потому, что земля не была в состоянии вместить и нести всех. Предыдущие были оттеснены дальше, на запад. Когда тюрки начали передвижение, то увидели того, кто был проводником у прежних и походил на собаку (речь о “сивом волке”). Он шёл впереди, и они не могли приблизиться к нему. Когда он хотел идти, то повышал голос и говорил: “Куму!”, то есть “гош!” (“Вставайте”, то есть “запрягайте” – здесь первое слово “куму” – сирийское, второе – “гош” – тюркское, означающее “гошмак”, то есть запрягать). Тогда они вставали и запрягали, и шли за ним, пока он не останавливался. Тогда и они останавливались и располагались (на отдых). Он вёл их много дней, а затем исчез. Известно, что каждый народ

ведом к полезному тем, кто для него привычен. Так и тюрки – подобием животных, которые для них привычны.

Когда проводник исчез, тюрки увидели, что очутились среди царей и что земли, куда они пришли, недостаточно для их поселения. Тогда условились и разделились на три части с тем, чтобы каждая ушла в одну из сторон (света). Одни – на юг, другие – на север, третьи – на середину (запад). Взяли три палки, поместили и бросили вверх, туда, где, по их представлениям, находится Бог. До того все поклялись, что каждый из таборов, в какую сторону его ни приведёт (палка), будет почитать Бога, которому там поклоняются, то есть примут местную веру. Поэтому те, кто пошли на юг, нашли там христиан и язычников, и последовали им. До сего дня одни из них христиане, а другие – язычники, поклоняющиеся идолам. Чей жребий выпал на север, находились на границе царства греков (Византийской империи), несколько севернее. Они прозывались куманами, по имени той земли (то есть Северного Кавказа). Они присоединились к христианскому народу, который там. Те, что пошли на запад, достигли царства арабов (Иран, Центральный и Южный Кавказ, остальная Передняя Азия – до Средиземного моря), смешались с ними, признали и приняли их веру (ислам).

Глава 5. О единении народа тюрков с арабами в вере. По трём причинам тюрки легко объединились с арабами и приняли веру, которой они придерживаются. Во-первых, тюрки всегда провозглашали единого Бога. Во внутренней земле, где они прежде жили, тюрки почитали за божество видимый небесный свод. До сего дня (то есть и в XII веке), если спросят кого-либо, кто не сведущ в вере, то он отвечает: “Кан Тангры!” *Кан* (испорч. “гёй”) на их языке означает “Небесная синь”, а *Тангры* – “Бог”. Они полагают, что небеса – единственное верховное божество (то есть тюрки были монотеистами). Когда тюрки узнали, что арабы также провозглашают единого Бога, они приняли их веру (ислам).

Вторая причина единения тюрков с арабами в вере такова. Первые тюрки вторглись в землю Маргианы и обосновались там во времена персов (Сасанидов, то есть в III–VI веках).

После выступления (Пророка) Мухаммеда, благодаря которому Арабское царство усилилось, настал конец всех царств Востока. Осталось и существовало только одно – Арабское. Тюрки, которые пришли в Маргиану, присоединились к этому царству арабов. Тюрки (сельджуки), которые двинулись впоследствии, встретили своих соплеменников. Их речь была между собой сходной. Когда они дошли до тех, которые приняли (ислам), то и они последовали ему, как обещали.

Третья причина объединения тюрков с арабами такова. Когда арабы взяли тюрков в качестве наёмников на войну с греками, то эти тюрки узнали и приняли Слово (Пророка) Мухаммеда, который сказал: “Когда отрекутся от почитания идолов и прочих тварей и Мою веру примут, будет им дана земля, хорошая и красивая, и они воцарятся в ней!” (ср.: Коран, 39:19). По этой причине тюрки приняли (ислам).

Эти три обстоятельства способствовали тому, что тюрки признали (Пророка) Мухаммеда, объединились с арабами в веру и стали как бы единым народом. А арабы приняли тюрков с условием, что, когда появится среди них (тюрков) и воцарится (кто-либо), то он будет возвышен и назван мусульманским царём.

Когда тюрки вторглись в земли персов и заняли города, то захотели избрать себе царя. Собрались главы племен, по одному от каждого, всего семьдесят человек. Они были знатными и самыми уважаемыми среди тюрков. Усевшись в круг, каждый со своей палкой (символ власти) в руке, начертили на земле круг. И условились твёрдо: тот, чья палка упадёт в центр круга, станет царём. Каждый бросил палку так высоко, как умел. Все палки попадали вне круга. Одна упала в середину и воткнулась в землю. Это была палка человека из незначительного племени. И он воцарился над тюрками”.

Из “Всеобщей истории” Бар Эбрея

Ниже следует перевод рассказа автора XIII века Бар Эбрея о бракосочетании первого великого сельджукского султана Тогрул-бека I и дочери аббасидского халифа ал-Каима – Сай-

йиды, который интересен уже тем, что является самым ранним – 1063 год – известным описанием свадебных церемоний тюрок после принятия ими ислама, когда были ещё живы многие специфические черты этой стороны семейного быта тюркоязычных племен. *Barhebraei. (Chronicon Syriacum. Ed. P.Bedjan. Parisiis. 1890, p. 241. В скобках – наши пояснения).*

“В 1063 году скончалась Хатун – жена султана Тогрул-бека. Он её очень любил, и все дела государства находились в её ведении. Он отправил к халифу (сватов с просьбой), чтобы тот отдал за него свою дочь. Но когда халиф отказался отдать свою дочь за чужестранца как по роду, так и по происхождению, то султан оскорбился. И после многочисленных пререканий открыто стал проявлять своё недружелюбие. Тогда халиф испугался и, вопреки собственному желанию, отдал свою дочь за него с условием, что она не покинет дворца, но когда бы султан не приехал в Багдад, она будет жить у него здесь. После долгих переговоров решили, что она переедет в новый дворец, который построил султан.

Султан прибыл в Багдад и преподнёс 100 тысяч золотых динаров и 150 тысяч зузе (серебряных дирхемов), 4.000 дорогих платков. И взял (в жёны) дочь халифа.

Когда она прибыла в его дворец, то султан и знатные тюрки встали и танцевали, согласно своим обычаям: преклоняли свои колени и вновь поднимались, распевая песни по тюркскому обычаю.

Для неё был приготовлен золотой трон; султан вошёл и поклонился до земли, выразив ей своё уважение, но не присел, а ушёл. Так он продолжал (делать) в течение семи дней, не открывая её лица, чтобы взглянуть на неё. И в этом празднестве была большая радость для султана, но печаль для халифа. Особенно потому, что, когда султан покинул Багдад, чтобы отправиться в Хорасан, то увёз с собой дочь халифа, свою жену. И султан не исполнил условия, что она не покинет Багдада”.

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ РАУФА А.ГУСЕЙН-ЗАДЕ

1957

К истории тюрков XI–XII веков (По материалам сирязычной хроники XII века).//Труды Института истории АН Азербайджана, том XII. Баку.

1960

Сирийские источники XII–XIII веков об Азербайджане. Баку.

“Хроника” Михаила Сирийца.//Палестинский сборник (ПС), вып. 5 (68). Москва-Ленинград.

Sources Syriaques du XII–XIII Siecles concernant l’Azerbaïdjan.//XXVe Congres International des Orientalistes. Moscou.

1962

О тюрках IV–VI веков в зоне Кавказской Албании.//Сб.ст. “Вопросы истории Кавказской Албании”. Баку.

Роль и значение сирийских источников для изучения истории народов Кавказа.//Доклады АН Азербайджана (ДАН), том XVIII, № 7. Баку.

Некоторые итоги и перспективы работы Института истории АН Азербайджана (в соавторстве).// Журнал “История СССР”, № 5. Москва.

1963

“Хронография” Ильи Бар Шинайи. //Межвузовская научная конференция по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки. Тезисы докладов и сообщений. 22–25 января 1963 года. Ленинград.

Бар Эбрей и Азербайджан.//ДАН Азербайджана, том XIX, № 3. Баку.

1964

Об одиннадцатой части “Кетаба д’Эсхолион” (“Книга схолий”) Феодора Бар Кони.//ПС, вып. 11 (74). Москва-Ленинград.

Les Sources Syriaques des XIIe et XIIIe Siecles concernant l’Azerbaidjan.//Bedi Kartlisa-Revue de Kartvelologie (BK-RK), Etudes Georgiennes et Caucasiennes, vol. XV–XVI (№ 43–44). Paris.

1965

Тюркское GOŞ в сирийском источнике.//Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР (КСИНА), № 86. Москва.

“Хронография” Ильи Бар Шинайи.//Историография и источниковедение стран Азии, вып. 1. Материалы научной конференции 25–27 января 1963 года. Ленинград.

Об устойчивости и преемственности традиций свадебных обрядов у народов Передней Азии (на материале тюркок-огузов XI–XII веков).//Доклады Восточной комиссии Географического общества СССР, вып. 1 (2). Ленинград.

La Conquete de l’Azerbaidjan par les Seldjoucides.//BK-RK, vol. XIX–XX (№ 48–49). Paris.

1966

Институт атабеков.//ПС, вып. 15 (78). Москва-Ленинград.

1967

Сельджукская военная организация.//ПС, вып. 17 (80). Ленинград.

Le Terme Turc GOŞ dans un Texte Syriaque.//Studia et Acta Orientalia, V–VI. Bucarest.

1968

Malazgird ve Kafkaslar.//Tarih Araştırmaları Dergisi. VI. Cilt. VI. Sayı: 10–11. Ankara.

1969

Султан и халиф (Из истории сюзеренитета и вассалитета на Ближнем Востоке XI–XII веков).//ПС, вып. 19 (82). Ленинград.

Рецензия: Первое крупное исследование. О книге Н.Н.Шенгелия. Сельджуки и Грузия в XI веке.// “Мацне”, № 1 (46). Тбилиси.

Последствия сражения при Манцикерте (1071 год) для Закавказья.//Византийский временник (ВВ), том XXIX. Москва.

“Хроника” Михаила Сирийца и “Всеобщая история” Бар Эбрея как источники по истории Юго-Восточной Европы XI–XII веков.// Des Etudes Balkaniques et Sud-Est Europeennes, III. Histoire. Actes du Premiere Congres International. Sofia.

Рецензия: Faruk Sümer. Oğuzlar (Türkmenler). Tarihleri, boy teşkilatı, destanları. Ankara, 1967.// Журнал “Народы Азии и Африки”, № 3.

1970

Consequences de la Bataille de Mantzikert (1071) entre Alp-Arslan et Romain IV pour la Transcaucasie.//БК-РК, vol. XXVII. Paris.

Superpositions Ethniques en Transcaucasie aux Xie et XIIe siecles.//Turcica. Revue d’Etudes Turques (TRET), tome II. Paris.

Иракские Сельджукиды, Ильдегизиды и Закавказье.//ПС, вып. 21 (84). Ленинград.

Сельджукская тематика в современной историографии.//Тюркологический сборник (ТС) – 1970. Москва.

Титулатура и тамга Ильдегизидов.//Советская тюркология (СТ), № 4. Баку.

İrak Selçukileri ve Kafkasötesi.//VII.Türk Tarih Kongresi. Bildiri Özetleri. Ankara.

1971

Из истории денежного обращения в Передней Азии в XI–XII веках.//Нумизматика и эпиграфика, № IX. Москва.

Из истории отношений Византии с сельджуками (по сирийским источникам).//ПС, вып. 23 (86). Ленинград.

Les Relations entre Byzance et Seldjouks en Asie Mineure au XIe et XIIe Siecles (d'apres les Sources Syriaques)//XIVe Congres International des Etudes Byzantines. Resumes-Communications. Bucarest.

Le Sultan et le Khalif (de l'Histoire de la Suzerainete et de Vassalite en Asie Occidentale aux Xie et XIIe Siecles)//BK-RK, vol. XXVIII. Paris.

1972

Сирийские источники по истории Византии XI–XII веков.// ВВ, том 33. Москва.

Рецензия: Еремеев Д.Е. Этногенез турок (Происхождение и основные этапы этнической истории). Москва, Наука, 1971. // СТ, № 2, Баку.

Titres et Tamga des Ildeghizides (Symboles et Attributs Feodaux au XIIe Siecle). BK-RK, vol. XXIX–XXX. Paris.

1973

Сирийский Аноним 1234 года о Византии и её соседях.// Античная древность и Средние века. Сборник 10. Свердловск.

Publications Relatives aux l'Etudes Azerbaidjanaises et de Albanie Caucasienne.//BK-RK, vol. XXXI. Paris.

Тюркские этнические группы XI–XII веков в Закавказье.//ТС – 1972. Москва.

1974

Сирийские источники по истории Закавказья XI–XIV веков.// Историко-филологический журнал АН Армении, № 2 (65). Ереван.

Пигулевская Н.В. и тюркология.//СТ, № 1. Баку.

Рецензия: Важный источник по истории Закавказья. Шихаб ад-Дин ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. Перевод с арабского, примечания и указатели З.М.Буниятова. Баку, ЭЛМ. 1973.//Известия АН Азербайджана, Серия истории, философии и права (СИФП), № 3. Баку.

Рецензия: Vryonis Sp. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. Berkeley and Los Angeles, 1971.//ВВ, том 36. Москва.

Imad ad-Din Nasimi. A l'Occasion du Sixieme Centenaire de sa Naissance.//ВК-РК, vol. XXXII. Paris.

1975

Современное состояние и ближайшие задачи изучения сельджукской проблемы.//ТС – 1973. Москва.

Relation entre Byzance et les Seljuks en Asie Mineure aux Xie et XIIe Siecles (d'apres les Sources Syriennes).//Actes du XIVe Congres International des Etudes Byzantines, vol. II. Bucarest.

Publicatins Relatives aux Etudes Azerbaidjanaises.//ВК-РК, vol. XXXIII. Paris.

Les Sources Syriaques sur les Croisances et les Moeurs des Oghuz du VIIe au XIIe Siecles.//TRET, vol. VIII/I. Paris.

1976

Место и роль сирийских источников в изучении истории народов СССР.//Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975 год. Москва.

1977

Из истории союзных отношений Азербайджана и Грузии в XII веке (в соавторстве).//Учёные записки Министерства высшего и среднего специального образования Азербайджана. Серия исторических и философских наук, № 4. Баку.

1978

Сирийские источники о верованиях и обычаях огузов VII–XII веков.//Сб.ст. “Византиноведческие этюды”. Тбилиси.

Рецензия: Новая публикация по азербайджановедению. Мамедова Ф.Дж. “История албан” Моисея Каланкатуйского как источник по общественному строю раннесредневековой Албании. Баку, ЭЛМ, 1977.//Известия АН Азербайджана. СИФП, № 2. Баку.

Уджи – военно-феодальный институт в Малой Азии в XI–XII веках.//ТС – 1974. Москва.

Историография истории Закавказья XI–XII веков.//ТС – 1976. Москва.

Nouveaux Ouvrages contribuant a la Connaissance du Caucase. Le 850^e anniversaire d'Adjemi Nakhtchevani.//БК-РК, vol. XXXVI. Paris.

1979

Азербайджан в эпоху феодализма: III–XII века.//В кн.: История Азербайджана. Баку.

Рецензия (в соавторстве): Сейфеддини М.А. Монетное дело и денежное обращение в Азербайджане XII–XV веков. Книга I. XII – начало XIV веков. Баку, ЭЛМ, 1978.//Известия АН Азербайджана, СИФП, № 3. Баку.

Земли уджей (из истории института феодальных пожалований в XI–XII веках).// Сб.ст. “Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке”. Бартольдские чтения (БЧ) – 1975 года. Москва.

О городской жизни и товарно-денежных отношениях в Азербайджане XI–XII веков.//Сб.ст. “Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху Средневековья”. БЧ – 1976. Москва.

Краткая история Армении. Из “Хроники” Михаила Сирийца.// Сб.ст. “Кавказ и Византия”, вып. I. Ереван.

Сирийские источники по истории народов Закавказья.// Вопросы изучения и издания письменных источников по истории Грузии. Всесоюзная научная сессия. 9–10 октября 1979 года. Кутаиси. Тезисы докладов. Тбилиси.

Из “Хроники” Михаила Сирийца (статья первая).//Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник (ППВ) – 1973. Москва.

1980

Огузы, кыпчаки и Азербайджан XI–XII веков.//Проблемы современной тюркологии. Материалы II Всесоюзной тюркологической конференции. 27–29 сентября 1976 года. Алма-Ата.

Взаимоотношения Византии и сельджуков в Малой Азии в XI–XII веках (по сирийским источникам). //Сб.ст. “Средневековый Восток. История, культура, источниковедение”. Москва.

Rassegna degli Studi Sovietici di Storia dei Selgiuchidi.// Журнал “Rassegna Sovietica”, № 6. Roma.

1981

Из “Хроники” Михаила Сирийца (статья вторая).//ППВ – 1974. Москва.

XI–XII. Yüzyılda Önaşya’da Askeri-Feodalite Müessesesi – UCLAR.//VIII. Türk Tarih Kongresi. Kongreye Sunulan Bildiriler. II. Cilt. Ankara.

1982

Из “Хроники” Михаила Сирийца (статья третья).//ППВ – 1975. Москва.

Сирийские источники по истории Юго-Восточной Европы IV–XIV веков.//Балканские исследования. Вып. 7. Исторические и историко-культурные процессы на Балканах. Москва.

1983

“Книга занимательных историй” Бар Эбрея (XIII век) как исторический источник.//Всесоюзная конференция по проблемам арабской культуры. Памяти академика Игнатия Юлиановича Крачковского. Тезисы докладов и сообщений. Москва.

1984

Из “Хроники” Михаила Сирийца (статья четвёртая).//ППВ – 1976–1977. Москва.

“Книга занимательных историй” Бар Эбрея как исторический источник.//Сб.ст.“Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока”. БЧ – 1981. Москва.

1985

Сирийские источники по истории и культуре средневековых тюрок.//Вопросы советской тюркологии. Тезисы докладов и сообщений. 10–12 сентября 1985 года. Ашхабад.

1986

Сельджуки и Закавказье. //Историко-культурные контакты народов Алтайской языковой общности. XXIX сессия РІАС, Ташкент, 1986. Тезисы докладов XXIX сессии Постоянной международной Алтаистической конференции. Ташкент. Часть 1. История. Литература. Искусство. Москва.

1987

Из “Хроники” Михаила Сирийца (статья пятая).//ППВ – 1978–1979. Москва.

1989

Из истории первоначального распространения христианства на Северном Кавказе.//Источниковедение истории и культуры народов Дагестана и Северного Кавказа: принципы и методы изучения, оценки и использования. Тезисы докладов и сообщений региональной научной конференции. 12–13 октября 1989 года. Махачкала.

XI–XII. Yüyıllarında Azerdaycan'da Şehir Yaşamı ve Meta-Para İlişkileri üzerine.//V. Milletlerarası Türkiye Sosyal ve İktisat Tarihi Kongresi. İstanbul, 21–25 Ağustos 1989. Tebliğ Özetleri. İstanbul.

1990

SSRİ'də erməni lobbisi.//”Xəzər. Ədəbi-bədii toplu”, № 4. Bakı.

XI–XII. Yüyıllar Azerdaycan'ında Şehir Yaşamı ve Emtea Para İlişkileri üzerine.//V.Milletlerarası Türkiye Sosyal ve İktisat Tarihi Kongresi. İstanbul, 21–25 Ağustos 1989. Tebliğler. Ankara.

Azerbaycan'da Etnik Sürecler Üzerine (Tarihsel Bakımdan).// XI. Türk Tarih Kongresi. 5–9 Eylül 1990, Ankara. Bildiri Özetleri. Ankara.

1991

Византия и Восток в трудах Н.В.Пигулевской.//XVIII Международный конгресс византинистов. Москва, 8–15 августа 1991 года. Резюме сообщений. Москва.

1992

Historical Aspect of Interethnic Collisions in Azerbaijan.//Journal of the Institute of Muslim Minority Affairs, vol. XIII, № 1, January. London, UK.

1993

Selçuklular Kafkas'da.//Türk Kültür Araştırmaları. Yıl XXX/1–2. 1992. Ankara.

1994

Византия и Восток в трудах Н.В.Пигулевской (К 100-летию со дня рождения).//ВВ, том 55 (80), часть первая. Москва.

Azerbaycan'daki Etnik Süreclerin Tarihi Yönleri.//XI.Türk Tarih Kongresi. Ankara: 5–9 Eylül 1990. Kongreye Sunulan Bildiriler. II. Cilt. Ankara.

1995

Россия и Кавказ: прошлое и настоящее.//Россия и Восток: проблемы взаимодействия. III Международная научная конференция, 29 мая – 4 июня 1995. Тезисы докладов. Часть I. Челябинск.

1996

Udilər. Tarixi-etnografik tədqiqat (в соавторстве). Bakı.

Byzantium, Seljuks, Transcaucasia.//Acts of the XVIIIth International Congress of Byzantine Studies. Selected Papers: Main and Communications. Moscow, 1991. Vol. I: History. Shepherdstown, USA.

Ethnic Situation in the Caucasus.//PERCEPTIONS. Journal of International Affairs, September–November, vol. I, № 3. Ankara.

1997

Азербайджанская община США.//Доклады Второго Бакинского международного симпозиума “Азербайджан в международных многосторонних взаимосвязях”. 22–24 ноября 1995 года. Баку.

1998

Концепция истории Азербайджана. //Материалы Второй республиканской научно-практической конференции “Азербайджан на пороге XXI века”. Баку.

1999

Концепция истории Азербайджана. Баку.

“Хроника” Михаила Сирийца об огузах.//Altay Dünyası. Beynəlxalq jurnal, № 5–6. Bakı.

Udilər. Tarixi-etnografik tədqiqat (в соавторстве). İkinci nəşri. Bakı.

2000

Новое издание Евангелия на азербайджанском языке.//Журнал “Литературный Азербайджан”, № 10. Баку.

История Азербайджана. С древнейших времён по 1920 год (в соавторстве). Баку.

Азербайджанская Республика в зеркале полиэтничности: история, современное состояние, прогноз, рекомендации.//Журнал “Центральная Азия и Кавказ” (ЦАК), № 4 (10). Лулеа, Швеция.

Azerbaijan in the Mirror of its Ethnic Composition: Past, Present, Future, and Recommendations.//Central Asia and the Caucasus Journal (CAC), vol. 4. Lulea, Sweden.

2001

История Библии в Азербайджане: к выходу нового издания Евангелия на азербайджанском языке.// Журнал “Tarix və onun problemləri. Nəzəri, Elmi, metodik jurnal” (ТОР), № 3–4. Bakı.

2002

Иудаизм, кавказим и Хазарский каганат.//ТОР, № 4. Bakı.

Иудаизм, кавказим и Хазарский каганат. //Международная конференция “Горские евреи: с Кавказа в Израиль”, Иерусалим, 8–10 октября 2002. Тезисы докладов. Иерусалим.

То же – на иврите. Иерусалим.

2003

Концепция национальной политики Азербайджанской Республики. Баку.

“Родословная” армян и их миграция на Кавказ с Балкан (в соавторстве). Баку.

Южный Кавказ: политические аспекты проблемы незаконного распространения лёгкого и стрелкового оружия. //ЦАК, № 6 (30). Лулеа, Швеция.

South Caucasus: Political Aspects of the Spread of Small Arms and Light Weapons.//CAC, № 6 (24). Lulea, Sweden.

2004

Религия и политика: взаимоотношения на азербайджанском фоне.//ЦАК, № 3 (33). Лулеа, Швеция.

Religion and Politics: Interaction Against on Azerbaijanian Background.//CAC, № 3 (27). Lulea, Sweden.

2006

Великий Шёлковый Путь и Азербайджан. Баку.

Die Grosse Seidenstrasse und Aserbaidshan. Baku.

The Great Silk Road and Azerbaijan. Baku.

То же – на арабском языке. Баку.

Азербайджан в геополитическом противоборстве систем: между Российским и Евроатлантическим узлами.//Сб.ст. “Геополитика-безопасность-терроризм”. Бишкек.

Евреи Азербайджана.//Азербайджан в мире. Международный журнал политической аналитики и социокультурных исследований, № 1 (3), март. Баку.

Этноконфессиональная ситуация в Азербайджанской Республике на 2005 год.// Азербайджан в мире. Международный журнал политической аналитики и социокультурных исследований, № 2 (4). Баку.

2007

Проблема азербайджанства в истории Азербайджана. // Civilization Researches, № 5. UNITWIN/UNESCO. Tbilisi.

Being Azerbaijanian – as Reflected in History of Azerbaijan. // Civilization Researches, № 5. UNITWIN/UNESCO. Tbilisi.

Евреи Азербайджана. // Азербайджан и азербайджанцы в мире. Культурологический журнал, № 1, июнь. Баку.

Ичери шеher в Баку. Баку.

Icheri Sheher in Baku. Baku.

Itscheri Scheher Baku. Baku.

То же – на арабском языке. Баку.

Deutsche in Aserbaidshan. Baku.

2008

Иудаизм на Кавказе. // Кавказ и глобализация. Журнал социально-политических и экономических исследований. Специальный выпуск “Религия и Кавказская цивилизация”, том 2, выпуск 3. Швеция.

Judaism in Caucasus. // The Caucasus and Globalization. Journal of Social, Political and Economic Studies. Special Issue “Religion and the Caucasian Civilization”, vol. 2, issue 3. Sweden.

2009

Азербайджанство и тюркизм. // www.ethnoglobus.com/

Азербайджанцы: тюрки-азери. // Журнал “Азербайджан и азербайджанцы в мире”, №2.

Новоассирийцы. // Журнал “Азербайджан и азербайджанцы в мире”, №2.

Немцы Азербайджана. // Журнал “Азербайджан и азербайджанцы в мире”, №2.

Армяне. // Журнал “Азербайджан и азербайджанцы в мире”, №2.

РАУФ А. ГУСЕЙН-ЗАДЕ

**КАВКАЗ И
СЕЛЬДЖУКИ**

**Баку
«Кавказ»
2010**

Технический редактор: *Агаев Р.*
Компьютерная верстка: *Керимов А.*
Дизайн обложки: *АйНур*
Оператор: *Ахмедова Ю.*
Корректор: *Гусейнова Л.*

Подписано к печати 29.09.2010.
Формат 60x90 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная.
Физический п.л. 17. Заказ 316. Тираж 1000.

Отпечатана в типографии ОАО “Şərq-Qərb”.
Баку, улица Ашуга Алескера, 17
Тел.: (+99412) 374 75 62
Факс: (+99412) 370 18 49
sharq.qarb@gmail.com